

Ирина Анатольевна Дедюхова

ПОЗОВИ МЕНЯ ТРИЖДЫ...

роман

Оглавление

Часть 1. Что было

1. В подполье	Стр. 2
2. Сам-четверг	Стр. 11
3. Десятка пик	Стр. 17
4. Десятка треф	Стр. 24
5. Ленорман	Стр. 32
6. Семерка треф	Стр. 33
7. Девятка пик	Стр. 46
8. Король червей	Стр. 53
9. Девятка треф	Стр. 59
10. Пиковая дама	Стр. 66
11. Шестерка пик	Стр. 78
12. Дама треф	Стр. 88
13. Трефовый валет	Стр.101
14. С песней по жизни	Стр.107
15. Ночной разговор	Стр.114
16. Дальняя дорога	Стр.116
17. Туз бубен	Стр.120
18. О разведении слонов в Белоруссии	Стр.124
19. Танцы-шманцы	Стр.130
20. Ягодок — полный кузовок!	Стр.136
21. Пиковый интерес	Стр.139

Глава 1. ЧАСТЬ 1. ЧТО БЫЛО

*Мне говорят, что нет любви в помине,
Она мертва, а жизнь — лишь пот и кровь.
Но почему безумцы и поныне
Творят свою бессмертную любовь?
Я вижу их истории начало
В улыбке глаз и ветре в волосах,
Но надо, чтобы Время зазвучало
В наивных и беспечных голосах.
Не сочиняют свыше наши встречи,
Не оставляют горечь на потом.
Мы сами зажигаем сердцем свечи,
Чтоб тот огонь нести из Храма в Дом...*

1. В подполье

— Вот все как договаривались, Макаровна!- сказала полная молодая женщина, выкладывая содержимое кошелки на кухонный стол. За ее подол, качаясь на ножках, цепко держалась годовалая девочка, исподлобья глядя на большую старуху в платке.

— Ой, даже не знаю, как и сказать-то такое, Валя, но сѣдни Терех у меня сидит! — решившись, выдохнула Макаровна, будто бросилась в омут.

— Да ты чо? Дык, я-то как? Мне же на работу! Мы ж договорились...

— Я тоже отказать не могла. Мы же по папаше ихнему сродственники. Этого архаровца опять в садик не приняли, вот Дуся перед тобой его и завела. Да ты не бойся, один денек ни чо не будет! Заводи свою принцессу! Вот какие у нас девочки! Какое платьице! Валь, где такое платье покупала? У меня у подружки внучка чуть помоложе твоей Катерины, гостинец бы собрать... У тебя ни чо не осталось с Катюшки сильно не заношенного?

— Может, и осталось, Макаровна, надо поглядеть, — растерянно сказала Валя.

— Как мне сейчас на работу-то идти, если эта сволочь у тебя сидит?

— Да не бери в голову, касатка! Он один, что ли? У меня еще Галины близнецы сидят, ясли у них на карантине. Ну, Галю-то Кондратьеву знаешь? Цельный колхоз у меня! Не пропадет твоя Катерина, вместе им будет еще веселее, — умильно проговорила старуха, подхватывая Катюку на руки. — Давай, мамочка, на работу вали, а мы тут с бабушкой посидим, да?

Валя с грустным лицом пошла к двери, стараясь не оглядываться на Катюку, которая, почуяв недоброе, набрала побольше воздуха для крика и принялась отталкивать вцепившуюся в нее старуху. Уже в подъезде Валью настиг отчаянный крик дочери. Она втянула голову в плечи и, удерживая слезы, побежала к трамвайной остановке.

Макаровна, понимая, что Катюкин вой ей все равно не унять, сразу из коридорчика прошла с ревушим ребенком на руках в небольшую комнату. Повернуться там особо было негде. Все пространство занимали шифоньер, огромный кожаный диван с откидными валиками и круглый, во всю комнату стол, покрытый бархатной скатертью.

— Терех! Ты там, а? — спросила старуха.

— А куды я денусь? — рассудительно ответил ей рыжеватый веснушчатый мальчик лет пяти, выглянув из-под стола.

— Мне до телеграфа бы сбегать надо, переговоры у меня с Ленкой... Опять, видно, денег просить станет, — раздумчиво сказала Макаровна. — Ты бы не паялил zenки, как враг народа, а посидел бы с девчонкой тети Вали Савиной, а? Ее Катериной зовут. Валя полкурицы принесла, я тебя крылышком угощу!

— На фиг мне крылышко! Я ножку хочу! — пробурчал Терех.

— Вот и договорились! Вот и поладили! — радостно сказала Макаровна, запуская плачущую Катю под стол. — Ступай-ка, мила дочь, в подполье! Обвыкайся!

Сначала под столом было темно, а потом Катя, всхлипывая и размазывая сопли по щекам, разглядела двух совершенно одинаковых мальчиков, сидевших тихонько в самом углу и спину Тереха. Терех не смотрел на нее, потому что он был очень занят постройкой деревянного домика с окошком из специальных палочек. Маленькие деревянные елочки были расставлены здесь же под столом в улицу, тут же стояли и другие деревянные домики, не разбираемые, из кубиков. По улице уже ехали машинки, а у домиков стояли деревянный милиционер, маленький пластмассовый Буратино и голый резиновый негритенок. Буратино был в коротких штанах, в белой рубашке и красной шапочке, нос у него был обломан, поэтому Катя решила, что это — пионер. Про Буратино она пока еще ничего не знала, а пионеров видела, когда гуляла с мамой. Мама показала ей мальчиков и девочек в таких же штанах и рубашках, которые шли с флагом и барабаном, и сказала: «Вот, Катенька, это пионеры!» Она ткнула пальчиком в Буратино и пропищала сквозь слезы: «Пи!»

— Не, Катька, этого «Пи» тебе нельзя, это бабкин «Пи». А негритоса — бери, пожалуйста! — дружелюбно сказал Терех, отдавая ей в ручки негритенка. Негритенок был мягкий и гладкий, его было удобно держать в руке, а голова прекрасно влезала в рот. Десны чесались, поэтому Катя с удовольствием принялась его жевать, наблюдая за строительством Тереха. Вдруг близнецы разом накуксались и заревели. Терех оставил игру и с ненавистью сказал Кате:

«Вот, Катерина! Ты когда-нибудь видала таких никчемных пацанов? Им уже почти три года, а они молчат, как немцы, до последнего, а потом в штаны напустят и воют! Сколько раз говорено, чтобы выли раньше! Сколько бить-то вас можно!»

Терех щедро раздавал подзатыльники, близнецы орали, и Катя тоже присоединилась к ним. Подошедшая с телеграфа Макаровна крикнула от дверей: «Терех! Катька-то жива?» и, услышав утвердительный ответ Тереха, спокойно пошла на кухню, готовить детям обед из принесенной их родителями снеди.

После обеда Макаровна выставила раскладушку, постелила на нее ватное одеяло, а сверху положила подушку-думку с вышитым пуделем.

— Вот, Терех, обустраивайся! Да проследи ненароком, чтобы близнецы покрывало на диване не обсикали!

— Их уследишь, как же!

— А и то правда! Ладно, что диван кожаный, покрывало я застираю, в случае чего, — умиrotворенно сказала старуха, укладывая Катю с собой на большую кровать с горой подушек у самой стенки.

На стенке висел плюшевый ковер, на котором усатый дяденька вез куда-то на коне красивую тетеньку, прижимая к себе. Вокруг них были желтые горы, поросшие кривыми деревьями, а из-за гор торчали странные дома с острыми крышами... Он вез ее и вез, все дальше и дальше...

— Катенька! Просыпайся, радость моя, мамочка пришла! — разбудил ее голос мамы. Макаровна, сонно зевая, сидела в изголовье кровати в большой фиолетовой майке с крестиком на заношенном шнурке. Близнецы спали, обнявшись, а с раскладушки на них пялил зенки Терех.

— Рано ты чо-то, Валь, — сказала Макаровна.

— Меня сегодня пораньше мастер отпустил, — пояснила мама.

— Завтра кушать не носи, завтра Дуся Терехова принесет.

— А он... он опять завтра будет? — осторожно поинтересовалась мама.

— А куды его денешь? — резонно заметила бабка. — Да хорошо они играютя, не переживай!

Зайдя в квартиру, Валя спустила дочку с рук на пол, а сама наклонилась расстегивать боты. Катя, не дожидаясь, пока мама разуется, потопала в комнату. Вдруг Валентина вспомнила, что, уходя на работу, она нарочно оставила открытым балкон для проветривания разложенных перин. С опустившимся сердцем Валя заглянула в комнату, Кати уже нигде не было. «Ка-ать...» — позвала она, но горло перехватил сухой спазм. Побелев, Валя

опустилась на пол с ботами в руках, стук сердца отдавался в висках. Сквозь него не сразу дошло, что стучатся и в дверь. Валя, держась за сердце, чтобы оно не выпрыгнуло из груди, медленно открыла дверь. Там стояла Дуся Терехова с ихнего участка. Она оставалась за Валю в очереди купить яиц, продававшихся после смены у них в цехе по пропускам, пообещав, что занесет яйца вместе с пропуском после работы.

— Валь, ты чо такая? Терех что-то отмочил? А? — с участием накинулась она на Валю.

— Не-е... Там дверь балкона открытая, Катька туда ушла, пока я боты снимала. Выглянуть боюсь...

Дуся пулей кинулась на балкон, свесилась с него и крикнула Вале: «Валь, нету тут никого! Ты в квартире-то хорошо посмотрела?» Зайдя в комнату с балкона, Дуся, первым делом, приподняла скатерть над круглой столешницей. Под столом, за крестовиной, соединенной фигурной розеткой тихо сидела Катька.

Валя, всхлипывая, прижимала Катьку к себе, а та все молчала, уставившись взглядом в одну точку. Дуся, озабоченно поглядев на них, прошла с кошелкой на кухню.

— Не реви, подруга, все будет путем! Я вечером Тереха старшего пришлю, он тебе балкон стеклотканью затянет. Красота будет! Только ничего ему не давай, а то опять zenки зальет, как враг народа. Он задаром в литейном эту ткань берет, сколько надо. Почти всем знакомым балконы уже обтянул. Она прочная, зараза! Никто не выпадет, не бойсь. И, главное, ничего из нее больше и пошить нельзя. Я так о таком плаще мечтала! А она колется, зараза! Прямо, чесотка! А Катька твоя после Макаровны все время теперь под столом будет. И, ты знаешь, это Макаровна очень удобно придумала. Там у них домик, игрушки. Сидит себе ребенок смирно, стулья не переворачивает, шали на них не накидывает, паровозы не строит... Нет, Валя тебе очень повезло, что ты девку родила. Вот у меня Татьяна — прямо помощница! Прямо не знаю, чтобы я с этими двумя Терехами делала! Я бы давно по фазе съехала! Я бы коньки на крючок откинула! — в сердцах говорила Дуся, выкладывая яйца на кухне.

Дуся ушла, а Валя с Катей еще долго сидели на диване. Спустя час-полтора пришел мрачный папа Терехов и что-то долго делал у них на балконе. Потом ему кто-то снизу свистнул, он свесился по пояс с балкона и с этим кем-то о чем-то договорился. Мама Валя ничего и дать-то ему не успела за балкон, потому что после разговора он тут же убежал, бросив у них свой инструмент.

Когда стемнело, пришел с работы папа. Он вымыл руки, и они все пошли кушать. Катю взял на руки папа, и она, пытаясь кушать сама ложкой, измазала его кашей. Она видела, что мама продолжает немножко плакать, но уже не так сильно. А лежа в кроватке, Катя слышала, как папа тихо говорил маме: «Ничего, Валюш, не реви. Макаровна — проверенная бабка. Она вон эту свою Ленку-приемыша подняла, она ведь и Валерку Кондратьева вынянчила и Таньку Терехову. Они уже в этом году в первый класс ушли... При ней ведь и Терех — шелковый. Дороговато, конечно, четвертной платить в месяц, да с едой еще, но ведь, когда, помнишь, Катюшка болела, рубаху ведь были готовы последнюю снять! И что меня, лично в ней подкупает, а все родители про это говорят, что она сама не пожрет, а дите покормит. Другие бабки, знаешь, какие! Такие ведь стервы есть! Жрать только могут! Ничего, обвыкнемся!» Папа через некоторое время громко захрапел, а мама все ворочалась и вздыхала. Катя тоже сопела в подушку, но не спала, она думала. Вот страшно это или не страшно жить у Макаровны под столом? Она вспоминала полумрак, запах бязевого фартука Макаровны и, наконец, решила, что папа прав, как-нибудь она там обвыкнется. Она сложила под правую щеку ручки лодочкой и поплыла навстречу беспмятным детским снам...

* * *

Все неприятности у Вали в жизни начались в июле позапрошлого года, сразу после смены, когда бабы, в раздевалке заприметили округлившийся Валин живот.

— Та-ак, Валька... Та-ак... Значит, с залетом, подруга дорогая! Ну, и чо? Опять нам, бабы, по полторы смены пахать! Говорила же, что годик обождешь! — в сердцах сказала бригадирша.

Счастливая Валя обнимала руками свой живот и виновато глядела на подруг.

— Она ведь замужем все-таки, Ивановна, — осторожно заметила Галя Кондратьева.

— Ой, ты бы, Галина, вообще молчала! Сама-то только с Валеркой расчухалась, только с больничных вылезла, как с близнецами залетела! — отмахнулась от нее расстроенная бригадирша.

— Что, не рожать теперь, что ли? — обиженно протянула Дуся Терехова.

— Да я не про это... План-то ведь не урежут, да и Вальку жалко... Сейчас начнется у нее сплошное веселье. Ладно, Валентина, держись до последнего. На легкий труд не уходи, в складе сквозняки сплошные, на всю жизнь просквозит. И там такой пень старый работает, что нарочно заставляет

легкотрудниц самих детали со склада вытаскивать, никого из мужиков цеховых туда не пускает. Мол, не положено! Все ему нейдет, все надо над бабами повикомыривать. Генерал! С нами до срока останешься. В случае чего, я участковую нашу повитуху упрошу тебя на больничный отпустить пораньше. Ты на учет-то встала?

— Нет еще...

— А чего?

— Стесняюсь...

— На учет вставать, так она стесняется, а детей делать и план срывать, так и стыда нету чо-то! — удивилась Ивановна. — А срок-то свой хоть знаешь?

— Ага, в начале июня, — прошептала Валя.

— В консультации на три недели раньше скажешь, по задержке, поняла? — строго сказала бригадирша.

Валя кивнула тогда и чуть не заревела, обидевшись на бригадиршу. Но сколько раз потом она была ей благодарна за этот ее указ! Все-таки, какая у них была умная Ивановна, как она все видела наперед! Она действительно заранее жалела Валью, так же на производстве родив когда-то троих детей.

Почти до самого дородового отпуска Валя продержалась на участке, больничный брала только раз, чтобы съездить на покос в деревню. Отпуск перед родами из-за подсказки Ивановны получился большой, и Валя с Васей

успели съездить в Москву за одеждой для маленькой. Даже шубу Вале купили, правда, три часа стояли в очереди. С заявлением на ясли Ивановна тоже подсказала. Они с Васей отнесли заявление пораньше Льву Абрамовичу, представителю цеха в месткоме, вместе с поллитрой и банкой меда. Он там, в месткоме, даже не волком, а львом выгрызал бюрократизм, но так, что все у него до самого верха были друзья-приятели. А вот потом действительно началось у нее сплошное веселье. Декретный отпуск — только три месяца, и как отдавать такую крошку кому-то на руки, Валя совсем не понимала. Но деваться было некуда, да и путевка могла пропасть.

Таких крох в яслях звали немцами, потому что они по малолетству, слава Богу, помалкивали, посапывая беспомощными кульками на веранде. И пока Катенька была в группе немцев, она почти не болела. А как она стала ползать, так началось — то одно, то другое. В последний раз они чуть ее не потеряли из-за воспаления легких. В слезах измотанная Валя пришла на участок. Совесть у нее была не только детей делать, но и на работу, но отдавать неокрепшую дочку обратно в ясли она боялась. Тогда Галя и Дуся рассказали ей про Макаровну из цокольного этажа. Двадцать пять рублей — сумма, конечно, значительная, но здоровье дочки было дороже, поэтому Катя отправилась к Макаровне под стол...

* * *

Весь мир теперь представлялся маленькой в вертикальных черточках сквозь шелковую бахрому скатерти. Маму, Макаровну и всех, кто ходил к старухе, Катя видела теперь, в основном, ниже пояса. И со временем она научилась различать их голоса и характеры лишь по походке, штопке на чулках и стрелках на брюках. Но болеть она действительно перестала. Под столом все время было тепло, а Макаровна еще застилала пол половиками и стареньким байковым одеялом. Тереха время от времени брали в садик, и почти всю зиму они сидели только втроем с близнецами до тех пор, пока он снова кого-нибудь там не избивал и не возвращался к ним под стол.

Если мама задерживалась на работе, или им с папой давали билеты в театр, Катя сидела у Макаровны до позднего вечера, потому что ни старшей сестры, как у Тереха, ни брата, как у Саши и Вани, у Кати не было. Но вечером у Макаровны было особенно интересно сидеть под столом. К ней по вечерам приходили разные тетеньки узнавать свою судьбу. До бабки они свою судьбу совсем не знали или очень в ней сомневались, а Макаровна им говорила всю правду по картам.

Кате тоже интересно было узнавать судьбу тетенок, а главное, наблюдать, как их ноги в разных башмаках вели свою обособленную от хозяек жизнь под столом, когда судьба в лице Макаровны раскрывала им свои карты.

— Ой, чо это? А? Опять пустое? — причитали черные полуботинки, безвольно разваливаясь подошвами наружу.

— Сама видишь, касатка, — вздыхали двойные, рыжие носки Макаровны из овечьей шерсти.

— Блондин, червой масти, — в нетерпении выбивали дробь изящные лодочки.

— Туз трефовый... Пики да пики, да все пиками вниз... Сколько же еще-то можно? — спрашивали не столько Макаровну, сколько саму судьбу стоптанные потертые сапоги, сворачиваясь калачиком.

— Сколько мона, столько и нано! — отрезали виляния в сторону носки Макаровны. — Сколько я тебе говорила, чтобы к королю в казенном доме прислон держала! Любовь-морковь у нее к пустым валетишкам! Сама теперь видишь, кто прав был!

А Катя, глядя на свои подбитые войлоком пинетки, все думала, какая же это страшная штука — любовь-морковь. Она искажала линию судьбы и всегда по картам оборачивалась пустотой. Катя решала, по крайней мере, больше не кушать тертую морковку, чтобы лишний раз не искушать суровую, беспощадную ко всем тетенькам судьбу.

И такими вечерами, когда Макаровна дремала с вязанием в кресле, а под столом сидеть одной было темно страшно, Катя забирала со стола колоду карт и внимательно разглядывала их на диване, пытаясь понять, что же означают эти разрисованные картинки в ее жизни? Макаровна, глядя, как двухлетняя девочка молча сидит, вперившись в даму пик застывшим взглядом, окликала ее и подсовывала книжку с картинками про красавицу-кукурузу, которую от всех напастей спасает молодой комбайнер. Еще у Макаровны была книжка про малютку из хлопка и две книжки про Марью-царевну и гусей-лебедей, да только Катя уже наизусть их знала, даже зажмурившись. Но странное дело, вот на карты она могла глядеть часами. По правде, в нарисованные лица ее заставляла вглядываться тревожная мысль. А почему одна и та же картинка для тетеньки с пятого этажа означает нетрезвого мрачного дяденьку из трамвайного депо, которого Катя два раза видела на улице, а для тети в пушистой горжетке — совсем другого, в фетровой шляпе и синем галстуке? И за каждой засаленной картой со стертими краями перед ее взглядом выстраивалась вереница людей, как в очереди за хлебом. И Катя думала, кто

же вот это решает, кому куда вставить? Макаровна? Или они сами давно уже меж собой разобрались, кому из них в колоде быть валетом трефовым, кому червовым королем, а кому и бубновой дамой?

2. Сам-четверг

Валет — это, касатка, всегда одни заботы да хлопоты. Чо-то не припомню от них пользы-то никакой. А как выпадут все четыре на круг, сам-четверг называется, так и будет у тебя сплошной четверг без субботы и пятницы. Драчки да ссоры. Ты, когда во двор гулять пойдешь, так от мальчиков, которые по четыре собираются, подальше держись, непременно поколотят. Или обидят как-нибудь, точно-точно! Ты до четырех-то сосчитаешь? Нет? Сопля ты, соплей! А вот как они на сердце лягут, так начнутся у тебя одни заботы-заботушки. Не верти головой! И запомни, когда они в короли вдруг выйдут, так следить за ними надо в оба! Что задумано в вальте, то и скажется в короле...

* * *

Валетами были пока близнецы, Терех и сам Валет, которого Катя уже знала по ботинкам с подшитой дратвой подошвой, старший брат Саши и Вани по имени Валерка. А всех Валерок в их дворе так, сколько не помнила Катя за свою короткую жизнь, и выкликали на улицу: «Валет! Валет! Выходи!» Этого Валета Катя почему-то заранее боялась, и когда за близнецами заходил

старший брат, всегда пряталась под стол, узнавая его по шаркающему звуку ботинок. Поэтому она и не знала, какой же масти этот Валет? Но какой-то грустный голос в ее маленькой, с кулачок, душе обречено подтверждал ее сомнения, говоря, что там, у дверей переминается с ноги на ногу сам Катькин червовый Валет.

Близнецы, которые уже и Катю достали своими капризами и неизменно мокрыми штанами, были точно бубновой и пиковой мастей. Никакого от толка от них не предвиделось — ни в настоящем, ни в будущем. Никуда от них было не деться, надо было их принимать как неизбежное жизненное обстоятельство. Так, значит, этот Терех — трефовый валет? Макаровна была душевно расположена только к трефовому парнишке в бархатном берете с жидкими усиками. Она утверждала, что это — верный друг и защитник на всю жизнь. Нет, что-то тут не вязалось, не склеивалось. Терех почему-то не укладывался в обычный трех ярусный пасьянс. Да и по его развязному наглomu виду нельзя было сказать, что кто-то мог бы предсказать что-то на счет его Тереховских планов и Тереховской верности. И Катя, торопливо семенившая за Макаровой с вышитой подушкой для Тереха, твердо знала, что его лучше не злить, заразу, а то такого леца даст друг и защитник, что неделю под столом сидеть будет не на чем.

Интересно, а когда мальчики вырастают, то они все сразу становятся королями? И почему для маленьких девочек нет никаких карт, разве можно

родиться сразу дамой? Правильно, все для этих мальчиков, весь пасьянс как на ладони! И Катя, стелившая с Макаровой постель с завистью оглядывалась на Тереха, безмятежно жуящего плюшку на подоконнике.

* * *

А если честно, то Терех завидовал наоборот Катьке. Ну, если мамка каждый день попрекает, что два Тереха на один дом ни одна баба не сдюжит, так как быть? Ни один Терех, говорит, еще человеком не был. Интересно, а он чо, разве не старался быть человеком? Стараешься, стараешься, а все зря! Из-за ерунды все срывается. Интересно, а как это у близнецов получается? В штаны дуют потихоньку и все равно человеки! А если он вдруг обоссется, так крику будет на весь дом!

И засыпая, каждый вечер Терех ворочался на бабкином сундуке, выставленном для него мамкой в коридорчик. Сундук уже был маловат, то голова, то ноги свешивались с него в самый неподходящий момент. Уснуть на нем Терех мог, только свернувшись калачиком, засунув в рот большой палец левой руки. И даже в таком положении он все равно завидовал Катьке, которую водили к Макаровне в хорошенькой шерстяной матроске. Ну, почему ему мамка из своей юбки матроску не сшила! Сколько ведь просил! Так Таньке своей кофту пошила. А Катькину матроску он вообще-то померил, когда Макаровна на телеграф бегала. Да голова все равно не пролезла, зараза. Интересно, а вот Катьке она — как раз, главное! Несправедливо.

А по пятницам, как только Терех начинал засыпать, сквозь сон раздавалось знакомое противное скырканье в замочке. Это папка пытался открыть дверь. Терех натягивал одеяло на голову, но и укрывшись с головой, он слышал, как папка опять запинается за порожек, опять делает два больших шага нараскорячку и упирается головой в стенку. Потом, пошевелив задом, он закрывает входную дверь. Сволочь. Сейчас будет сопеть и стараться стянуть ботинки. Интересно, а он хоть раз развяжет спяну шнурки-то? Не-е, так и не развяжет, гнида, потому как решит, что дело это бесполезное, раз ботинки назавтра снова надевать.

Отвернувшись к стенке, Терех ясно представлял дальнейшие события, поскольку видел их в щелку из-под одеяла неоднократно. Вот мамка заверещала: «От самого перегаром тащит, а туда же еще, лезет, сволочь!» Ага, это папка пытается под ее боком на кровати пристроиться. А все равно свалится на пол, прогремит костями, если не сейчас, так под утро.

Конечно, деньги у него на выпивку имеются, а нет, чтобы сыну матроску купить или черепаху! Сволочь! «Я, — говорит, — сынок, в твои годы уже на рынке мотылем торговал!» И в такие ночи Терех с горечью думал, что ему, конечно, так же вот придется, бедному, всю остатнюю жизнь ползать по ночам в ботинках, потому что его, как папку, никто не любит, и матроски ему, конечно же, не видать.

В одно поганое утро Тереха разбудил дикий мамкин визг: «Терех, Терех! Иди сюда! Иди сюда гаденыш!» Заспанный Терех вышел к мамке на кухню. В облупившейся раковине, нависшей над коробом с картошкой, среди горы не вымытой с вечера Танечкой посуды, сидел кто-то маленький и черненький. Только приглядевшись, Терех понял, что это крошечный мокрый мышонок. Он протянул руку и взял в кулачок дрожащий от холода комочек. Кран папка так и не починил, ледяная вода все капала и капала на замерзавшую мышку. Интересно, а давно он тут бедует? Мамка, увидев глазенки-бусинки из Терехова кулака, окончательно зашла в визге. К ней присоединилась и проснувшаяся Танька. «Дави его, Терех! Теперь дави его!» — орали они на пару. А мышка только-только согрелась, и чувствовалось, что наконец-то ей впервые стало хорошо за все хреновое утро, потому что из кулака она даже не рвалась, свернувшись в комочек.

— Это же ты проказничаешь, гаденыш, со своим папкой-проходимцем! Терехи проклятые! Это ведь с ваших червей и мотылей така пакость в доме

развелась! — кричала на всю Ивановскую мамка. — На балкон не могли свои ящики выставить? Воняют тут еще!

— Гады-ы! — подвывала ей Танька, которой вообще следовало помолчать, раз тарелки не помыла.

Терех сплюнул на орущих баб, которые ничего не понимали ни в червях, ни в мотыле, и пошел собираться к Макаровне. Мыша он спрятал в коробочку из-под витаминов, подстелив ему ватку. Интересно, а Катька орать будет?

Катька не заорала даже тогда, когда на них кинулась огромная кошка Макаровны, смахнув по пути любимую чашку Макаровны. Она только зажмурилась, когда мышонок жалобно заверещал где-то уже внутри кошки высоким резким голоском. Потом она открыла глаза, полные слез и впервые сказала одним предложением: «Сволось ты, Телех!»

А потом она все равно ничего не говорила, только молчала и думала. Даже тогда, когда вернувшаяся с телеграфа Макаровна, взяв ее за ухо, громко допытывалась, кто разбил ее любимую фарфоровую чашку.

Говорить Катя начала много позже, только перед самым садиком — в три года. Родители уже побаивались за нее, мама хотела вести ее по врачам, но Макаровна ей запретила. «Да не хочет дите с вами лалакать! Оставьте ее в покое! Жрать захочет, сама заговорит!» — строго выговаривала она маме. И

вообще она тогда так душевно успокоила маму, объяснив что Катька — вовсе не дура.

— «Папа-мама» — говорит, «дай» — говорит, «не хочу» — говорит. Все, что в природе человеческой заложено, говорит, — бубнила она. — Даже на Тереха у виска пальцем крутит! А как колоду тасует — залюбуешься! Нет, раз не говорит, значит, недостойная вы для Катьки аудитория. Рылом не вышли! А врачи только пакостить умеют. Это всем известно! При усатом осетине с ними ведь чуть-чуть не разобрались. Врачи, эти их мать!

А потом у родителей возникли свои проблемы, и, в суете, они забыли немножко про Катю. Поэтому, когда года через полтора Катя заговорила с ними по-взрослому рассудительно, то через неделю все и думать-то перестали, что когда-то Катька не умела говорить.

Но и заговорив, она предпочитала тихонько шептаться с плюшевым мишкой и марлевой подушкой, набитой ватой, устроившись под столом или в уголке за диваном.

У близнецов в яслях все время были карантинны, всю зиму. Но с ними иногда было даже весело, когда они играли в те игры, в которые можно было брать девочек. Но, в основном, у них были свои собственные игры с танками и самолетами. Только при Терехе Саша и Ваня по-прежнему замыкались в себе и молча сикались в штаны. А Терех под столом уже откровенно скучал, он умел немножко читать, поэтому к весне он все реже спускался к ним подполье,

предпочитая рассматривать подшивку журналов с картинками на широком подоконнике. Близнецы тоже принялись учиться читать по книжке про кукурузу и даже предприняли несколько попыток выйти в свет из-под стола, но Терех сразу же загонял их обратно.

3. Десятка пик

Глянь-ка, сюда, глянь! Ну да, картинки здесь нет. Только, ежели, наберет кто десяточек вот этих черненьких пик, так в и в глазах черно покажется. Это, конечно, если из колоды одну карту скидывать.

В пасьянсе-то с ней по-разному бывает. С королем или дамой — марьяжный интерес, или наоборот несбыточное желание. С тузом пик, видишь, здесь одна пика-то, — неожиданное получение денег. Но во всех других раскладах — никакой радости, одна чернота, одна морока...

* * *

А как-то они пришли с мамой к Макаровне, а она чемоданы укладывает! Мама заголосила, что ей на работу надо, а Макаровна сказала, что всем чо-то надо, а вот ей надо срочно съездить к Ленке на недельку-другую, потому что на Ленку выпала десятка пик. А раз уж она ее подняла, Ленку-то, то, видно, и докармливать ей же до смерти придется. И реветь тут не об чем, Катька с Терехом может посидеть, потому как его опять очень кстати из садика выгнали. Мама сказала, что лучше она коньки на стенку повесит, чем оставит Катю с одним из Терехов. А Макаровна ей ответила, что ничего с ее принцессой

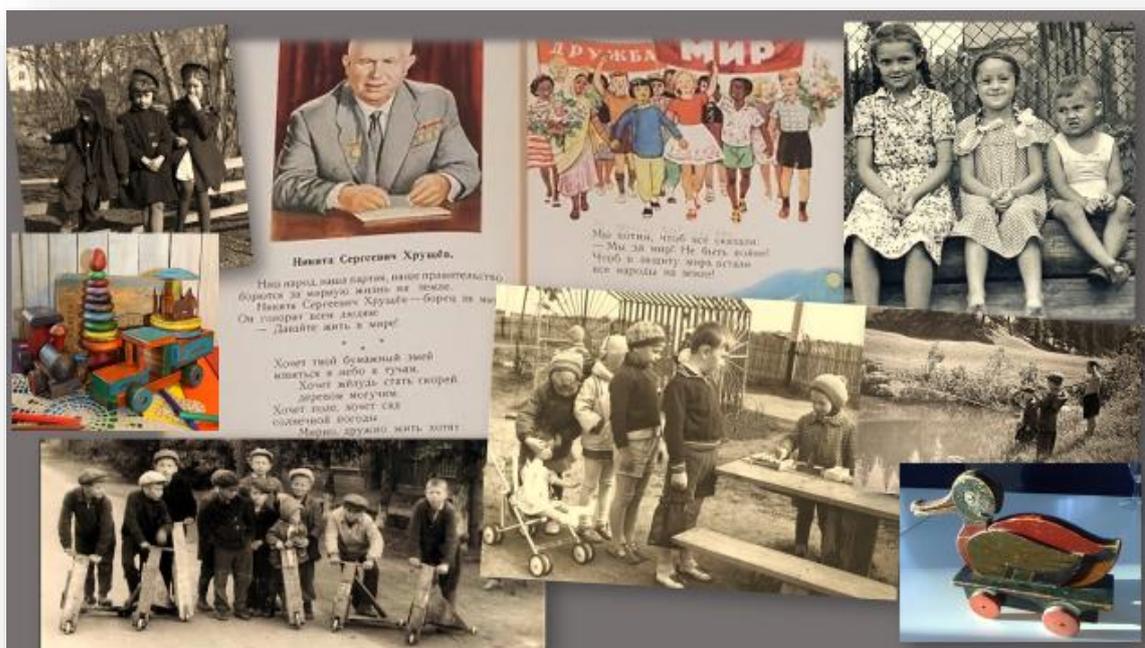

не случиться, да и саму ее не обнимет какой-то Кондратий, если Катька немного посидит с Терехом.

Проходящий поезд на Барнаул, куда закинула судьба непутевую Ленку, шел поздно вечером, поэтому на день Макаровна оставила Катьку себе. Под вечер она, на худой конец, подарила Катьке потрепанную колоду карт, чтобы та иногда ее вспоминала в период отлучки. Катя молча кивнула Макаровне и положила карты в кармашек фартучка, куда тайком складывала за обедом вареную морковку, выловленную из супа.

Деваться маме было некуда, поэтому Катя вместе с близнецами на время переехала к Тереховым. Стола у них не было, а диван стоял, вплотную придвинутый к стене. Катя растеряно встала посреди огромной полупустой комнаты с обшарпанными стенами и не знала, где бы ей расположиться с марлевой подушкой и плюшевым мишкой. Терех, войдя в ее затруднительное положение, от широты душевной показал Танькину железную кровать в соседней комнатухе, под которую Катька тут же залезла почти на весь день. После обеда, который им разогрела пришедшая из школы Танька, они общими усилиями уложили близнецов на диван, на котором все равно спал, в основном, пьяный папка. А Саша и Ваня перед сном уже задумчиво хмурили брови, как всегда перед тем, как усикаться.

Терех спать дома не ложился, осенью ему надо было отправляться в школу, поэтому обычай спать днем он уже считал для себя оскорбительным. Танька пошла к своей подружке Зельке, а Терех великодушно разрешил Катьке тоже не ложиться. Вместо этого он выдернул из обсыканных байковых штанов близнецов резинку и при помощи папкиной бритвы достал из нее тоненькую желтую резиночку — модельку. Потом он натянул ее на никелированные шарики Танькиной кровати и показал Катьке, как надо на ней играть. Ничего подобного Катя еще не видела. Моделька издавала нежный мелодичный звук, она пела и пела до тех пор, пока не лопнула и не ударила Катю по пальчикам больно-пребольно. От боли Катя тут же накуксилась и приготовилась плакать. — Кать, не вой, молчи, пожалуйста, — горячо уговаривал ее Терех, изо всех сил дуя ей на маленькие пальчики. — У меня, когда ты реवेशь, все внутри сжимается, просто готов с кого-нибудь шкурку снять, как с картофеля! Катька испугалась за близнецов и тут же постаралась реветь тихонько, сглатывая слезы. Терех вывалил ей на кровать все свои игрушки, и Катя их перебирала, пока тут же возле них и не уснула. Терех заботливо вытащил у нее из-под беспомощно откинутой головы деревянную раскрашенную птичку и, со вздохом, сложил все свои игрушки обратно в коробку. Он сел у изголовья кровати и стал смотреть на спящую Катьку. Она была так похожа на трофейную немецкую куклу, которую Таньке купила бабка на базаре! У нее даже ручки были такими же. Щечки у Катьки были розовые, а глазки припухли от слез. А еще Терех ни у кого не видел таких ярких малиновых губ, только на

карамельках. Интересно, а как на таких пальчиках тетя Валя ей ноготки стрижет? И матроска, если честно, шла Катьке гораздо больше, чем ему. У нее, когда она смотрела на него, были такие голубые глазки, такие голубые... Разбудил его настойчивый стук в дверь. Протирая глаза, он открыл дверь тете Вале.

— Где Катюша? — спросила она с порога, врываясь в квартиру.

— Спит. Да пусть поспит, я ее вечером заведу, — неожиданно для самого себя сказал Терех.

— А чо это ты такой добрый? — подозрительно осведомилась тетя Валя.

— Да жалко, что ли? — как можно равнодушнее сказал Терех и стал смотреть даже не на кукольное личико Кати, а на стенку, где он еще в прошлом году нарисовал собаку, за которую его побила мамка.

— Ладно, пусть поспит пока. Но смотри у меня, урка! — сказала тетя Валя, поднеся к самому его носу мозолистый рабочий кулачок.

Катька осталась в Танькиной кровати, и Терех опять мог на нее смотреть. Потом она заворочалась, захныкала спросонья, и почему-то у него куда-то упало сердце. Катя открыла мутные спросонья глазенки, а через мгновение уже смотрела на него вполне осмысленно. И Терех стал показывать ей рыбок в трехлитровой банке. Рыбок ему подарила бабка на день рождения еще осенью, а на аквариум так сбиться и не смогла, колхоз ей тогда не дал машину для картошки. Так, блин, картошка и погнила в подполье, бабке столько картошки было не надо, вот и не купила она тогда Тереху аквариум. Половина рыб из-за этого передохла, но оставшиеся поражали своей живучестью и мотыля жрали целыми пригоршнями. Катька уткнулась носом в аквариум, поражаясь бурной жизни, которую вели крошечные рыбки в таком небольшом пространстве...

И уже даже когда Макаровна вернулась от Ленки чем-то сильно расстроенная, Катя стала часто просить знаками маму вечерами отвести ее в гости к Тереховым, плача и колотясь в дверь. Мама была от ее просьб в смятении, когда Терех широко распахивал на их стук двери, она видела полуспущенного на пол с дивана его пьяного в дым папу. Но мама не знала, что спящий папа Тереха был совершенно безобиден и совсем не мешал им играть. Старшие Тереховы так и не смогли согласовать в Горгазе установку газовой колонки, папе Терехову все время было некогда, после работы ему все время свистели со двора, после чего он сразу заваливался на диван. Поэтому в ванной у Тереховых до сих пор стоял огромный титан. И Катя с Терехом могли часами сидеть в ванной при свете веселого огня, поедавшего щепу в чугунном титане,

рассматривать Танькины открытки и азбуку с большими, на весь разворот картинками, на которых дяденьки в галстуках улыбались им на фоне земного шара и разлетающихся в разные стороны белых голубей. Тереху сказали в садике, что они с Катькой живут как раз на таком шарике, а он сомневался. Катя задумалась надолго, а потом мысленно согласилась с Терехом. И как сами эти дяденьки с шарика не падают, когда выпьют водки как папа Тереха?

А иногда папа близнецов, дяденька Кондратьев, брал их с собой в голубятню, и они могли часами сидеть в шатком домике на четырех деревянных столбах. Голуби дяденьки Кондратьева были непохожи на тех, что были нарисованы в азбуке. Дяденька Кондратьев говорил, что в азбуке нарисована шелупонь беспородная, за которую на базаре только по шее дадут, а веточки в клювики своим голубям он запретил засовывать Тереху, которому очень хотелось, чтобы голуби полетели в разные стороны с веточками как в азбуке.

Дяденька Кондратьев ходил в замечательных немецких сапогах, которые он сам добыл на войне, и сносу этим сапогам не было. Вот хоть куда в них топай, хоть по деревьям лазай. Он даже в них две реки форсировал — так им хоть бы хрен! А ведь еще неизвестно, где тот немец в них шастал, ну, тот, который носил их до дяденьки Кондратьева. И то, что в их стране таких сапог не производили в массовом пошиве, дяденька Кондратьев видел тайный стратегический умысел. Вон, у них в стрелковом взводе только у старшины

были хорошие хромовые сапоги, а у всех остальных — опорки! Смотреть страшно! А ведь когда их из теплушек прямо в первый эшелон ссадили, не май месяц был, однако. И дяденька Кондратьев искренне считал, что они тогда немца помяли и высоту они какую-то на букву «б» взяли, которая две недели переходила из рук в руки, только потому, что всем до зарезу были нужны немецкие сапоги.

И хотя столько нового для себя открыла в мире Катя, выйдя ненадолго из-под стола Макаровны, она чувствовала, что ее мама всем крайне недовольна. Мама говорила папе, что на сердце у нее почему-то так тревожно, что надо срочно отправлять Катю в садик, а ей самой надо на какую-то другую работу, чтобы хоть немного следить самой за дочерью. Папа вздыхал и говорил, что все изменится, если он все-таки уедет на полгода от Вали. А как жить без Вали в далекой дали, он не знал. И из-за этого у Катюшки на душе тоже не было радости, будто она и впрямь выдернула нечаянно из колоды, спрятанной под диваном, десятку пик.

Вот и тете Дусе не довелось долго порадоваться, когда у Тереха неожиданно пропал папка. Перед самой весной, когда лед на реке уже покрылся ноздреватой рыхлой шапкой, Терехов-старший пристрастился заниматься подледным ловом. Рыба шла на на его мотыля словно слепая. Он так увлекался, что приходил домой с полным ящиком, доверху набитым плотвой и подлещиком. Всем домом они тогда жрали Тереховскую рыбу, кошка Макаровны от нее уже морду воротила, а у самого Тереха весь балкон был

завешан серебрявшимися на солнце трупиками. И тетя Дуся, матерясь, таскала белье с четвертого этажа сушиться в дворовую беседку. Она всем эту рыбу раздавала, потому что она до такой степени замаялась ее чистить, что ей очень хотелось тем же ножиком соскрести с самого старшего Тереха чешую.

И вдруг перед самой Пасхой старший Терех пропал с концами. Очевидцы только говорили, что он, в болотных сапогах, взбирался на непрочный, трещавший уже лед и долго полз с ящиком и коловоротом к подготовленной лунке перед самым ледоходом. Но через два дня его все-таки спасли уже в низовьях реки на вертолете. Он страшно матерился и не хотел забираться в вертолет без бура и рыбы. А потом, допивая водку уже в вертолете, он крыл пилотов как попало, из-за того, что они за ним поздно прилетели, потому что у него что-то там чуть ко льду навсегда не примерзло. Об этом случае даже написали в городской газете с портретом геройского экипажа вертолета и пьяным Тереховым без шапки, и потом его даже стали узнавать на улице.

Но после той рыбалки он, правда, долго болел. Водку тетя Дуся ему из вредности не покупала, а то бы он, конечно, сразу вылезился. Это уже была самая настоящая весна. Первая, которую хорошо запомнила Катька.

И почти до самого мая, всю последнюю перед школой весну, Терех просиживал вечерами с Катькой. В ванной тогда приходилось навешивать на дверь ватное одеяло, но все равно было слышно, как папка выздоравливает, сволочь. Впервые с Нового года он вдруг опять взял в руки трофейный аккордеон. Соседи стучали в стенку, но он продолжал играть, и дом смирился. Ну, что взять с больного человека? Нет, в целом весна была какая-то неудачная. Холода стояли весь апрель, а небо было затянуто плотными тучами, морозящими мелким нудным дождем. А от папкиной музыки три рыбки сдохли.

Перед самыми майскими праздниками Терехова-старшего выперли с больничного, и у него случился большой запой на 9 мая. Он на весь подъезд вспоминал погибших друзей, перед вечной памятью которых все суки, что всю войну жирели у них в подъезде по броне, должны были с благодарностью проблеваться. И Катя все майские праздники сидела дома, потому что, перед тем как уехать в деревню на картошку, тетя Дуся сама сидела на подоконнике в подъезде с Танькой, Терехом и синяком под левым глазом. Потом пришли милиционеры и забрали их папу с собой. Катя слышала, как они все топали по лестнице, как папа Тереха кричал: «В ментовку сдали, суки! Вот дождетесь меня через пятнадцать суток!» А потом, когда тетя Дуся уже выходила из

подъезда с собранной наспех сумкой, Катя стояла у окна и смотрела им вслед, потому что тянувшийся за нею Терех все время оглядывался на ее окно.

4. Десятка трэф

Ох, Катька, как начали валиться пики, так и трефы не в масть. Вот десяточка треф — перемена, с червями — успех в любви, но про это тебе еще рано сопли-то раскатывать... Да-а... С бубнами — деньги, причем крупные деньги, настоящие. Тебе это тоже пока без надобности. После десятки треф — это, конечно, с одной стороны, выздоровление от болезни... Про ханыгу-Терехова, что ли? Так его только могилка подлечит... Нет, после пик — это только работа, бедность, невеселая трудная жизнь. И даже предвестие скорого отъезда. Видно, к Ленке мне надо все-таки подсобирываться. А что же для тебя эта девятка, касатка? Раз в головах тебе вывалилась, значит, все опасности у тебя от головы. Ты, главное, не молчи больше, язык-то развяжи! Сколь не думай, а все равно обманешься. Карты правду говорят!

* * *

После майских праздников Тереха выперли из садика окончательно, устроив ему на прощание праздник «Здравствуй, школа!». Там ему подарили большую картонную коробку — «Подарок первокласснику». Среди прочего в ней была бутылочка с чернилами, непроливашка и деревянные ручки с перьями. Но в целом настроение у Тереха было поганым. Из-за полета его папы на вертолете у всего ихнего цеха срезали премию, а когда его забрали в ментовку,

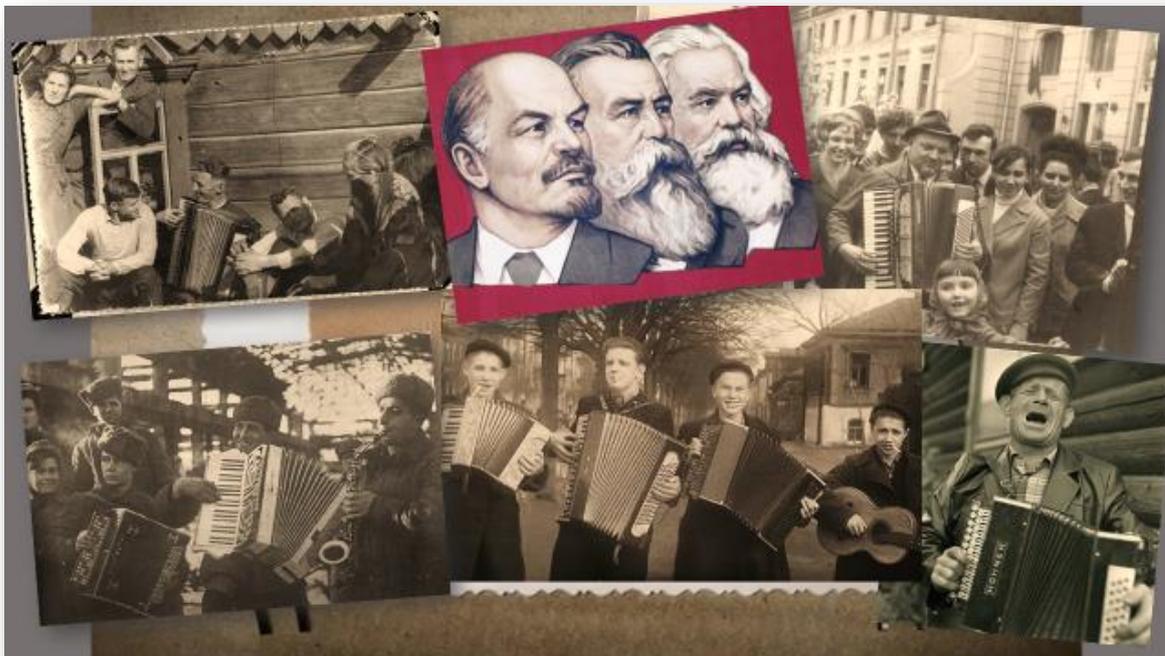

то отпуска всему коллективу трудящихся назначили только с ноября по февраль. Тетя Дуся ходила все время с мокрыми воспаленными глазами. А на Тереха все соседки тыкали пальцем во дворе: «Вон, гляди, идет еще, сволочь! Вишенка от яблоньки... Враг народа! Такой же стервец будет!»

Они вчетвером опять воссоединились у Макаровны, которая все раздумывала вслух о необходимости длительной поездки в Барнаул и все время бегала на телеграф. А без нее им теперь было очень весело, даже Терех с ними отходил душой. Кошке Макаровны он тут же выкрасил уши чернилами в фиолетовый цвет. Он говорил, что чернила бывают даже зеленые, но почему-то первоклассникам их не дарят, сволочи. Чернильницу они, правда, разбили о стенку, когда проверяли, действительно ли из нее никогда не проливаются чернила, или Танька все брешет, а? Перьями они, конечно, наделали из всех яблок, припасенных Макаровной для Ленкиной посылки, ежиков. Поэтому она, вернувшись с телеграфа, долго была ухмыляющегося Тереха по заднице. Всех ежиков они съесть не смогли, поэтому их дожрал папка Тереха, которого Катя с Макаровной регулярно навещали все пятнадцать суток. Жратвы ему давали в самый обрез. А кроме них его никто не навещал. Папка Тереха производил самое жалкое впечатление. Он был острижен ментами под Котовского и мел улицы напротив Первомайского исполкома. По всему было видно, что он очень переживает. От его вида Макаровна очень расстраивалась, и от нее резко пахло сердечными каплями. Она вообще не понимала, что они все еще хотят от Терехова? Если вначале человека поят каждый день чистым спиртом и посылают за линию фронта в одной телогрейке брать каких-то языков, и так все четыре года, то чо они вообще-то от него хотят? А сама Макаровна помнила, каким славным парнишкой был Терехов до войны, вылитый маленький Терех! Ну, пакостил, конечно, так на то он и мужичок! Что за мужик-то без проказ? А ведь руками-то он все ведь может! Все! Издеваются над человеком, улицу мести заставили лучшего литейщика! Прямо слов нет на энтих нищобродов! Кто им победу добыл? Медали себе навешали, а под колючую проволоку за них Терехов лазил! Где они все были в сорок первом? В эвакуации! А Терех зубами чо-то там в грязюке соединял, у него два ордена, между прочим! Как народишко испакостился за какие-то полвека. Пьет Терех, видите ли. Между прочим, на свои пьет, и на здоровье у врачей лекарств не просит. Вон, заставь-ка, кого из этих мордovorотов, вона, тех, которые втроем на универмаге висят, три источника — три составные части, которые... Ага, заставь-ка, их на льдине два дня посидеть, так соскребать будет нечего!

И когда Макаровна плевала в сторону красивого плаката с красным знаменем, на фоне которого были нарисованы три бородатые дяденьки, выглядывавшие друг из-за друга, Кате становилось очень их жалко. Но она тоже не понимала, зачем они заставили папу Тереха так долго подметать улицы.

* * *

За прошедшую зиму Катя здорово подросла, а общение с Терехом ее значительно продвинуло в развитии. Макаровна доказывала сомневавшейся маме, что это очень полезно, когда такая сопля сидит под столом в обществе старших по возрасту. За зиму старушка так привыкла разговаривать с упорно молчавшей Каткой, что даже теперь ее уже не спускала под стол к близнецам, а усаживала рядом с собой на диван и раскрывала огромный альбом с фотографическими открытками. К ним тут же переползал с подоконника Терех. Некоторые фотографии были на твердом картоне с узорчатым краем, а на паспорту с полу стертым золотым тиснением красовались фамилии фотографов. Но по голосу Макаровны Катя чувствовала, что ей почему-то не по себе. Да и сама старушка, наглядевшись с ними на фотографии, шла пить капли от сердца, хотя ничего особенного вроде и не было в тех фотографиях. Вот две молодые девушки в утренних платьях сидят у рояля. Из огромного балконного окна сквозь легкие занавески рассеянный свет падает на их вольно причесанные головки.

— Это в зале у нас. А это подружка моя, покойница, царствие ей небесное, и пожить-то касатке не довелось. Рояль в дом пионеров потом отвезли, там эти пионеры, страшно сказать, что с ним сделали! Играть-то учиться надо, а ножиком чиркать — делов-то! Клавиши были костью крыты, инкрустация была перламутром, черный лак особого политурного состава, а-а, провались все пропадом! — по-старчески шамкала Макаровна дрожащими губами, а по ее лицу пробежал нервный тик. Иногда она вообще молчала и лишь заслезившимися выцветшими глазами впивалась в старые снимки.

— Ой, я этот дом знаю, это же Первомайский исполком, который теперь папка подметает! Мы оттуда с их цехом на демонстрацию ходим! — радостно чирикал возле бабки Терех.

— Да-а, исполком... Без крепкого слова и не скажешь. Дом этот папаши моего был, частная собственность, между прочим. Он восемь лет его строил, извозом промышлял. Наверху он генералу Ивакину квартиру шести комнатную сдавал, но строго предупредил, что как только я замуж пойду, так генерал оттуда съедет. А внизу у нас лавка была «Восточные сладости». Рахат-лукум, шербет... Пряничков — шестнадцать сортов было, мне особенно розовые нравились. Вот скажи, Терех, пролетарский ты сын, чем этим вашим бородатым коммунистам с универмага розовые прянички помешали? И цвет вроде такой, полупролетарский... Каждую весну папаша самолично выходил

и камешки на парапете в разные цвета разрисовывал. Издалека казалось, что на фасаде лавки рассыпаны самоцветы! А теперь замазали все в желтый цвет и демонстрации устраивают, нищоброды!

— Вы, Макаровна, прянички кушали, а бедные люди лебеду ели! Вот вам всем за это и произошло. Так у Таньки в книжке написано, а Танька скоро станет пионеркой! Она уже даже газ умеет включать!

— А у нас, а у нас на квартире нынче газ! Не-е, до вас, уважаемый пионеркин брат, никто в здешних краях лебеду не употреблял, брезговали! Это поветрие с пролетариев всех стран пошло! Ты бы видел, какие куличики у нас приказчики на Пасху в загаженном теперь Крестике святили! С марципанами, жареным миндалем и цветным сахаром, без лебеды вовсе! Ты хоть знаешь, что в наших краях самая дешевая колбаса была — рябчиковая! А остальных видов и сортов до вечера не припомнить! А теперь ваши мамки после работы за такой колбасой в цехе в очередях давятся! У нас бы такую колбасу и собаки не скушали. Да чо там! Ты на фото погляди, да с зависти помри! Во как жили! А вот наша гимназия, нас там трем языкам учили! А Таньку твою чему щас там учат, а? Думаешь, я забыла, как она у меня на полу под столом сикалась? А теперь ходит гордая, пионерка! Здоровкаться перестала! Да ваши Тереховы в деревне-то тоже ведь не последними людьми были, а то чо бы вас там два раза бы раскулачивали? Ай, да чо ты поймешь, сопляк!

— Да понимаю я! Я ж все ж не Катька! Вас в революцию обобрали, а вы жлобитесь!

Макаровна с силой захлопывала альбом и шла пить капли, а Терех вбирался на подоконник. А Катя тоже тогда уже тоже кое-что понимала. От этих альбомов к ней приходила одна тяжелая мысль, что все взрослые и даже Макаровна, оказывается, были когда-то молодыми, а, может быть, даже маленькими. Значит и ей когда-нибудь придется стать взрослой и все-таки пойти, как Терех, в садик. Но, самое главное, иногда все становятся покойными и остаются только на фотографиях. И когда Катя уставала ждать маму, то ей вдруг начинало казаться, что мама больше никогда не придет, потому что от нее останется у Катьки одна фотография. Тогда она начинала орать так, что соседи стучали Макаровне в стенку.

* * *

Лето — это совсем другой коленкор, это вам не зима. Как усидеть летом под столом, если в окно плещет радостное солнце и тянет, манит на улицу? А в

комнате парит тополиный пух, и из полисадника пахнет так, что кружится голова.

Макаровна, зараза, все тянула с отъездом к Ленке. А так бы они опять переехали дневать к Тереховым, пока их родители ударно вкалывали за залеты его папки, и уж точно сбежали бы ловить рыбу. Льдин на реке летом не бывает, поэтому никакой опасности в голубоватой, искрившейся на солнце воде Терех не усматривал.

А потом им стало совсем неважно, и они все-таки сбежали, как только Макаровна в очередной раз поперлась звонить Ленке.

Без мамы Катя еще никогда со двора не уходила, и хотя без мамы ей было немножко страшно, но она уже начинала понимать, что самое интересное начинается в жизни без мамы. Удочки Терех старший хранил прямо под лестницей в подъезде, рядом с метлой дворничихи тети Маши. С удочками они захватили какой-то пакетик, наверно, с червячками. Сзади оглушительно засигналила им огромная машина, и близнецы чуть опять не усикались. Но Терех упрямо вел свою команду к лодочному причалу. День был рабочий, заводу, к которому лепились их дома, выдали опять какое-то ответственное задание, поэтому на берегу не было ни души. Зато возле причала торчали из воды, привязанные толстыми веревками к столбикам ограждения, лодки. Терех сказал, что хотя мотыль у него самый лучший, а червей он только с утра накопал, надо все равно плыть на лодке на середину реки для улучшения поклевки.

Терех прошелся по причалу, приглядываясь к лодкам на предмет, какую из них лучше спереть. Взгляд его остановился на голубой лодке, короткую веревку с самым легким узлом ему сразу же удалось развязать. Пока близнецы держали в руках веревку, он аккуратно спустил туда Катю. Но все же от ее веса лодка резко качнулась, близнецы выпустили веревку и тут же с ревом обсикались. Катя не заревела. Она только ухватилась побелевшими пальчиками за скамейку и расширенными от страха глазами смотрела на удалявшийся от нее причал. Терех заорал: «Катя! Стой! Катя!», он бегал по доскам причала туда-сюда, дергал за веревки, но все лодки были прикручены намертво, а Катя тихо уплывала, и течение медленно выводило ее на середину реки. Она опустила голову и теперь уже даже не смотрела на Тереха, и до него только теперь стало доходить, почему именно эту лодку ему так легко удалось спереть. Лодка неловко качалась на воде, неуклюже заваливаясь носом, и когда Катя подняла на скамейку намокшие ножки, он вдруг дико завыл и бросился в воду, хотя почти не умел плавать.

Ярость и течение рывком вынесли его почти к самой лодке, но она уплывала от него все дальше, а Терех уже начал тонуть. Ничего не видя и не понимая, из последних сил он каким-то образом все-таки ухватился за ее скользкий борт, и лодка тут же стала тяжело переворачиваться в его сторону. Прямо на него хлынула вода, и заскользила по скамейке царапавшая мокрое дерево Катька...

Последнее, что он почувствовал, как кто-то за волосы очень больно тянет его к свету из холодной могильной влаги. Потом он лежал совершенно голый на засаленном бушлате, над его головой вместо неба был дощатый потолок, изъеденный древооточцем, и он навсегда запомнил это внутреннее сопротивление жизни, нежелание жить без Катьки.

У стены стояли костыли, а рядом на лавке клевали носом обессиленные от рева близнецы.

— Катька... Катька, — в отчаянии застонал Терех. И радость жизни озарила его сознание, когда он тут же услышал ее тихий отклик из другого, невидимого ему угла каморки: «Сволось ты, Телех!»

* * *

Благо, что соседка, развешивавшая белье в беседке, видела, как трое сопляков во главе с Терехом с удочками пошли со двора. Она бы внимания на них не обратила, но среди них семенила крошечная дочка Вальки Савиной из второго подъезда. Но разве белье-то оставишь? Ведь мигом сопрут! А Макаровне как раз телефонной связи с Ленкой не дали, и она скоренько домой пошла. А тут такое... Ну, она даже забегать домой не стала, она сразу к лодочному причалу понеслась на всех парах, потому как ход паскудных мыслей Тереха был ей давно известным. Терех даже не слышал ее, когда она кричала ему уже с причала, Богом заклинала не кидаться в воду. Так нет, прямо на глазах как прыгнет! Хоть бы одну извилину в башке имел! Ведь дураку ясно, что он только лодку потопит. Да хоть бы влево посмотрел, что из-за причала уже бакенщик Жаров плывет! Ведь ему два взмаха весел до Катьки было! Но тут всплывает окаянный Терех и принимается девку топить! Прямо все в глазах темно вдруг стало, а в голове — пустота, потому как ведь знаешь, что Петька Жаров всю жизнь пьяный в дупель, и ног-то у него с войны нет, а жабры пока не выросли как у энтого... Ну, такого... симпатичного... Короче, Жаров-то плавает на вроде топора. Но, все-таки, какой этот Петька ловкий оказался! Ног нету, так он клешнями работает! И при этом все время пьяный! Катьку, главное, почти из воды подхватил и этого засранца уже откуда-то по самое

плечо выдернул... На такое посмотришь, так всю остатную жизнь будешь ходить, как Галькины близнецы, в мокрых штанах... Ох, какая же сволочь этот Терех!

* * *

Да, в принципе, Катька уже через месяц выздоровела, но ее мамка все равно к ней не пускала. Стоит в дверях и сычом смотрит. «Вали отседова, урка!» — говорит. Разговор такой короткий получается, несодержательный. «Вали! — говорит, — А то я тебе все рыло раскровяню!» Вали от тети Вали, короче. Но все равно, когда тетя Валя не видела, Катька махала ему из окна. Интересно, а она еще пойдет с ним на рыбалку?

К Макаровне Тереха тоже теперь не водили по просьбе общественности подъезда и ее личному настоянию. Из-за Кати Макаровна отложила свой отъезд до конца августа, сказав, что досидит с Катюшкой до садика. А Терех шатался один по двору до самой ночи, или пускал бумажные воронки и самолетики, на которые он извел все тетрадки из подарочного набора. Все самолетики почему-то залетали к Савиным на балкон, и мама Валя ругалась. Близнецов определили обратно в садик.

Мама Валя вышла на работу с больничного по уходу за ребенком. И Катька с Макаровой остались среди лета совсем одни...

Они не скучали вдвоем. Во-первых, Катька, после того случая, начала понемногу говорить, а во-вторых, их объединяла общая страсть — карты. У Макаровны теперь была своя колода, а у Катьки — своя. Клиенток летом было мало, все бежали после работы огороды поливать. А раскладывать пасьянс на счет урожая моркови или смородины народу было неинтересно. Любовь-морковь начинала тревожить народ осенью, как только картошка ссыпалась по ямам, а смородина кисла в банках под пергаментной бумагой.

И однажды, когда мама с тетеньками уехала к тете Дусе в деревню, а папу вдруг взяли куда-то на партийную учебу, Катька несколько ночей провела с Макаровной. И тогда они впервые разложили пасьянс Ленорман, который, по уверениям Макаровны, следовало раскладывать только поздно ночью.

5. Ленорман

Это французское гадание. Сколько лет этот пасьянс не раскладывала... А ведь в гимназии мы его тайком на нашего красивого молодого педагога по математике всем классом раскладывали. У нас по французскому языку учительница природной французженкой была, она и научила. Нет, вот так, по девять карт в рядок, не запомнишь, наверно. А потом я решила погадать на одного человека, он был кузеном моей самой близкой подруги... И вдруг увидела саму смерть. Лицом к лицу. И лицо у нее было точь в точь, как твое, когда ты цеплялась из всех сил за лодочную скамейку. Упорное, отрешенное и белое-белое... Сколько я таких лиц видела после... Здесь особенно важно, как выпала

карта — вверх или вниз острием, важнее, чем в цыганском пасьянсе, да это и честнее, наверно. Еще раз я уж не решусь его разложить, поэтому гадаем, Катерина, на всю оставшуюся жизнь... Господи, сколько же карт собралось над моей головушкой! Валет... Валет — это ребенок, но вот, видишь, как лежит? Не родившийся еще ребенок. Так и знала, что Ленка задумает своего хахаля ребенком удержать. Дура-дурой. Никогда, слышишь, никогда не смей просить в любви! В каждой просьбе привкус тления, запах смерти, что неминуемо настигает любовь, отважившуюся на просьбу... А вмешивать детей в свои личные отношения в наше-то время неприличным казалось. Не при детях, одним словом. Тучи-тучи... Сам темный барин с новой барынею. Не хотелось бы меняться таким образом, да все равно, раз Ленке я, в конце концов, окажусь не нужна... Крысы... медведь... клевер... звезды... Значит, еще раз мы с тобой встретимся. Еще раз сведет нас судьба. А вот и крест. Вот и все. Какая длинная нелепая получилась жизнь...

6. Семерка трэф

Вот чтобы этой семерке острием вниз упасть? Но карта, вроде, не страшная. Это близкая скорая дорожка, удачная сделка, успех. Опять-таки десятка трефовая на кругу побывала — значит, светит богатство и счастье... Но острие вверх у семерки означает слезы... Да какие твои еще слезы, касатка! Высохнут, не боись!

Первая Катькина путевка в ясли пропала, а заявление на садик так и не трогалось в очереди. И если на нем не возникла бы резолюция к сентябрю, то было бы совсем неизвестно, куда эту Катьку девать. У них по двору с зимы ходила парочка таких беспризорников из четвертого дома — Бобка и Кузька. С ключами на длинных грязных резинках, с карманами, набитыми сухарями, с соплями, примерзшими к щекам. Как проснутся, так и ползут во двор стекла бить и кошек мучить. Когда на реке сходил лед, так их переправляли на все лето в деревню. Им было уже по пяти годков, а они ни разу не ходили в садик. И к Макаровне их не водили, потому что на дому у них всю зиму дремали свои деревенские бабки, оживавшие только к весне. И когда Валя представляла, что Катька вот так же будет слоняться по окрестным дворам с ключом и соплями, ей становилось дурно.

Вася тоже ничем не мог помочь. Во-первых, из-за коммунизма этого он шесть путевок, выделенных цеху, распределил среди многодетных, а Катьке не взял. А теперь его и вовсе угнали на учебу. И Валя опять-таки полагала, что ничему хорошему Васю там не научат. Вон, эти, многодетные, разве они хотя бы спасибо Васе сказали? Знают ведь, что у самого дочка не пристроенная, так губы поджали и расписываются в ведомости с таким видом, что давно, мол, им Вася должен был с себя отдать, они ведь все давно заработали. Хоть бы по-

человечески спасибо сказали, ведь от сердца им путевки оторвали. И зачем деревенскому человеку такой коммунизм? Вася же придурком полным теперь выглядит! Нет, главное, возьми и отдай с себя последнее неизвестно кому!

А Дуся Терехова была такая виноватая перед Валею после той достопамятной рыбалки, что просто не знала, как ей в глаза смотреть. Ее саму эти Терехи так достали, так достали! И всем ведь не объяснишь, что Терехов до войны был самым завидным женихом у них в деревне. И ей, когда она девчонкой за него замуж пошла, а это уже в сорок седьмом году было, все его ровесницы так завидовали, так завидовали, что, видно, все их счастье и сглазили. Но в книжке ранений у него точно никаких контузий не было, вроде, за это Дуся могла перед всем цехом поручиться. Только чо-то там про проникающие и полостные ранения написано было. Ни одного шрама на голове, только вся грудь и живот исполосованы. Вот как тут угадать, что он потом и сам сволочью окажется, и сынка такого же идиота ей сделает. Конечно, когда образования нет никакого, кроме коровника и подойника, так любой Терех девушку обманет.

Перед днем металлурга Дуся съездила в деревню за продуктами, и они опять пошли ко Льву Абрамовичу с нехитрым подношением. Он вздыхал, глядя на связку вяленого леща и банку деревенской сметаны, доставленные Дусей из деревни, скреб лысину, поросшую рыжим пушком. А потом сказал, что, наверно, садик он им устроит, если бабы принесут ему мешок семенной картошки «Красная Роза», названной в честь Розы Люксембург, и литра два самогона. Картошка эта имела вполне пролетарский розовый цвет и была очень рассыпчатой, поэтому Лев Абрамович решил сажать только ее на своих шести сотках, а местный самогон он полюбил просто так, за особый «букет».

Какой замечательный народ евреи! Как их не крути, а коммунизм у них дальше галстука не проникает. А еще наговаривают, что это именно они из подлости коммунизм для деревенских выдумали!

Картошку Дуся взялась достать через знакомого агронома в колхозе, а с самогоном выходила какая-то ерунда. В городской квартире барду особо не поставишь, а аппарат держать было опасно, запросто могли загрести в ментуру. Да и с Дусиным супругом, имевшим особенный нюх на самогон, невозможно было заниматься самогонварением без тяжких последствий для семьи. Они прикидывали так и эдак, а потом решились сварить самогон как все нормальные люди в Тереховской бане в деревне.

Ну, как только Галя Кондратьева узнала про самогон, сразу за ними увязалась. Вот тоже бабонька шалопутная. Близнецов на старшего сына побросала, у него еще каникулы в школе были, и с ними живенько собралась. Правильно, чо ей по деревням не мотаться, у нее хоть мужика можно на хозяйстве оставить.

Нет, с мужиком Гальке все-таки повезло. Основательный товарищ. Правда, и у него, конечно, эта дурь с голубями сквозь лоб просвечивала, но принципы он соблюдал строго. Как выпьет всего-ничего, так сразу в свою голубятню лезет. И спит себе, укутавшись в одеялко ватное, оставшееся от близнецов. В доме-то его нельзя держать было из-за терпкого запаха мочи, только разве что на балконе. А в голубятне, да с бодуна — красота на свежем воздухе!

И что бы этой Гальке при таком муже жизни не радоваться, так тоже рванула с ними в отгулы. А им-то отгулы как выбивать пришлось! И разве скажешь в завкоме, что отгулы нужны очень, потому как до зарезу надо сварить самогон. Но нашлись все-таки, сказали, что хотят срочно помочь матери Тереховых по хозяйству. Так ведь за сахаром-то сколь стоять пришлось! Здесь Галина пришлось кстати, сказать дурного нечего. Два круга по очередям сделала! А потом вообще выяснилось, что из них троих в самогоне понимала только Галя Кондратьева. Она же достала у кого-то змеевик и через знакомую фельдшерицу запаслась марлей.

Папа жил где-то вдалеке. И пока мама и ее тетеньки гнали в деревне самогон для Льва Абрамовича, Катя почти неделю снова жила у Макаровны.

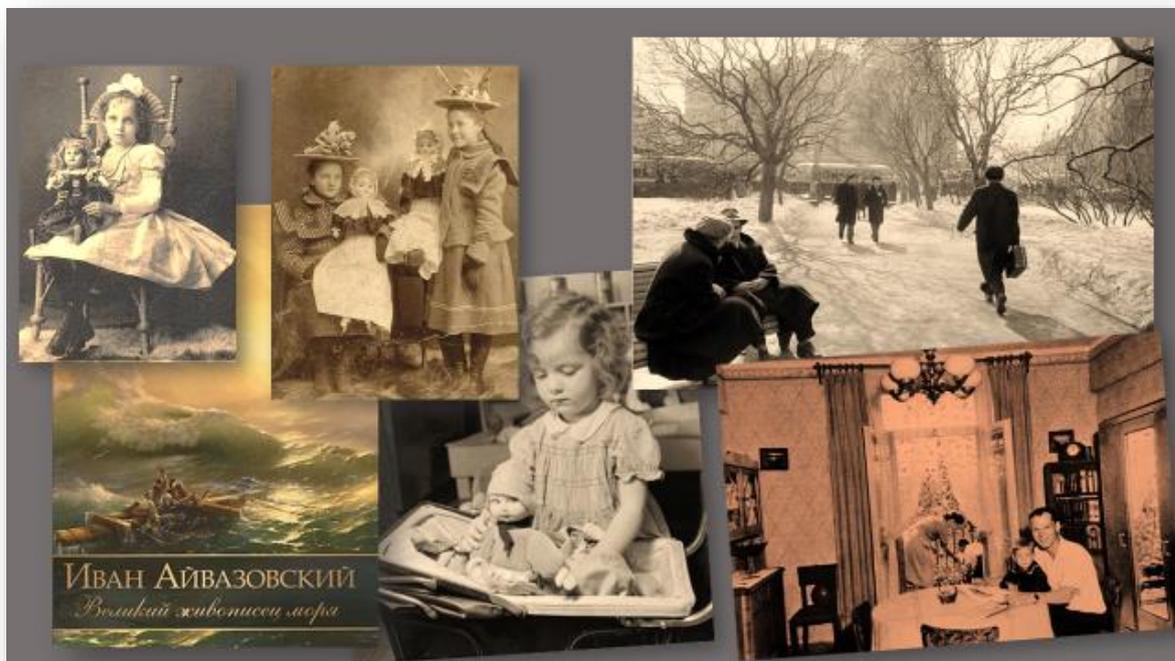
Без Тереха она все обустроила под столом на свой лад. У стенки поставила железную кровать с куклой, а над кроватью наклеила пластилином страшную розовую картинку, которую ей подарила из журнала Макаровна.

— Вот, Катерина, гляди, как суетна жизнь, как цепляется ничтожный человек за соломинку, но накатит волна и снесет все наши надежды в адскую бездну! — дала она Кате пояснения по содержанию картинки. Катя ничего в них не поняла, но, на всякий случай запомнила. Под картинкой были буквы, и к трем годам она их уже складывала в слова, но и слова здесь были совершенно непонятные — «Девятый вал». И от того, что все в картине было непонятно, даже слова, на нее можно было смотреть долго-долго...

По ночам Макаровна вздыхала, молилась на богатый иконостас, висевший над изголовьем кровати, потом долго ворочалась, а, наконец, заснув, тихонько со свистом всхрапывала. На стене мужчина кавказской национальности в папахе, верхом на коне похищал красавицу-турчанку, конь его несся все дальше, и в ночной тишине среди посвистывания Макаровны умиротворенно тикали

жестяные ходики, на которых были нарисованы мишки в лесу с конфетной обертки...

И как-то уже потом, после ночного гадания, приснился Кате сон с участием всей карточной колоды. Это был самый первый сон, который она запомнила жизни. Перед нею ярусом лежал какой-то неизвестный ей пасьянс, он все не сходился, и Макаровна, раскладывая его на столе, уже теряла надежду. А кроме Макаровны за столом сидели мама, тетя Галя Кондратьева и тетя Дуся. Катя узнала их по знакомым зимним башмакам, то выбивавшим нетерпеливую чечетку, то в нерешительности топтавшимся на месте.

Боты тети Гали Кондратьевой вдруг превратились в лодочки, которыми она хвасталась перед мамой недавно. Лодочки потанцевали на изящных шпильках и начали разваливаться на глазах, становясь грубыми рабочими ботинками, а затем и вовсе затрапезными татарскими калошами. По маминым чулкам почему-то пошли стрелки, но обувь на ней менялась явно в лучшую сторону. И совсем не так, как у тети Дуси, грубые туфли которой со следами налипшей грязи, вдруг неожиданно так похорошели, что враз стали легкими белыми бальными туфельками. На ногах у нее так же неожиданно пропали узлы вен и припухлость у голени... И, окончательно проснувшись, Катя поняла, что тетя Дуся совсем скоро станет молодой и красивой...

А утром Катю забрала веселая мама, пахло от нее как от папы Тереха. И когда они поднимались с мамой на свой этаж, то у почтовых ящиков они встретили самого Терехова, он был неожиданно трезвый и очень злой. Он был измучен загадкой, где же мама и ее тетеньки прячут самогон. А мама выкрутила ему фигу. Тогда Терехов совсем рассердился и сказал маме, что он их сам лично сдаст в ментовку, где их, конечно, обреют наголо и пошлют мести улицы. Мама покрутила пальцем у виска и сказала, что он просто гад какой-то. Но бутыль с самогоном дома она, на всякий случай, перепрятала надежнее. Катя немного испугалась за маму и ее тетенок. То, что испытал лично папа Терех, делали иногда даже с тетеньками. Вот когда они его с Макаровной в ментуре навещали, то в его бригаде были как раз такие тетеньки в платочках. Они все время ревели и стреляли папиросы у прохожих, а папа Терех на них цыкал и называл прошмандовками. Но уже перед сном она подумала, что папа Терех никогда не сделает такое с тетей Дусей даже за самогон, и окончательно успокоилась.

Лев Абрамович пить без дам отказался. Они прямо не знали — как это? Долго отказывались. Они же не для себя варили. А потом напились вчетвером в зюзку. Лев Абрамович гладил Валю по широкой спине и говорил, что он, как мужчина, просто не может не помочь такой женщине. Кем надо быть, чтобы не помочь? Какие внутренние усилия надо над собой прилагать, чтобы вот взять и не помочь такой женщине, с такими замечательными пропорциями. Потом они втроем вынесли Льва Абрамовича через проходную. У проходной их ждала седая еврейка, жена Льва Абрамовича. «Лева! Ты опять? — трагическим голосом спросила она у бесчувственного мужа, — Как же я тебя на третий этаж заволочу?» Женщины намек поняли и донесли Льва Абрамовича до квартиры. Открыв двери, она спросила, не хотят ли они в такое позднее время еще и чаю выпить? Но женщины намек поняли и пошли к себе домой. Их по чистой случайности не загребли в ментовку, когда они, качаясь, с песнями проходили возле Первомайского исполкома. И быть бы им всем Котовскими, да только у милиционера были хлипкие туфли на картонной подошве, а они втроем так и не успели переодеть после работы сапоги. И когда он им засвистел с другого тротуара, то они не побежали от него, не повторили ошибку многих, они забрались в огромную лужу на месте не докопанного строительного котлована. И этот гад побегал вокруг, поугрожал, да так ни с чем и ушел, чуть не утопив подошвы в размокшей глине. Женщины намек поняли и после него осторожно доползли до дома окольными дворами и переулками.

Перед самым садиком домой приехал папа в новых красивых ботинках, в синем костюме в тонкую серую полоску и при шляпе. А в чемодане у него еще был легкий плащ, два новых маминых платья и целое приданное Кате для садика. Катя целый день по очереди надевала платья и подходила к окну. Терех сидел на сломанных качелях. В ее сторону он нарочно не смотрел. И Катя тоже на него не смотрела. Но, торопливо надевая новое платье, она думала, ушел он уже или не ушел? А он так и сидел до обеда на качелях, совсем не замечая ее платьев. Дурак.

После учебы папу поставили кем-то важным в цехе, и он стал приходить совсем поздно, а иногда он долго качался на непослушных ногах в коридоре, снимая ботинки. Поэтому Катя решила, что он теперь после работы тоже варит самогон для Льва Абрамовича прямо в цехе.

Как-то среди ночи Катя услышала громкий разговор родителей. Мама кричала на пьяного папу, что больше не может работать посменно из-за Кати, что хотя папа и не еврей, у него должна же быть хотя бы какая-то деревенская хватка. Папа говорил, что ему не позволяет ничего сделать для мамы какой-то дяденька по имени Моральный Кодекс. А мама стала ругаться так, что Катя ничего не поняла, а потом она постелила папе на раскладушке, а его подушку вообще сбросила на пол. Папа скрипел раскладушкой всю ночь. А на следующее утро он устроил маму в технический отдел.

Мама теперь приходила с работы рано, пока еще было светло. И она была не такой усталой как раньше. Она вообще стала веселой, купила зеркальный трельяж как у Макаровны и стала каждое утро красить возле него глаза и губы. И в двух новых платьях она стала совсем молодой и красивой. И теперь она стала не просто Валею, а Валентиной Петровной.

Садик после летнего ремонта никак не могли запустить из-за каких-то санитаров. Санитары брали там соскобы, потом пропадали дня на три, в течение которых садик скребли и чистили силами родителей. Потом санитары по телефону опять выкручивали маме и заведующей садиком фигу. Поэтому даже после того, как упирающегося Тереха тетя Дуся и Танька выловили со двора и пинками отвели в школу, Катя так и продолжала сидеть у Макаровны.

Народ после сбора урожая опять косяком попер узнавать судьбу, поэтому Макаровна, откладывая все деньги на поездку к Ленке, даже купила себе радио. Оно теперь работало у нее все время, отдыхая только после песни «Союз нерушимый». Макаровна была так рада приобретению, что совсем не замечала Катю. Она могла часами теперь пить чай с вареньем, которое ей доставляли клиентки, на кухне и разговаривать с радио. «Здравствуйте, товарищи!» — бодро приветствовало ее радио. «И ты здравствуй, товарищ!» — вежливо отвечала Макаровна. Потом она с интересом слушала, как радио говорило о новом ответственном задании, которое получил папкин цех. Макаровна улыбалась радио, а Катя с ненавистью думала, что радио и Макаровне, конечно, все равно, что теперь папка опять будет ходить на работу даже по воскресеньям.

Хотя, из-за радостного, приподнятого настроения мамы, можно было бы, наконец, поверить радио, что вот-вот, мол, проезд в общественном транспорте будет бесплатным, подешевеет масло и возрастет производительность труда, а вокруг наступит счастье всех людей, где каждый отдаст по возможности, а к себе подгребет по потребности! Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие! Кто-то, а Катя-то уже хорошо знала, что такого не бывает, потому что в картах четыре масти, каждая из которых выпадает в свою очередь, определенную судьбой... Нет, не могла Катя поверить этому радио. Да и как тут поверить, если в неопределенном будущем перед нею маячил пугающий садик. И когда его в очередной раз закрывали санитары, Катя начинала надеяться, что они его в другой раз вообще закроют навсегда.

Но Макаровна в один день собралась и поехала к Ленке, не взирая на санитаров. У мамы тут же лопнули нервы на этих санитаров. Она побежала ко

Льву Абрамовичу и нажаловалась на всех санитаров сразу. Лев Абрамович поскреб лысину и отправился к санитарам сам, лично, потому как кошку к ним не пошлешь. Родители собрали ему две авоськи с чем-то, завернутым в газетки, но пахнувшим очень вкусно, а бутылки Лев Абрамович аккуратно сложил в портфель. На следующий день Лев Абрамович на работу не вышел. Приходила его жена и дико извинялась, что у него что-то плохо с самочувствием. К вечеру в садик приходили и санитары, самочувствие у них было еще хуже, чем у Льва Абрамовича. Они, сгоняв заведующую за разливным пивом, так и не смогли взять эти соскобы. Но дело свое санитары знали, и хоть с трудом, но нашли в протоколе о пуске дошкольного воспитательного учреждения в эксплуатацию все нужные строчки.

Кате Лев Абрамович представлялся по рассказам мамы огромным и могучим, как Илья Муромец. Он мог такое, чего никак не мог папа, А санитаров страшно боялся даже папа Тереха. Папа у Тереха всю войну прошел в десантном взводе и в разведке. Ему, в принципе, было что вспомнить, так сказать поделиться с молодежью. И трезвый он один раз сходил к Таньке в школу на пионерский сбор, чем-то там поделился, после чего тетя Дуся орала на него на весь подъезд, что всю их семью скоро в каталажку упекут, а Танька ревела весь вечер. Папа Тереха тогда, конечно, плюнул и ушел по первому свисту со двора. А выпив, он уже ни о чем, кроме санитаров говорить не мог, он еще с зимы запугал их всех этими санитарями. Близнецам скажи — «санитар!», и тью-тью поезд на Воркутю! Тут же штаны меняй. Такие они эти санитары были страшные, а Лев Абрамович их всех один побеждал, вооруженный исключительно авоськами.

Дело в том, что у Терехова-старшего своих, природных зубов после войны осталось очень мало, а оставшиеся очень болели, вот он и лечил их водкой. Зубы папаша Тереха простудил, когда форсировал какую-то поганую речушку в Белоруссии при температуре минус семь. Поэтому весь рот он по случаю выполнил себе в золоте по ветеранской книжке в 57-м году, когда уже Терех родился. Зубы болеть перестали, но привычка к водке осталась. Во всем их доме золотишко блестело только во рту Тереха-старшего. Остальные жильцы вполне обходились пролетарским металлом — сталью, закаливать которую их учили с детства. Поэтому с некоторых пор обладателя золотых зубов стала тревожить неотвязная мысль. Пока еще степень его опьянения позволяла ему шевелить пальцами по трофейному аккордеону, он донимал Тереха родительским наказом ни в коем случае не хоронить его в золоте, а перед

моргом лично сковырнуть драгоценный металл плоскогубцами, которые всегда были под рукой в кухонном шкафчике.

— Я, понимаешь ли, сынок, не за этим кровь проливал, — хрипел он, — чтобы какой-то зажавшийся санитар мои зубы, понимаешь ли, на пропой... ну, сам понимаешь...

Вопрос с санитарями вставал ребром каждый раз после получки. Поэтому два раза в месяц Катя, когда ее еще пускали в гости к Тереховым, слушала песни ихнего папы под акомпонемент аккордеона вплоть до торжественного обещания Тереха обобрать мертвого отца.

Папа Тереха пел, в основном, военные песни. Получалось у него душевно. Особенно, когда он тянул со слезой про сожженную врагами родную хату. Катька тогда чувствовала настоятельную необходимость передуть тех врагов голыми руками, поэтому совершенно не понимала, почему Терех рядом скрипит зубами. А когда его папа кричал про набат в Бухенвальде, обращаясь к людям мира, чтобы те встали на минуту, то Катька и Терех всегда слушали эту песню стоя. И даже не потому, что Тереха-старший, не обращая внимания на стучавших в стенку соседей, между куплетами шипел на них: «Кто из вас, сволочи, не встанет, тому назавтра сидеть будет не на чем!» Что-то было в песне такое, что мешало слушать ее сидя.

В опустевшую квартиру Макаровны приходила какая-то бабка включать свет и кормить кошку. Эффект присутствия создавался ею, чтобы стервы из ихнего ЖЭКа не пустили квартирку Макаровны, в период ее длительного отсутствия в связи с переездом в другой город, в переселенческий фонд. Катя сидела теперь до садика совсем одна. После рыбалки Катю окончательно перестали выпускать из квартиры. Мама сказала папе, что их дочь не может общаться с подонками общества. Наверно, это папа Терехов был подонком, а тогда кто еще? Потому что сам Терех, по словам мамы, был урка. Ага, значит, близнецы, как и без мамы догадывалась Катя, тоже были подонками. Катька слушала радио и глядела, как пришедшая с работы мама красит губы перед зеркалом. Общалась она теперь только с плюшевым мишкой и марлевой подушкой. А у Тереховых такая кукла была! Трофейная! С калошами! Скорей бы в садик.

В садике Кате почему-то сразу не понравилось, как только из двери на нее вдохнуло особым спертым воздухом, которым насквозь пропиталось двухэтажное здание, а в уши ударил истерический детский плач. На стенах были нарисованы картинки как в больнице, а мальчики в группе сидели прямо на полу и все почему-то по четыре человека. И по их раскладу Катька сразу

поняла, что здесь ее будут бить. Даже девочки с обметанными простудой губами не внушали доверия. Катя очень захотела обратно к маме, но маме махнула рукой чужая тетка в белом халате, и мама сбежала. У этой тетки были такие сизые туфли со шнурочками, хотя было непонятно, как она их завязывает, складываясь огромным телом пополам. Плакать было нельзя, потому что тетка сказала: «А тем, кто у нас плачет, я укол в попу ставлю иголкой. Вот такой!»

Большая толстая нянька в разношенных тапках с обрезанными задниками крикнула другой тетеньке воспитательнице: «Савины девчонку от бабки привели, я пока с кастрюлями разберусь, да покормлю ее с ложки, а то голодной останется! Бабкины-то сами не кушают!» Но кормить с ложки Катю не потребовалось, она скушала все сама, а нянька только диву давалась, глядя, как она в обед крошит себе хлеб в суп и молча разминает его ложкой. Катя старалась поменьше обращать на себя внимание няни, она понимала, что если та ее примется кормить, то засунет в рот и морковь, и лук вареный, все то, что Катя тихонько складывала из садиковского супа в кармашек фартука.

В коллектив Катя вписалась, в принципе, без проблем, организовав всеобщие посиделки с куклами и машинками под большим столом, где кушали воспитатели и няньки. Но все-таки она проявила строптивость, отказавшись, решительно и твердо, принимать во внутрь морковные пудинги и вообще морковь в любом виде. Персонал садика счел ее пунтик на счет моркови незначительным, не зная, что на прогулке за верандой Катя всем желающим гадает на картах.

Вообще-то в Катиной группе почти все оказались подонками общества. Во-первых, они там, оказывается, все сикались, как близнецы, шнурки еще не умели завязывать, толкались. А одна девочка как-то раз так укусила Катю за щеку так, что ее только нянька с трудом оторвала. Из щеки текла кровь, мама несла плачущую Катю на плече и всю дорогу ругалась. Эта маленькая кусачая девочка была дочкой няньки из старшей группы. Эта мама ее нарочно в няньки пошла, чтобы такую дрянь в садик взяли. Мест в самой младшей группе вообще не было, и ее сунули сразу в Катину группу, чтобы потом оставить на второй год. Девочка почти не разговаривала, поэтому ей было полезно общаться со старшими, но вот всем остальным... В первый же день она перекусала всех, даже няньку. Понятно, что со временем это у нее пройдет, но ведь пока пройдет, она же всех загрызет! Мама хотела опять пойти жаловаться ко Льву Абрамовичу, но тут им встретился возвращавшийся из школы Терех.

— Здравствуйте! Теть Валь, а чо это Катька воет? — тут же поинтересовался он.

— Здравствуй, Терех! — сказала мама сквозь слезы. — Не видишь, полщеки чуть с мясом ребенку не выдрали! Дряни! Подонки общества!

Терех потоптался в раздумье, глядя им вслед. А Катя перестала плакать, хотя щека нестерпимо болела, при нем почему-то плакать было стыдно. И от того, как Терех засвистел на весь двор, еще почему-то стало страшно за маленькую кусачую девочку — нянькину дочку.

В садике у них был забор из досок. Там была дырка. Некоторые доски отодвигались, и вообще-то можно было из этого садика сбежать. Но маме бы это не понравилось, и Катя оставалась в садике, с тоской глядя на высокий забор. Иногда через забор к ним проникали чужие мальчики с соседних дворов. Они щелкали семечки за верандой, говорили нехорошие слова и громко смеялись, когда воспитательница давала детям картонные рамочки и уговаривала их поверить, что рамочки — волшебные, что через них они сразу же увидят, какой у них замечательный мир здесь, за забором. Кате было стыдно глядеть в рамочку и говорить неправду воспитательнице при тех смеющихся взрослых ребятах, тем более, что, разложив на воспиталку простенький пасьянс, Катя поняла, что скоро для нее самой мир сожмется до размеров картонной рамки. Муж ее бросит, квартиру разменяют, а воспиталке с сыном достанется комната в коммуналке с пьющими драчливыми соседями. Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие!

И вот на другой день, когда Катя пошла в садик с перевязанной щекой, произошли очень важные события как раз из-за этой дырки в заборе.

Чужие мальчики пробрались к ним за веранду не одни, а с раненым голубем. Катя плакала, читала им стихи, которые успела выучить, но голубя они ей не отдали. Они так и заиграли его до смерти, отдав Катьке его только похоронить в конце прогулки. Катя с девочками долго его хоронили, вырыв совочками глубокую могилку, на дно которой положили пожухлые листья. До самого обеда они надеялись, что голубь оживет, поэтому с погребением не торопились. Все плакали, даже кусачая нянькина дочка. А мальчики все смеялись, смеялись над ними до тех пор, пока через забор к ним вдруг не пролез Терех. Он сразу же начал всех бить. Всех. Катя закрыла лицо руками, потому что такой поднялся шум! Все заревели, девочки сказали, что щеку Катьке вон та девочка откусила. Катя видела через ладошки, как Терех подошел к той девочке и сказал: «Хошь, сопля, сейчас Москву покажу?» Что

он сделал дальше, Катя не видела, она зажмурилась, но сопля тут же истошно завизжала.

И когда Терех дернул ее за руку и потащил к забору, потому что к ним уже бежали воспитательница и две няни, то она безвольно дала ему себя увести из этого ужасного места.

Весь день они ловили в холодной запруде какого-то мотыля для продажи, потому что Тереху очень нужны были деньги, чтобы освободить негров Америки. И еще Терех, оказывается знал, как надо добывать мотыля зимой. А зимой рыба вообще клевала только на мотыля. И теперь уже Кате можно пойти с ним ловить рыбу из-под льда, потому что она уже ходит в садик. Потом они отправились на рынок, чтобы продать мотыля рыбакам, а там их поймали два сердитых милиционера. Они их там нарочно ждали. Из отделения Катю забрала зареванная мама. И Катя ей еще, сдуру, так обрадовалась!

Тетя Дуся прямо в отделении вцепилась Тереху в волосы и очень громко сказала, что дома убьет его окончательно и бесповоротно. У нее что-то такое было на лице, что милиционеры из жалости даже не стали оформлять Тереха на учет в детскую комнату, как обещались, пока они там ждали родителей. Катя так устала за день, так хотела домой! Если честно, она вообще в ментовку идти не хотела, потому что боялась, что ее там тут же обреют под Котовского. Мама так сильно прижимала ее к себе дорогой, и Катя думала, что это замечательно — вернуться, наконец, после такого дня домой. А мама дома взяла папин ремешок и впервые выпорола Катю больно-пребольно.

Боже мой, какой это был день, какой день! Грехи наши тяжкие! А потом, в самом конце этого ужасного дня Катя лежала и думала, что во всем-таки негры виноваты, а они еще для них мотыля хотели продать! И с Терехом ей папа строго-настрого запретил общаться, а у него бабка, между прочим, два аквариума купила! И еще Терех обещал купить подводную жабу. Он на рынке видел, как их дядька немой продавал. Жабы были белые, а немтырь всем на бумажке показывал их название. А Тереху он назло долго бумажку не давал, но Тереху фиг чего не дашь, Терех все равно исхитрился и прочел, что жабу зовут — «Амазонская». И Терех тогда еще так удивился, докудова немтыри за жабами добрались. А теперь из-за папы никогда эту жабу Катьке не повидать.

Попа болит, щека болит, душа болит... И уже в полудреме, Катя подумала, что раз Терех собрался продавать мальков из аквариума на рынке, то надо обязательно взять с него честное слово ни в коем случае не отдавать деньги этим гадким неграм. В принципе, с балкона крикнуть можно, в случае чего...

7. Девятка пик

Девятка пик

Потеря это, большая потеря... Как говорится на панихидах, невозполнимая... Плохая карта, лживая. Острие вверх у девятки пик всегда означает, что при любом раскладе ждуть тебя слезы. И вот обычно ведь туз червовый, к примеру, хорошая светлая карта. Означает подарок или дружественный дом женатых людей. Тепло означает и радость. А при девятке пик он меняется, при ней все карты меняются. Вот и червовый туз становится вдруг западней, где ждуть тебя соблазны, а устоять перед ними сил не останется. И как радуешься выпавшему королю! Ищешь его карту, желая узнать, думает ли о тебе твой король? Думает, думает! Такое ведь удумает, раз тебе, милая, девяточка выпадает... Имеет нескромное желание к даме, как в старых книгах писали. Что ты вылупилась-то, как враг народа? Чашки, иди, мой! Выросла такая большая, в садик уже собирается, а чашки помыть... Нет, удивляюсь я тебе, просто поражаюсь даже! От горшка — два вершка, а пасьянс у нее, как, прости ты меня старую, как у... Вот слов даже ведь нет!

* * *

Зима только начиналась, когда Катя впервые самостоятельно вышла во двор гулять. На Кате была надета белая кроличья шапочка и черная цигейковая шубка, из тех старых запасов, что папа и мама покупали в Москве до ее рождения. А валенки-самокатки у нее тоже были белые, их папа купил на рынке. Варезки ей мама связала из кроличьего пуха, и еще у нее были красные

санки. Близнецы Саша и Ваня поглядели на нее с самой верхушки деревянной горки с нескрываемым восхищением, поэтому она решила еще немножко постоять на ступеньках подъезда. К ней тут же подбежал Терех и показал кулак. Катя хотела зареветь, но она уже понимала, что все мальчики так просто шутят, и даже обрадовалась ему, потому что ей очень хотелось спросить его про жабу. Хотя она понимала, что мама, которая запретила разговаривать ей с урками, следит из окна. А Тереху было некогда, он тут же подскочил к Бобке, Кузьке и еще одному мальчику с такой же грязной веревочкой от ключа на шее. До четырех Катя уже считать умела, поэтому она решила, что на первый раз хватит, и заторопилась домой, пока ее не побили. Но тот, другой мальчик очень заинтересовался ее санками. Он, не обращая внимания на Тереха, подошел к ней и стал молча тянуть санки к себе. Катя поняла, что мальчик к ним пришел с другого двора на их горку. А Терех как раз чем-то менялся с Кузькой, поэтому совсем не видел, как мальчик дернул санки так, что Катя скатилась по заледеневшим ступенькам. Он только услышал, как она заревела. И очень плохо, что встать она не успела, если бы даже она хотя бы на коленки поднялась, то было бы не так больно, когда этот мальчик сразу же на нее упал. А потом на нее вообще все сверху попадали. Воздуха не хватало, уши заложило от чужого крика и кричать самой было уже не вмоготу. А еще мама, встав на табуретку, кричала сверху из форточки, чтобы от Кати отошел этот урка. Но когда Терех ее выдернул из-под того мальчика, Катя поняла, что мама неправa, что Терех очень даже полезный. Она опять начала с ним все равно разговаривать, но в целом разговор не получился, потому что жабу Терех, оказывается, так и не купил.

Они пошли кататься на горку. Без Тереха Катя залезть бы туда побоялась, сверху ее запросто могли и столкнуть. Но когда они подошли на горку вдвоем, то ее никто не толкал, все наоборот ждали, пока она скатится. И Катя каталась и каталась, а потом еще каталась до обеда, и после обеда она тоже каталась, потому что обедать, как не кричала ей мама, она не пошла...

В тот день она увидела Валеру — старшего брата Саши и Вани. Нет, она ведь еще раньше знала, что у них есть старший брат, которого зовут Валера... Но когда она это просто знала, она ни разу не видела его выше стоптанных ботинок. Он вышел из подъезда и оглядел весь их двор, горку. И все тоже сразу же посмотрели на него. Даже Танька Терехова, которая сидела на скамейке со своей подружкой Зелькой. Казалось, что не только Катя, а весь мир посмотрел тогда на Валеру с восхищением. А он спокойно прошелся по двору и залез на торчавшую из-под снега железяку. Из-под сдвинутой на бок шапки

выбивались светлые кудри, а сам он был весь такой... такой замечательный... Нет, Макаровна ей рассказывала, что старший брат у Саши и Вани — чисто принц какой-то! И, увидев впервые Валеру, Катя поняла, что он действительно самый настоящий принц. Она оттолкнула Тереха и бросилась с санками туда, где на засыпанной снегом перекладине для выбивания ковров кувырчался, не обращая внимания на мелюзгу, самый красивый на свете Валера.

Сколько же ему в тот день годов-то вдарило? Дайте-ка, подумать... Валера был старше Таньки на год, а Тереха — на два с небольшим, потому что Терех был моложе Таньки как раз на год с лишним. А Катьке тогда четыре с половиной было, точно! Значит, Валерию на тот момент десять годков натикало. И что уж там говорить, хорош он был необыкновенно. А для такой девицы, как Катерина, которая раньше всех только с башмаков видала, а потом — прижмурившись, потому как ей первой ото всех доставалось, так это был вообще конец света. И, главное, ничего гадкого, в отличие от Тереха, она про Валерия ни разу не слышала. Только самые лестные отзывы о его несравненной красоте. И когда она столкнулась с этой красотой нос к носу, тот час смогла ее оценить по достоинству. Не зря, видать, в садике в ней изо всех сил развивали картонными рамками чувство прекрасного.

И вот тогда ей снова стали сны с картами. Ложась спать, она теперь думала только о Валере. Но и во сне Катя никак не могла понять, какой же масти Валера? Когда-то давно, когда она видела только его ботинки, она это знала, а теперь... До самого утра она все старалась разгадать, да так и не могла понять, кто же он в ее пасьянсе? Он постоянно менялся, улыбаясь ей своей замечательной улыбкой, на которую она не могла не ответить, кувыркаясь на заледеневшем турникете. Вот он поднимается вверх, и она точно видит, что он — валет, но вот он опять перевернулся и стал королем, и она знает, что он обязательно еще перевернется, потому что страстно хочет только одного — стать тузом...

Теперь, когда ей стало можно гулять одной во дворе, Катя распрощалась и с родительским запретом на общение с Терехом. Без него бы Танька и Валера в свои игры ее бы не взяли, хотя они им предлагала почитать стихи, которым ее научили в садике. Они бы и говорить с ней не стали без Тереха. Это Терех, лениво растягивая слова, тогда сказал сестре: «Ты чо, Танька, цепляешься к Катерине? Пускай с нами играет!» И Катьку взяли. Правда, ей теперь все время влетало от мамы, когда она уходила искать секретки за дом или в чужой двор Кузьки и Бобки.

Сам Терех ходил в ту зиму уже в первый класс и, невзирая на малолетство, игрался, с кем хотел, даже с семиклассниками. Да и не столько игрался, сколько дрался, просто ужас как! Чуть что не по нраву, как даст! Легкий пушистый снежок во дворе уже был кое-где в ярко-красных капельках крови, это там уже с кем-то Терех поигрался. Его за это самое так часто раньше и отправляли из садика к Макаровне, а обратно в группу, по просьбам родителей, неделями не принимали. Но из школы-то не отправишь! А когда весной весь двор начал играть в напильники, то Терех стал выходить на прогулку только с огромным, хорошо заточенным рашпилем. По этой причине его боялись даже старухи, сидевшие на лавочках у подъездов, поэтому и звали его просто Терех, из вредности.

Валерка был самым большим, самым красивым и самым умным. Раньше его, конечно, звали Валет, как и всех дворовых Валерок и до него и после. Нет, он уже был даже не Валет, а целый король. И по пшеничным волосам, вившимся волнами, Катя однажды поняла, что он самой настоящей червонной масти.

Мама Валя все ворчала и настраивала Катю против Тереха. Она искренне считала его уркой. Просто уже весной Терех, перевесившись вниз с их балкона, затянутого голубой стеклотканью, срезал все первоцветы для нее у соседки с нижнего этажа. И хотя, по-честному, вовсе не Катя подбила тогда Тереха на хулиганство, а его сестра Танька, которая все шипела, что соседка у них — мещанка, раз столько цветов на балконе развела, но Кате все равно было тогда очень приятно. А мама, после крупного разговора с соседкой, в слезах кричала ей, что из-за этого урки ей пять рублей пришлось заплатить, а на них неделю жить можно! А соседка, ей назло, эту пятерку взяла, да на георгины извела! У нее, дак, георгины будут к осени, а им жрать нынче нечего! Но Катя только улыбалась и представляла, что когда-нибудь цветы, ага, георгины, ей подарит и сам Валера...

Все дома вокруг во дворе были одинаковые, из красного кирпича. Среди них можно было бы потеряться, но как раз их дом можно было определить по цифрам. Сбоку на торце их дома белым силикатным кирпичом были выложены цифры: «1960». Это был год сдачи дома и год рождения Катьки. Она давно поняла, как это плохо быть такой соплей, даже меньше близнецов Саши и Вани, и очень старалась побыстрее вырасти. Для этого она каждый день съедала всю кашу, из-за того, что, когда она не могла без Тереха забраться на ставшую к весне высокой перекладину, Валерка смеялся над ней: «Мало каши ела!» И хотя каша в садике была с комками, на подгоревшем молоке, но,

морщась от брезгливости, она съедала ее всю, поскольку каждый вечер боялась, что ребята ее все-таки прогонят и не возьмут с собой висеть вниз головой на турникете ...

Неожиданно за все время только к той весне у Тереха все-таки получилось с мотылем! Мотыль весной пошел на рынке со свистом. Папа его ходил на рыбалку теперь редко, только когда тетя Дуся уезжала в деревню. И Катя радовалась про себя, что самому Тереху теперь тоже из-за мотыля ходить на рыбалку некогда. К рыбалке она почему-то относилась с настороженностью, а все равно бы пошла, потому что мама каждый день ей говорила, что если она только еще раз, хотя бы только разок пойдет с Терехом на рыбалку... Обиделась Катерина на мать, короче. Подумаешь, в ментовке день просидела, так сразу ремнем по заднице! А если бы мама знала, сколько раз Терех ее куда звал, а она не пошла, так у мамы бы сразу ресницы накладные отклеились! Из-за мотыля Тереха все теперь уважали, даже Валерка. Потому что они теперь каждое воскресенье ходили на Тереховские деньги все вместе в кино. Правда, Катя половину в фильме обязательно не понимала, а потом бежала за всеми и всю дорогу спрашивала, что же там, в фильме было по-настоящему. Доставала всех, короче.

«Сыновья Большой Медведицы» ей понравились, но только там тоже было много непонятного. Например, почему дети у этих индейцев ходили по экрану голыми? Некоторые из них были значительно больше Катьки. Стыдно ведь как-то без трусов. Интересно, а этих вот индейцев Терех тоже хотел освобождать? Вначале всем трусы надо бы купить. А то ведь просто стыд сказать кому.

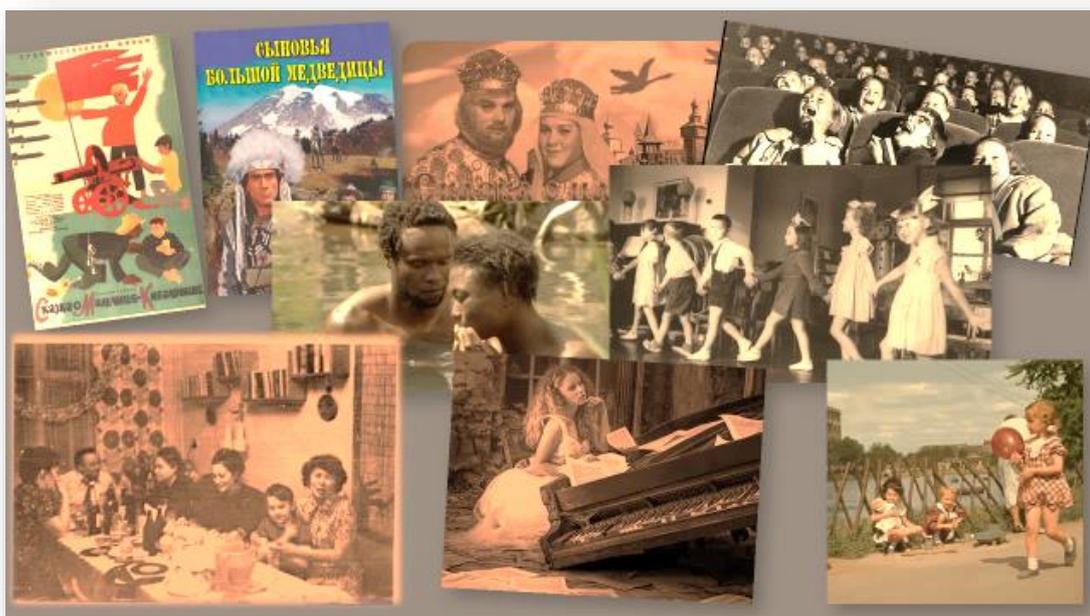
Мальчишкам «Мальчиш-кибальчиш» понравился, там кто-то классно прыгал в колодец. Нет, вначале кто-то упал, а другой уже потом на веревке прыгал. Но сперва он, конечно, хотел туда нормально слезть, но потом все-таки пришлось прыгнуть. Мальчишкам вообще весь фильм было очень смешно над глупыми буржуинами до тех самых пор, пока не загудели пароходы с паровозами: «Привет, мальчишу!». А Катя весь фильм переживала, что теперь Терех обязательно позовет ее прыгнуть в колодец возле частных домов в переулке Широком.

«Сказка о царе Салтане» вообще не понравилась. Катя знала ее наизусть еще до садика, а теперь воспитательница, расстроенная своими личными делами и марьяжным интересом к садишковскому плотнику, только ее почему-то и читала на занятиях. Ничего нового в этом фильме про Салтана не придумали,

ни одного нового приключения. Хорошо бы в море у них в бочке дырочка оказалась, а? Весь фильм ей было откровенно скучно и вообще неловко, когда царица, перед тем, как залезть в бочку, почему-то бегала тушить деревья и спасать птичек. Тереху, видно, эта придумка тоже не в кайф пошла, но из педагогических соображений он, зевая, сказал вертевшейся на кресле Катьке: «Вот суки!»

Самый хороший фильм был про Африку. Хотя там тоже бродили дяденьки, одетые как попало, но Катя надеялась, что под такими цветными тряпочками у них все равно надеты трусы. И вообще в тот день Кате впервые стало жалко этих негров. Прямо по экрану они бегали от носорогов, львов, пантер. Пантеры врывались к ним в деревни, в эти их гадкие жалкие дома. А сами пантеры были такие страшные, что, пожалуй, побежишь, от такой, даже без трусов. И еще по Африке ходило множество слонов. Причем ходили они, как хотели, иногда прямо по этим неграм. По дороге домой Катя думала, как же все-таки освободить этих негров с наименьшими затратами для Тереха? Единственный выход для негров она видела в устройстве большого загона с дощатым забором, как у них в садике, и тогда все негры могли бы там спрятаться. А сверху можно будет колючую проволоку натянуть, чтобы пантера через верх не пролезла. Природа там, конечно, хорошая. Так можно дырочку в заборе провернуть, как у них в садике, и любоваться той природой из безопасного места. Но надо бы, конечно, всех негров в рубашки одеть, а тетенькам ихним хотя бы лифчики купить на первое время. Сказать кому...

В конце весны от Ленки приехала Макаровна. Но она стала совсем другой. Это Катька почуяла сразу. Она старалась попасться старухе на глаза, нарочно караулила во дворе. Но Макаровна проходила рядом, глядя сквозь нее, и даже не отвечая на ее «Здрасьте!» Катя даже, набравшись храбрости пошла к ней домой, долго стучалась, но ей никто не открыл. От этого росло внутри предчувствие грядущих потерь и земля качалась под ногами...

А вот в начале лета, когда Катя уже успокоилась и решила, что все теперь будет хорошо, солнечным воскресным утром все проснулись от дикого крика тети Гали Кондратьевой. От сердца, прямо даже не проснувшись, умер во сне папа Валерки и Саша с Ваней. Он спал, спал, а потом захрипел и скатился с кровати к столу. Знакомая фельдшерица из соседнего дома прибежала сразу же, потом скорая приехала, но только так ихнего папу и не оживили. А тетенька фельдшерица, которая всегда давала тете Гале марлю, вату и бинтов, сколько хочешь, сказала, что тете Гале надо теперь очень следить за пацанами. Ведь непременно у кого-нибудь из них тоже порок сердца может оказаться. Это может запросто передаваться по наследству. Ей про это военврач знакомый еще в военном госпитале рассказывал. Вот и дяденька Кондратьев прошел все войну, не охнул, а в раз вдруг захрипел, посинел и — каюк! А, оказывается, у него было сердце, так-то! Сроду ведь не подумаешь на такого здоровяка!

Хоронили дяденьку Кондратьева всем домом. Печальный Валерка вел тетю Галю под руку, и от его вида у Кати чуть у самой не порвалось сердечко. Близнецы цеплялись за материну юбку и растеряно озирались по сторонам. Катька и Терех встали вместе с ними, и они тут же успокоились. Все дяденьки надели медали и ордена, только у Катиного папы орденов не было, он был самым молодым папой в ихнем доме и, как утверждал дяденька Терехов, всю войну прессовал поближе к харчам и бабам, хотя Катя этому не верила. Она знала, как у папы болели ноги, простуженные на работе в войну. Но все равно ей было обидно, потому что больше всех орденов почему-то оказалось у папаши Терехова, он понуро нес дешевый гроб, обитый красным сатином, до бортовой машины, которую Валентина Петровна и Дуся Терехова украсили еловыми лапами. И среди мужчин с медалями, скорбно провожавших папу Валеры до кладбища, Катя все высматривала и не могла определить тех, кто раньше отовсюду вызывал старшего Тереха настойчивым свистом.

8. Король червей

Король червей всегда неожиданно из колоды вываливается. Совсем другого ждешь, а он — раз, и уже под сердце подложен. Змею туда шасть! У него потому и название такое — король червей. Какая разница! Червь — это маленький змееныш! Потому как он все время женатый, все время! Охнуть не успеешь, а он... Вот хоть бы еще один червяк выполз, так это уже был бы успех, а с бубной — деньги. А-а! Небольшие деньги, плевые. Какие тебе деньги от червей? Сама котелком вари. А с пиками и трефами — одни неприятности от этих червей.

* * *

После смерти отца Валерка стал вдруг совсем большим. Но он все равно к ним спускался во двор после их истошных воплей: «Валет! Выходи!»... Катя следовала за ним повсюду, она первая смеялась его шуткам и бросалась выполнять любой его приказ. Правда, большие парни из других подъездов подшучивали над ним, когда она, выждав нарочно на верхушке деревянной горки Валерку, скатывалась с ледышки сзади на него, обхватывая его за шею, и прижимаясь к нему холодным личиком. И время шло, пролетало их время, словно безудержный веселый полет с ледяной горки.

А Танька наоборот с того лета совсем перестала с ними дружить. В принципе, она бы еще выходила к ним, когда Зельки не было, но вот Кузьку она не то, что недолюбливала, терпеть не могла. Кузька все время чем-нибудь менялся.

И действительно было как-то неприятно, если вдруг пропадала вещь, которую ему отказывались менять. Да еще такая вещь, как мамины бусы, да еще, если за них долго били, а потом ставили в угол как маленькую. Но ведь никто точно не знал, что это именно Кузька, и потом он был такой веселый!

Изредка Танька к ним все же спускалась во двор, особенно, когда ей надо было похвастать чем-нибудь. Вначале лета она приехала из первой смены пионерского лагеря, и никто, кроме нее из ребят, даже Валерий, там еще не бывал, поэтому все слушали ее рассказы с открытым ртом. А она вспоминала лишь игры в рыбаков и рыбок, где все пары выбирали, конечно, только ее, и в глухую почту, потому что все мальчики только и писали для девочки Тани с длинными косами разные глупости. Катька так мысленно и связала для себя секрет сногшибательной Танькиной популярности в лагере с ее толстыми блестящими косами. Конечно, у Катьки мама косы не растила, говорила, что сами потом вырастут. Правильно, поэтому все так неудачно и складывается у нее в жизни без кос. А Танька хвастала, что все девочки у них в палате стали мазать волосы у корней репейным маслом, чтобы они поскорее выросли такие же, как у нее. И, между прочим, многим это помогло.

Вернувшись вечером домой, Катя тут же полезла к маме с расспросами, где же ей взять репейное масло. Мама была занята, она готовилась к занятию в университете марксизма, но сказала, что у них в ванной стоит бутылка масла лопуха, а написано на бутылке — «касторка». Конечно, Катя тут же задумала недоброе. В садике был карантин из-за кори, поэтому Катьке предстояло еще много дней отираться одной в квартире или шастать по двору с ключом на шее. А тут представлялась такая возможность! Нет, главное, что никто даже не догадывается! Вот идут они себе, идут, тихо так идут, задумчиво. И вдруг она им встречается, внезапно, с косами!

Когда родители ушли утром на работу, наказав Катьке идти после завтрака к близнецам Кондратьевым дурака валять, она взяла бутылку и, естественно, поднялась наоборот к Тереховым. Терех вышел в застиранной майке очень сонный, он долго не мог понять, что она от него хочет. Танька еще спала. Будить ее не решились, она могла и врезать по первое число.

— Терех, ты не помнишь, что Танька вчера про масло репейное говорила? Куда его льют?

— Кать, так это же касторка, а не репейное масло!

— Я уже читать умею, но мама сказала, что это то самое масло из лопуха. А репы на лопухах растут?

Терех таких ботанических тонкостей не знал, но предположил, что лить масло надо прямо сверху, тогда волосы будут гуще. Решили опробовать чудодейственное средство немедленно, естественно, в Тереховой ванне, где они почти каждый вечер в темноте поджигали щепу в титане.

Катя наклонилась над ванной, отодвинув от себя таз с замоченными в хозяйственном мыле вонючими штанами папаши Тереха. Плечи Терех закрыл ей простыней, а сверху навьючил еще большое полотенце. Он открыл пузырек и ухнул все содержимое Катке на голову. Масло было густым и равнодушным, впитываться в корни волос оно не хотело, а лениво сползало в глаза и уши. Терех решил, что его надо немедленно втереть в Каткину голову, иначе оно все в ванну уползет. Катка чуть не взвыла от его усилий, но стоически терпела, ей даже показалось, что ее волосы начинают несколько удлиняться. Потом Терех обнаружил, что втирать вроде бы уже нечего. Что делать дальше, они не знали, но стоять буквой «Зю» над ванной Катка уже не могла. Терех замотал ей голову полотенцем, и они пошли в комнату.

— Вот как ты думаешь, Терех, они прямо сейчас начали расти?

— Не знаю, но ты держи пока полотенце на голове, у меня мать, как таблетками башку красит, так долго в полотенце сидит!

— Только бы не выкрасилось, а то от мамы влетит.

— Да не покрасится, в нем и цвету-то нет никакого, но вот запахок, Катерина, от тебя теперь, как от дворового Шарика.

Долго высиживать и ждать прироста волос, Кате было нелегко. Надо было немедленно продефилировать перед Валеркой и намекнуть о скором изменении положения дел. У нее волосы вырастут не до пояса, как у Таньки, а до самых пяток. Танька-то маслом не обливалась! А интересно, к вечеру у нее до куда косы дорастут? Она еще немного поерзала на диване и отправилась от Тереха к Кондратьевым прямо в полотенце.

— Привет, ты мылась что ли, Катя? А кто тебе титан разжигал? Опять огнем с Терехом баловались?

— Не-е, Валет! Это я косы выращиваю! Хочешь посмотреть?

Не дожидаясь утвердительного ответа от ошеломленного Валерки, Катка стянула полотенце с головы. Масло все-таки было репейным, потому что слипшиеся пучки волос торчали в разные стороны, напоминая колючие шапки репьев на помойке за домом. Валерка только выдохнул: «Катя, это кто тебя так?» А потом он заорал на весь подъезд в сторону приоткрытой двери Тереховской квартиры: «Кто сказал этой дуре, что масло надо прямо на башку лить? Ты что, Терех, нарочно, да?..»

Ах, какой замечательный, какой красивый был этот Валерка... Какой он был большой и умный! Самый красивый и самый умный! С этим был полностью согласен даже Терех. Жаль, но косы у нее в тот раз так и не выросли. Но когда она от страха стала реветь, испугавшись, что теперь из-за ее кос с Терехом сделают что-то окончательное и бесповоротное, Валерка впервые сам позвал ее к себе в гости чуток обсохнуть от масла.

В самой большой комнате на стене висел большой портрет его папы с траурной ленточкой в уголке. Катя знала, что этот портрет сделал тете Гале ходивший по квартирам дяденька фотограф, потому что у папы Валерия никогда не было такого красивого костюма. Валерка позвал ее пить чай, близнецы тут же потянулись за ней на кухню без особого приглашения. И Катя, окинув всю кухонную утварь наметанным взглядом, поняла, что кушать у них, кроме выставленной помадки и белой булки нечего. Но она села за стол пить пустой чай без варенья и сахара, думая, под каким бы предлогом пригласить их к себе домой, где были борщ и котлеты.

— Валера! А ты умеешь слоников склеивать? — решила она, наконец, подать голос. От неожиданности голос оказался сиплым и тихим.

— Ты слона, что ли, раскокала? — насмешливо спросил он.

— Хобот откололся, нечаянно...

— За нечаянно бьют отчаянно. Ладно, чаю попьем, пойду, погляжу.

Близнецы тут же с надеждой посмотрели на Катю, и она им подмигнула, как учил ее Терех, но цыкать сквозь зубы так же, как он, при Валерке не стала. Они быстренько засобирались, заторопили брата, и Катя поняла, что близнецы кроме чая с утра ничего не ели.

У двери их квартиры сидел мрачный Терех. Он подвинулся, пропуская компанию в квартиру, и вошел вслед за Катюшкой. Шепотом он спросил ее в коридоре: «Кать, тебе мамка разрешила к себе в гости водить?» Катюшка утвердительно кивнула репейной головой, чтобы он не волновался.

В тот раз они так наелись, что даже папе жрать потом было нечего. Папа с мамой долго говорили что-то шепотом от Катюшки на кухне. До нее долетали только самые громкие мамины слова «уроды» и «подонки общества». На утро холодильник оказался запертым на маленький ключик, который мама унесла с собой. Только на плите стояла каша и две маленьких котлетки, укутанные в полотенце. Близнецам их было мало. Тогда Катя вспомнила, что в темной комнате очень много засахарившегося варенья. А в оцинкованной бочке на балконе у мамы была напасена мука. Деньги на яйца и молоко заняли у Тереха,

тем более, что блины он жрал с ними же. Оставшиеся блины близнецы унесли с собой, чтобы мама не узнала.

Мама вообще долго чего не знала, весь карантин, она даже не знала, что Катька давно умеет зажигать газ и подливать воду вместо истраченного растительного масла. А потом, когда узнала, то вообще чуть коньки на стенку не повесила, потому что только перед самым садиком обнаружила у Катьки масляный колтун на голове.

И тогда до нее дошло, чего это Катька повадилась дома сидеть и все в платочке, в платочке! Да что же это за подонки-то рядом с ее дитем растут, ведь на карантин оставить ребенка нельзя! Обожрут всю, и башку еще в помой окунут! Сволочи!..

* * *

Садик закончился как-то неожиданно, и сразу же началась школа. Школа стояла недалеко от дома, и Катя пошла в нее вполне самостоятельно, потому что родители в это время были на работе. Мимо на чей-то свист проносился Терех, на бегу весело грозя ей кулаком. Чинно шли Саша и Ваня, хором здороваясь с Катей. Не шла, а лодочкой проплывала мимо Танька, на Катю она даже не смотрела. Но Катя старалась не спешить, потому что после всех в школу бежал Валерка. Он всегда опаздывал, но все равно кричал ей на бегу: «Привет, Катюха!»

Когда Катя пошла в первый класс, Терех уже закончил четвертый. И никто не смел обижать Катю, потому что на этаж младших классов по дороге домой за ней заходил известный всей школе Терех. С ним хорошо было идти и идти,

распинывая опавшие листья и блестящие на солнце стекляшки, думая о своем. С ним даже молчание было не в тягость.

Валерка... Как хорошо было тогда, на карантине. Пусть потом и мама побила, плевать. Только из-за этого садика ей доводилось очень редко встречать Валерия. А Терех рассказывал, что к ним во двор приходили две большие девочки, очень большие. Они интересовались, в какой квартире живет Валерий Кондратьев. Прошмандовки. Но Терех им, конечно, сказал пару ласковых. Бить не стал, но сказать сказал. Заревели еще, дуры.

Почему, Катя и сама не понимала почему, но каждый день ей надо было обязательно увидеть Валеру перед школой. В принципе, хотя в школе тоже было много подонков общества, ей там нравилось. Да и Терех скрашивал ее одиночество, подглядывая иногда в их класс через стеклянную фрамугу двери и строя ей рожи. И хотя мотыль к осени на базаре не шел, а мальки у него все время дохли, он все равно покупал ей пирожки.

Но Валерий... Как долго было ждать конца уроков, как редко он встречался ей днем в школе! От силы раза два в день, не больше.

Девичьи грезы то накатывали, то их смывало беспричинными слезами, Катя росла и росла, понемногу становясь женщиной. Она и не подозревала, что эти ее прогулки украдкой на этаж старших классов, томные вздохи возле школьного признанного красавца Валерия Кондратьева, причем, вовсе не безответные вздохи, стали уже предметом обсуждения в учительской. И прибавьте к этому плотную опеку столь же признанного хулигана Терехова, так что же это?

В сочинении по рассказу Гайдара «Совесть» она написала с множеством грамматических ошибок, что главная героиня не захотела становиться подонком общества, поэтому встала на правильный путь исправления. Но далее шел довольно точный расчет тех денежных средств, которые понадобятся героине, для того, чтобы продолжить поступательное движение по выбранному пути. Среди вещей, признанных предметами первой необходимости, были ручки, тетрадки, «Книга о вкусной и здоровой пище» за 4 рубля 58 копеек, шесть пар трусов хлопчатобумажных по 3 рубля 60 копеек и зубная паста «Мэри» за 27 копеек.

За Катей стали следить. Педагогический коллектив в школе был крепкий, сплоченный. Мать пока в школу не вызывали, но превентивные меры приняли. Она сама только заметила, что все учителя стараются ее наоборот задержать

после уроков с какими-то беседами, общественными поручениями, а ей так надо было домой, к Валерке!

9. Девятка трэф

Девятка трэф

Ну, ты глянь, одна чернота валит! И девятка трэф — карта отсутствия и сомнения. А острием вверх — еще и слезы будут, и досада, сплетни будут точно. Нет, если бы тут где-то буби лежали, то можно было бы ожидать наследства. Хотя откуда его ждать, если все, кто мог оставить что-то на поминки хотя бы, давно уже померли. Причем, не своею смертью. И где ты тут бубей видишь? Вот и я говорю — нет здесь их. Нет. А вот после десятки трэфовой, вот если бы сразу только после нее упала бы наша девяточка, так это был бы приятный разговор, причем не в сухую. Но ведь после десятки, сама видишь, фигура падала. И при фигуре девятка означает любовь этой фигуры, но раз не выпала тебе дама, той же масти, что и король, то любовь эта будет короткой. Да, при фигуре девятка — это разлука...

* * *

Летом перед четвертым классом все вокруг стало меняться. Танька совсем потеряла интерес к ним, и более того, начала сторониться Валерия. У нее появились какие-то новые подружки, тащившиеся за нею из школы. С ними она долго хихикала втихомолку от них у подъезда. Валера еще выходил к ним поздними вечерами, хотя стал уже совсем взрослым. Он перешел в десятый

класс, поэтому он уже не бегал с ними, а только сидел, посмеиваясь, на лавочке у подъезда.

Все стало рассыпаться на глазах, все вдруг стало так непросто, все оборачивалось пустотой. Нет, не узнавала Катя свой двор. Порушили голубятню, за которой когда-то присматривал Валеркин папа. Не стало маленького домика на подпорках, над которым кружили и кружили белые дутьши. Но и после его разорения Кате часто снилось мягкое любовное воркование... Еще покрывались черной плесенью бельевые веревки в покосившейся беседке, но уже даже жильцы первых этажей опасались вешать на них кипяченые в щелоке простыни. И без этих белоснежных парусов беседка казалась неприлично голой.

Терех, приехал среди лета из деревни один. К Кате даже не зашел, странный какой-то. Недельку лежал в лежку, не ел ничего. Катя достучалась до него все-таки, спросила, что ему покушать принести. Он сказал, что никаких котлет он теперь есть не может, вообще теперь мяса никогда есть не будет, пусть они все со своим мясом в жопу пойдут. Лучше пусть она ему мороженое купит.

Дома как раз висела папина куртка, в ней Катя нашла целый рубль юбилейный. Без колебания она потратила его на мороженое для друга. После второй порции мороженого Терех сказал, что в деревне поросенка кололи, а теперь ему так хреново, что он никогда теперь свинину точно жрать не будет. Мясо, может, будет, потом, а свинину — фиг! Катя ни разу не видела Тереха таким, и ей стало страшно.

Валеркина мама, тетя Галя, перешла на другую работу, очень тяжелую физически, но за нее больше платили. Саша и Ваня стали совсем тихими и редко теперь выходили во двор. А Валерка все время теперь был сердитый, и почему-то даже кричал теперь на Катю, когда они с Терехом заходили к ним в гости. Хотя Катя старалась, как могла. Она всегда брала с собой в гости банку варенья и вообще чего-нибудь пожрать, а за чаем рассказывала сказки. Слушать ее сказки иногда приходила даже Танька. Сказки были длинные-длинные — про джиннов, колдовство, красавиц и неожиданное богатство. В этих Катькиных сказках все было непривычно. Любовь почему-то была оборотной стороной предательства, а зло иногда оказывалось сильнее добра, и было очень много других самых невероятных превращений. Например, добро могло запросто оказаться злом, а зло нередко оборачивалось добром. Несметные сокровища в ее сказках не дарили желаемого счастья, а совсем как в жизни приносили лишь душевные муки, мрачные приключения, ставили героев

перед трудным выбором. Вот умела она складно, по-взрослому логично повествовать! Когда Катька пошла в школу, учительницы иногда просто собирали несколько младших классов и ставили у доски Катьку. Она рассказывала детям сказки, а училки, наслаждаясь тишиной, пили чай за шкафами в препараторской, обсуждая ее любовные похождения, слушали краем уха ее сказки и хихикали.

Но в какой сказочной истории можно было вообразить, что Валерий вдруг начнет ходить в подвал к Кролику?

У этого гадкого Кролика губа была зашитая, она вообще-то называлась «заячья губа», но почему-то давным-давно его стали звать Кроликом, а он отзывался. Кем был этот спившийся мужчина сорока с небольшим лет, живший у них в цокольном этаже, никто не знал. Он устраивался иногда на работу, четко выдерживая сроки, чтобы не загребли за тунеядство, но через некоторое время из его подвального окошка снова неслись похабные песни под гармошку.

Никакие уговоры и Катькин шепот сквозь слезы не помогали, Валерка стал уходить от них в подвал к Кролику все чаще. У Валеры после смерти отца началась такая трудная жизнь! Он перевелся в вечернюю школу и устроился на работу, а у его младших братьев, Тереховых, Катерины и других детей их двора детство еще не закончилось. Он начинал почти взрослую жизнь, но взрослым его считал только Кролик. Ему уже было мало Катькиных рассказов о чужих приключениях, его уже тянули какие-то свои, взрослые приключения, до которых Катька так и не успела дорасти. Если бы только этот Кролик не зазывал его, давя на мальчишеское самолюбие, то они как-нибудь бы справились с Валеркиной хандрой, перетерпели бы его неожиданно появившуюся грубость.

Как давно и как еще недавно Валет сидел с ними на перекладине! Теперь он даже разговаривать с ними перестал. У подъезда теперь каждый вечер его ожидали друзья по посиделкам у Кролика. Они громко смеялись ломкими голосами, и Валера даже курил с ними иногда, а тетя Галя этого не видела, она все время была на работе. Парни были старше Валерия, и Катя не понимала, почему они сидят с ним на спинке скамейки возле их подъезда, оставляя на сидении грязные подтеки с нечищенных ботинок.

Она боялась проходить мимо них, потому что они как-то странно на нее смотрели. И однажды, когда она возвращалась из магазина, Валера вдруг окликнул ее: «Кать! Катерина! Иди сюда!» Катя подошла, полагая, что у него

к ней какое-то дело. Она была вынуждена подойти, хотя он сидел с этими неприятными парнями. Ну, не могла она не подойти к Валерке. А они все смотрели на нее и улыбались. И Кате стало не только неловко, вообще не по себе. Они молчали, молчал и Валера и так же, как его новые друзья улыбался. Катя повернулась и побежала в подъезд, будто кто-то гнался за нею, а вслед ей раздался дружный смех, и среди каркающих голосов она узнала и хриловатый голос Валерия. Она отдышалась только у своей двери, но лицо горело, и она никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

Иногда он, развалившись, молча сидел на скамейке один. В такие моменты он совершенно ее не замечал. А если она старалась все-таки попасться ему на глаза, то он вдруг глядел на нее, как на чужую, с отстраненным интересом. Нехорошим, мужским интересом. Уж какой маленькой и глупой не была Катя, но в ней доставало женской чуткости, чтобы это понять. И слова, такие нужные, такие продуманные вечерами перед сном, застывали кашей и пропадали куда-то. Катя так хотела ему помочь, она чувствовала, что он стоит на пороге страшных перемен, она так хотела его удержать! Но когда он так смотрел на нее, ей было не только неловко и страшно, она чувствовала, что сама меняется под его взглядом. Детство ее стремительно заканчивалось, взгляд Валета пробуждал в ней страсть.

Что-то внутри нее стало меняться. Все слова ей стали казаться пустыми и не нужными, но пока ей еще было достаточно этого его тяжелого мрачного взгляда, под которым она вдруг начинала ощущать свои ноги, руки, губы и, самое страшное, все-все.

А разве она могла доверять Валету, ведь он сам не верил ей, он сам поступал так неразумно со своей жизнью, с ее жизнью? Да, ночами ее стали тревожить сны, в которых у них с Валетом было все как у взрослых, они даже целовались.

Но, кроме кружившейся в тумане головы, у Катки была привычка читать. Она даже кушать не могла, не вооружившись какой-нибудь книгой. Любой, пусть даже папиным учебником по физике за восьмой класс средней школы. Только в книжках она находила теперь опору, только с ними она могла говорить, только они могли ответить ей пожелтевшими ломкими языками на мучительный вопрос, который Катя никому не могла произнести вслух: «Как она могла пасть так низко, чтобы полюбить Валета, еще даже не став пионеркой?» И стихи из учебника литературы для десятого класса, который, вместе с другими учебниками остался у папы от тех времен, когда его заставили учиться, утешали и успокаивали ее. Они шептали, что все не так уж

и страшно, что это даже хорошо, но вот только однажды всем приходится расставаться... И, окончательно убедившись, что она влюбилась, Катя с новыми силами бросилась спасать Валерку.

Теперь он уже не смеялся, когда она, прихватив для смелости Тереха, подходила к нему и прямо при ребятах не просила, нет, требовала, чтобы он немедленно прекратил свои походы в подвал к Кролику. Валерий злился, кричал на них, но что-то в ее фиалковых глазах лишало его уверенности в собственной правоте. Он так боялся, что ребята за его спиной станут смеяться за эту странную парочку морализирующих сопляков, которые подгребают к ним каждый вечер, когда они ждут прихода Кролика. Но те почему-то не смеялись. Они раздраженно шипели, завидев Тереха и Катю, направлявшихся к ним, они что-то говорили ему, как бы сочувствуя, но Валерий почему-то чувствовал их тоску и зависть к тому, что его, а не их уговаривает не пить водку в подвале голубоглазая девочка.

Катя всегда почему-то очень боялась осени. И не зря боялась. С осени Валеру она уже по утрам не видела, утром он уходил на работу, а вечером — в другую школу на окраине. Школу рабочей молодежи. По утрам теперь уже не бежал, а понуро брел рядом Терех. И если они и говорили, то только о том, как бы отвести Валеру от подвала. Но чем больше Валерку тянула Катя от Кролика, чем настойчивее таскался за ним молчаливый Терех, тем чаще Валера уходил от них в подвал...

Там же почти все парни с их двора обмывали осенью повестки из военкомата. Валерию стукнуло только шестнадцать, но среди обритых наголо ребят он чувствовал себя не просто взрослым, а членом вечного мужского братства. О том, что случилось потом, Катя знала только по разговору с Валеркой.

В одно прекрасное утро не она, а он встретил ее у двери перед школой. Вернее, ей тогда только показалось это осеннее утро прекрасным, сердце ее забило, когда Валера вместо обычного приветствия вдруг срывающимся голосом позвал ее: «Катя! Катенька!», зная, что больше и позвать-то ему теперь некого. Сердце тот час опустилось, когда он сказал ей, что его, наверно, заберут в тюрьму.

Несколько парней, пьяными выйдя от Кролика, на остановке затеяли драку с мужчиной, добивали его уже ногами. Валерка был среди них, водка действовала на него так, что он ничего не помнил, что делал, но, протрезвев, в кармане своего пальто он обнаружил какой-то нож и, самое страшное, часы этого мужчины...

Слушая сбивчивый Валеркин рассказ, Катя все ловила себя на мысли, что уже знала все заранее, все уже слышала в том кошмарном сне, что мучил ее все ночь. И весь тот день, когда сбывался этот кошмар, она старалась и не могла проснуться. Она всегда могла проснуться, но в тот день... Как бы она хотела повернуть время!

Валерка взял ее за руку и повел в фотоателье на углу их улицы. Усталый фотограф с вывернутыми детским параличом пальцами принял у него смятый рубль, долго смотрел на них сквозь камеру, а потом подошел и бесцеремонно наклонил Валеркину голову к Катиному плечу, чтобы два их серых лица с наполненными страхом глазами поместились в кадр. Квитанцию у мастера взяла Катя, а Валерка, шмыгнув носом, отвернулся. Оба они понимали, что ему эта квитанция уже не к чему. Потом они шли по городу, пламеневшему рябиновыми листьями, клены уже облетели, и их путь пролегал по яркому желто-красному ковру. Последним теплом светило мягкое осеннее солнце, и сквозь слезы казалось, что тротуары закиданы роскошными мешанскими георгинами.

Валера даже не подумал, что Катя, шаркающая ногами рядом по прелым листьям, так и не пошла сегодня в школу, чтобы весь последний день быть рядом с ним. Возвращаться домой Валерке было страшно, без Кати он бы и не смог, но, из последних сил держась перед ней, он повернул к их дому. Они молча разошлись у подъезда, и Валерка пошел к себе ждать милицию.

За ним приехали в семь вечера, садясь в машину с зарешеченной задней дверцей, он прощальным взглядом окинул их дом. В окне рыдала мать, к стеклу прилипли носами бледные Саша и Ваня. У самого подъезда стояли только Терех и зареванная Катька, а из окна на втором этаже ее мать истерически орала: «Катька, домой! Домой сейчас же, дрянь такая!».

Тетя Галя ходила по квартирам и собирала подписи на какой-то бумаге, где Валерий характеризовался в целом положительно. Из-за ее вытертого пальто выглядывали близнецы и жалко улыбались Катьке. Мама совала тете Гале какие-то деньги и горячо говорила, что вот кого бы давно следовало посадить, так это они с Галей знают, но чтобы Валерку... Горе-то какое! Общественным защитником на суде был сам Лев Абрамович. Ничего не помогло. Валерку посадили. И выходя утром в школу, Катя даже не могла смотреть на его окна.

* * *

После того, как Валета посадили на шесть лет, их компания распалась, а вечерние посиделки сами собой закончились. Терех с головой погрузился в свои аквариумы. Иногда по воскресеньям он водил Катю в кино в деревянный клуб. Деньги у него были свои от продажи мальков. И она, забывая обо всем на свете, хохотала над всеми приключениями Шурика тоненьким заливистым смехом. По дороге к дому ее смех высыхал, и входили они в подъезд уже совсем мрачные. Терех чувствовал себя очень виноватым за то, что случилось с Валетом, но на самом деле ничего тогда он сделать не мог. Так уж все вышло.

Тереху очень нравилось, когда Катька смеялась, он хотел бы, чтобы смеялась она чаще, но ничем, кроме кино, ему не удавалось ее развеселить, она только пугалась. Жалко ему было маленькую Катьку, короче.

Однажды он купил ей на базаре у нуждающейся старушки маленькую красивую сумочку с вышитой сорокой. Катя снова перепугалась теперь уже за него, и он дал ей честное слово, что эту сумочку он не крал. Но Катя все равно прятала сумочку от мамы. Она взяла с Тереха еще два честных слова: одно про то, что он не будет пить водку до двадцати лет, а второе — про то, что он никогда не пойдет в подвал к Кролику. Она тихонько таскала ему читать мамины «Роман-газеты»: «Убить пересмешника», «Ледовая книга», «Один день Ивана Денисовича», «Сон вначале тумана»... Терех увлекся чтением, это немного успокоило Катю. Но после Валерки, о котором теперь дома нельзя было даже вспоминать, она все равно страшно переживала за Тереха, который так и норовил ввязаться в каждую школьную потасовку.

10. Пиковая дама

Вот и появилась королева пасьянса, вот сейчас она все нам расскажет... Знаешь, мы одно время с Настей спичками торговали на рынке, ты на рынке была? Там, где теперь овощной ряд стоит, две лавки купца Забродина были. Вот мы там с Настей и стояли, в затишке от ветра. А рядом с нами цыганка стояла, гадала за кусок хлеба. Она считала, что дама пик с другими пиками — просто добрая старушка. Ложь во спасение. Столько горя у народа было, столько горя, и редкий пасьянс обходился без такой доброй старушки. Да только чо я-то тебе врать буду? Ну, не молодая она, вернее, может по годам-то и молодой оказаться, но душа у нее старая. С тrefами — злодейка, это точно. И вообще несет она в себе размолвку, скуку смертную. Скука — смертный грех, слыхала? И волю дамы пик всегда многократно усиливает вот эта пиковая девятка. Только что скажу тебе, пики — это только пики. Иногда пиками нас сама судьба ведь подталкивает к чему-то. К тому, к чему никакими пряничками бубновыми не заманишь.

Да-а... Все ложь вокруг тебя, все обман, да разве ты поверишь? Не верь, милая, не верь! Крылья есть — лети! А вдруг получится?

Обещали по радио пятидневку, обещали, да обманули, как всегда. В конце квартала папа с мамой иногда работали и по воскресеньям. И как-то в такое

рабочее воскресенье хлеба в доме к вечеру не оказалось, потому что после кино к ним в гости зашел Терех, воспользовавшись Катькиной неприкаянностью, и сожрал весь хлеб с вареньем. Поэтому вечером мама послала Катю в магазин, пока его не закрыли.

С тяжелым сердцем Катя вышла с хозяйственной кошелкой из квартиры. В темноте у самого выхода из подъезда кто-то копошился. Лампочка была здесь, как всегда, вывернута какой-то хозяйственной сволочью. Танька рассказывала, что однажды ее в темноте поймал дядя Вася из первой квартиры, так она едва от него отбилась. У этого дяди Васи была какая-то справка, по которой он, что хочешь, мог делать. Правда, отпускали его из больницы с этой справкой очень редко, только по праздникам. И хотя день был не праздничный, Катя замерла на площадке, боясь спуститься ниже.

- Не бойся, это я!

Катю с трудом различила в темноте знакомые контуры Макаровны в платке. Она почти не изменилась, но только детей с ней перестали оставлять, потому что мамам с маленькими детьми государство дало большой отпуск до самых ясель. В дворе у них с младенцами наступило некоторое затишье, никто теперь к Макаровне не ходил, а после ее приезда из Барнаула перестала вызывать на переговоры даже Ленка. Поэтому Макаровна частенько стала закладываться вместе с опустившейся пьющей старушкой из их подъезда. Периодически она появлялась у них на первом этаже и долго скреблась в темноте, когда в подпитии не могла найти входную дверь. Катя иногда встречала ее здесь и спящей у стояка центрального отопления, и от нее крепко пахло мочой.

— Кать! Ты не в магазин идешь?

— Ага!

— Возьми мне молока бутылку и хлеба! Денег у меня нету чо-то, у тебя сдача-то будет?

— А я не считала, кассирша, поди, сосчитает!

— Ну, возьми, а? Матери скажешь, что денежку потеряла, а?

— Да, ладно! Но Вы уж не пейте так! Всю пенсию, поди-ка, пропиваете! Старая, а в подъезде иной раз валяетесь обсиканная!

— Ты иди, Катюшка, быстрее, а то сейчас поругаемся, и я опять буду голодная сидеть!

У Кати в школе были тимуровцы. Она и сама ходила с ними помогать старым одиноким людям. Но ей это очень не нравилось. У одной старушки, которой они мыли полы и стены в кухне, была взрослая незамужняя дочь, она работала в райкоме комсомола и проводила у них в школе большие комсомольские

собрания. До этих собраний Катерина, конечно, еще не доросла, но Танька рассказывала, что длились они по пять часов, и как-то она на таком собрании чуть как Макаровна не обсикалась. У Катиных родителей парткомы тоже длились очень долго, но никто к ним с помощью не ходил, целиком полагаясь на Катькину сознательность. Нет, не доводилось Екатерине встретить в тимуровцах людей, действительно нуждавшихся в их помощи. У ветерана войны, для которого она ходила в аптеку, был внук — ученик параллельного класса. Когда Катя с девочками приходили к ним, он громко смеялся и кричал деду: «Дед! К тебе пионерки — всем ребятам примерки пришли! Давай, в магазин их гони, мне некогда!».

А к Макаровне, никто из них не ходил, хотя многие из их двора в ихнее время сами сикались у нее под столом на байковом одеяле. У пионервожатой такой и в списке не было. Может, оно и к лучшему. Все-таки те, к кому они ходили ишачить, были трезвые и сухие.

Катя купила все, что заказывала мама и Макаровна. У нее осталось всего две копейки, а если учесть буханку хлеба за 18 копеек и бутылку молока за 30, то сдать ей для мамы должны были, в аккурат, 50 копеек. Столько у них по понедельникам брали в школе за обеды. Она маме вполне могла сказать, что сдачу на эти обеды возьмет, а учительнице соврать, что потеряла. А с Терехом она все равно голодной не останется.

В их подъезде Макаровны уже не оказалось. Катя забежала к ней и постучалась. Старуха тут же открыла дверь, Катя сунула ей бутылку и хлеб и медленно пошла к себе, думая, что если Макаровна ее не окликнет, то все люди — сволочи.

— Спасибо! Ты, Кать, заходи вечером! Маме скажи, что гулять пошла, — тут же крикнула ей вслед бабка.

— Меня теперь гулять не пускают, — обернулась к ней Катя. — Только на площадке у двери стоять разрешают недолго. К Тереховым-то редко теперь хожу.

— Это из-за прынца нашего? Из-за Валерика? Так ведь не ты же с ножиком дралась!

— Мама боится, что скоро буду.

— Зайди-зайди, а то дожилась, ети твою мать, что словом перекинуться не с кем.

Катя понесла продукты домой, размышляя над тем, что имела в виду Макаровна, вспомнив ее маму. Дома папа спал после работы, а мама перебирала антресоли. Катя сказала, что зайдет перед сном к Таньке

Тереховой позаниматься природоведением, она не могла придумать еще чего-нибудь, в чем бы ей могла помочь Танька, с трудом тянувшаяся в десятом классе на гольные тройки. Мама фыркнула и пробурчала под нос: «Так и скажи, что к Тереху пошла на рыб посмотреть! А то Таньку и природоведение приплела! Недолго только, а то не знаешь, что этому урке в голову придет! Все же гад он, этот твой Терех!».

Катька нашла фонарик и отправилась к старухе. Дверь была открыта, Макаровна гремела в кухоньке чайником. В квартире совсем не пахло мочой, чего так боялась Катька. Под лампой с шелковым абажуром с кистями стоял все тот же круглый стол с клеенкой, вокруг него можно было протиснуться с трудом. Потому что здесь же в комнате стояли знакомые Кате с младенчества огромный пузатый шифоньер, резная горка с посудой, разрисованной картинками, огромное трюмо и никелированная кровать с вышитым вручную подзором. На стене над кроватью висел старый плюшевый ковер, который Катя так любила раньше рассматривать. По полу были постелены рябые полосатые половички, вот только у горы подушек на кровати теперь лежала совсем другая кошка. Под стол Катя заглядывать не стала. Она точно знала, что на стене там так и висит ее страшная картинка «Девятый вал», наклеенная ею на кусок сливового повидла. Почему-то именно сейчас глядеть на нее она не могла.

— Чо, Кать, баско я живу? Просто — барынька! — вышла из кухни старушка. Она достала красивые чашки, банку вишневого варенья и сушеных яблок, нарезала принесенный Катькой хлеб и стала готовить большой заварочный чайник.

— Здорово живете! Пьете-то только чего?

— Водку пью! Все воспитываешь, Катюха? Одного вон уже довоспитывалась, в тюрьме его воспитание закончат! Видала я, видала, как ты за ним тут шесть лет увивалась!

— А у вас денег на хлеб нету, а на водку хватает!

— У меня, Кать, пенсии-то отродясь не было, а платят мне теперь все водкой. Деньгами, попробуй, нынче возьми, сразу участковый придет, нетрудовой доход оформит. А так он тоже иногда у меня бутылку другую по дешевой цене возьмет. Мне старой много и не надо. Но принять иногда самой приходится, чтобы душу сохранить. Не жизнь получилась, а сплошной девятый вал какой-то!

— А вы на водку-то чем зарабатываете?

— Так я ж, Кать, судьбу ворожу! Аль забыла?

— А мне можете? Можете на картах?

— Да я тебе и так скажу, без карт. Не хотела, да ладно, скажу. Будут у тебя и встречи, и разлуки из тех, которые ты считаешь самыми важными для себя. Да вот как бы пустотой трефовой они не обернулись, впрочем, вам решать, у вас хоть выбор есть... Ну, много тебе сообщение мое ума прибавило? А? То-то! Ты варенье кушай, оно по старому рецепту сварено, нынче так не варят. Гляди-ка, цвет и запах всю зиму сохраняется, само густое, капнешь в чай, капелька так и лежит! Варенье из вишни всегда густым должно быть и терпким.

— У вас огород, что ли, теперь есть?

— Да откуда же, это тоже мне приносит одна вместо водки. Меня ведь когда-то из-за этих ваших домов снесли, а у меня здесь раньше все было — и огородик, и полисадничек, а какой у меня погреб, Катюха, был! В дому — две кладовые! Разорили в конец на старости лет, только и осталось, что в этой конуре уместилось. Больше всего тулуп папашин жалко, вещь основательная, громоздкая — ну, куда теперь с ней! Только и памяти о папочке — иконы эти. У меня и домовина была на чердаке припасена, все под бульдозер пошло. Хоронить-то как меня теперь будете? Да какая разница! Чай, на земле сверху-то не оставите?

— Да, не оставим, конечно! — бодро заверила старуху Катя.

Чай у Макаровны был ненастоящий, на травах. Но с вареньем получалось вкусно. Молоко старушка вылила кошке: «Балую тварь усатую, да нынче пост, Господи прости!».

— А почему к вам Ленка не ездит? Она, случаем, не померла? Если вы совсем одинокая, то я вас к пионервожатой запишу, будем к Вам пионеротрядом ходить.

— Не надо никуда меня записывать и ходить пионеротрядом! А деток-то у меня своих нету вовсе, потому что я, Катюшка, и в замуже ни разу не была. Это я на вокзале встретила подружку свою в войну. У нее когда-то сынок был, в начале войны женился. Потом похоронка от него пришла, так жена молодая девчонку свекрови бросила, все карточки с собой прибрала и умелась куда-то. У нас до войны-то городишко дыра дырой был, даже детдома не было. Это теперь уже два интерната да детдом, да дом ребенка, а раньше как-то без этого обходились... Почему-то. А я как раз там с гаданием к эшелонам выходила. Какой-никакой кусок хлеба, а не лишний, знаешь ли. Карточка-то у меня иждевенская была. А тут вижу нашу Ларочку в обносках с младенцем на руках. А ведь ей всегда везло, всегда! Она за красного командира замуж вышла, так хорошо устроилась, его до самой войны не сажали, даже авто у них было

собственное. И тут такое... В доме у меня и померла, Господи прости. Даже чулок на Ларочке не было! Я все думала, может мамка-то Ленкина опамятует, вернется. Объявления везде развешивала. Да где там! Дурное семя. Вот и Ленка в нее же пошла... Давно уж не звонила. Наверно, решила, что я уже того...

— Чего «того»?

— Да того! Померла уже...

Макаровна шумно пила чай из блюдца с крупными яркими цветами на каемке. Она была действительно очень старая, у нее на лице уже были такие малиновые точки и светло-коричневые пятнышки, как у всех старых людей, щедро раскиданные по правой стороне лица. Из-за них Катя не сразу даже заметила удивительно молодые карие глаза Макаровны, а в них была скрытая насмешка и какая-то мысль, будто старушка не могла что-то решить в отношении ее, Кати. Но почему-то Катя тогда подумала, что, наверно, Макаровна тоже когда-то была молодой. А та, напившись чаю, со вздохом стала растирать ноги, и Катя с острой жалостью увидела бесформенные деформированные старухины ступни.

— Скоро вся такая буду за грехи мои тяжкие, — сказала Макаровна, поймав Катькин взгляд.

— А что вы в замуже не были?

— Да я уж и сама не знаю! Не нравился мне, наверно, никто. Уж лучше одной, когда все не нравятся. Живу себе тихонько, водочкой с Настей и Вероникой из вашего дома балуюсь. Старухи всегда дольше стариков живут.

— Почему?

— Знают больше. Я вот много такого знаю, что тебе и не снилось! Многое теперь могу!

— Как джин?

— Да, нет, как Баба-Яга, скорее. А что, например, — все?

— Да вот хорошо бы, чтобы этот Кролик бы куда-нибудь делся! Валерка в тюрьме сидит, а этот... Чтоб глаза мои его больше не видели!

— А, это-то, это можно! Запросто даже, и греха никого особого здесь нет. Ладно, ты ступай, мила дочь!

* * *

Неделя прошла как обычно. Самыми противными были вторник и пятница — шесть уроков, и даже ни одна учительница не заболела! А еще придумали для пионеров какой-то всесоюзный марш, поэтому у них в школе объявили

конкурс песни и строя. После уроков они классом все топали в шеренгу и кричали до одури про веселого барабанщика, которого можно увидеть, только если встанешь пораньше. Катя едва тащила ноги домой. У подъезда курил Терех, она совсем забыла взять с него честное слово про папиросы.

— Здравствуй, Катя!

— Привет! Ты чего тут стоишь?

— А вот на Кролика посмотрел в последний раз. Вот как раз перед твоим приходом его увезли.

— Его забрали, забрали в тюрьму, да? Наконец-то!

— В морг его забрали, повесился он, дверь выломали, он завонял уже, почеловечески уйти не мог. Над ним татары живут, они теперь в деревню на неделю уезжают, чтобы все выветрить. Да разве это выветришь?

Правильно, все было так, как она и просила. Кролик делся куда-то, а глаза ее больше его не увидят. Но даже во дворе чувствовался сладковатый запах из подвала. Надо было попросить, чтобы этим Кроликом еще и не воняло. Ну, вообще! Знать бы раньше! Ведь и Валерку тогда бы можно было оставить себе!

Катя вприпрыжку побежала домой. Родители еще не вернулись с работы, а еще говорили, что по субботам у них будет день укороченный! В коридоре висели мамины и папины демисезонные вещи. Катя стала лихорадочно обшаривать их карманы. Больше всего она нашла у папы: железный рубль и двадцать копеек мелочью. Вместе с мамиными семнадцатью копейками и сорока копейками из копилки получалась вполне приличная сумма. Катя понеслась в магазин, купила полкилограмма карамели «Дунькина радость», связку баранок с маком, хлеба и молока.

Макаровна долго ей не открывала, только спрашивала больным разбитым голосом чего ей надо.

— Открывайте, Макаровна! Это я, Катя, с помощью тимуровской! Мне что, дверь как у Кролика высаживать?

Макаровна была закутана в два огромных оренбургских платка, Катя отстранила ее в коридорчике и решительно пошла на кухню ставить чайник. Кухня была небольшой, но совершенно замечательной! Катя с минуту стояла с раскрытым ртом, ей нравилось здесь все больше. И ничего такого раньше она у Макаровны не видела. На всех стенах висели полки на которых стояли банки разного калибра с содержимым всех цветов радуги. Вишневое варенье стояло рядом с маринованными змейками и грибами. Некоторые насекомые, которых консервировала запасливая Макаровна, приобретали при этом яркие фосфорические краски, и от иных банок шло слабое рассеянное свечение. С

потолка, на который было набито несколько осиновых сучьев, свешивались связки сушеных трав. Пока чайник вскипал, Катя рассматривала банки. Из трехлитровой посуды прямо на нее таранилась выпученными бессмысленными глазами огромная засоленная жаба. Глаза у нее были круглые, поэтому как бы Катя не вставала, она все время оказывалась под их пристальным взглядом. Макаровна, кряхтя, собирала на стол.

— Ой, это же почище, чем в Кунсткамере! А чо-то раньше я такого и не припомню, а?

— Да ерунда все это! Дикость это все, отсталость деревенская. Но для здоровья, для себя — уже не могу без этих маленьких удобств. Все-таки не нами это придумано, а в моем деле — без этого как-то не сподручно. Я ведь нынче не только по картам ворожу, я, сдуру, и еще некоторые вещи делать стала... Ну, как с этим твоим Кроликом... Да я уже теперь даже без унитаза и титана не могу, привыкла, избаловалась. Я тебя спросить все хотела, ты — крещеная?

— Кто бы меня крестил-то? У меня бабок нету, я ничейная внучка, у меня мама и папа — из далекой деревни, они туда теперь даже в отпуск не ездят. А Терех шутит, что они — инкубаторские. У Тереховых бабка в своем доме к Таньке и Тереху по па вызывала, покрестила. Валерку с братьями тоже в деревне окрестили, а у меня все же папа главным коммунистом в цехе работает!

— Это, Катерина, зря они так. Надо было бы все-таки покрестить, знаешь, случаи-то всякие в жизни бывают. Я вот к старости, когда деток ко мне водить перестали, а кушать надо было что-то, этим делом занялась, так теперь понимаю, что Бог-то он есть! Ты вот иначе сможешь объяснить связку такую: я в петелку на воде воск лью, а Кролик твой, тем временем, в другой квартире себе такую же удавку накидывает! Без Бога объяснения этому нету!

— А вы чего вся такая, согнутая?

— А вот болею, сила уже не та. Сейчас, что ни сделаю, сразу болезнь у меня окопная. Старая уже, видно. Да и Бога, видать, наше решение по Кролику не вполне устроило.

— Нашли тоже, из-за кого болеть, из-за Кролика! А Бога нет, это точно.

— Все же какая ты еще дура, Катька! Помру я скоро, Катюша, меня уже предупредили. И ухожу Макаровной, а ведь когда-то была я Маргариткой-Маргаритой, но очень недолго, этого уже и не вспомнит никто, потом я стала Маргаритой Макаровной, а вот теперь... Теперь мне дела земные надо завершать. А кому эти дела-то передавать? Все вокруг комсомолки, пионерки, тимуровки... Все уверены, что жизнь у них теперь другая.

— Конечно, другая! Вы просто очень отсталая, Макаровна! У вас даже телевизора нет!

— Зачем мне телевизор? На чо нынче смотреть-то? Меня старое время тянет сильнее всего. А вы вот игрушкам электрическим больше, чем душе своей верите. Скоро песни петь сами перестанете! А зачем, если радиола есть? И плясать не будете, а по телевизору будете на других смотреть. А потом, вот ты мне не поверишь, но будет такое время, что люди не будут любить друг друга, а просто картинки неприличные посмотрят или кино с голыми женщинами прямо по телевизору! Я это в шарик хрустальный видела, да! Ну, это ты, конечно, еще не поймешь...

— Да я уж все это знаю! Мы уже тычинки с пестиками прошли. А у Таньки есть учебник по анатомии, там младенец в животе нарисован.

— Вот! А нас Шопену в твои годы учили! А цветочки нас учили акварелью без карандашного наброска рисовать! И мальчишек этих близко не подпускали!

— И чо хорошего? И зачем мне тогда этот ваш Шопен без мальчишек?

— А какая великая была страна! — покачала головой старуха.

На стол, кроме чашек, вазочек цветного стекла и варенья двух сортов, Макаровна выставила большой пузатый флакон из-под духов. Закрывашка у флакона была тоже вроде как стеклянной в виде большого круглого шарика.

— Сейчас чаю напьемся и будем судьбу ворожить, счастья пытаться. Бутыль эта настоящего горного хрусталя. У меня много таких вещичек! От тетушки моей досталось, она со странностями старушка была. Я в шар редко смотрю, клиенткам больше на картах гадаю, с них и этого будет! Но, между нами, толку-то от карт не много, они же, иной раз, только желаемое за действительное выдают. Просто узнаешь, чем человек живет, дышит, совет какой от себя дашь. А-а, больно они им нужны, мои советы!

— А вы Валерку можете из тюрьмы вернуть?

— Нет, не могу, да и не хочу, если честно. И тебе вот за каким хреном надо все это, а? Ты душу вначале вырасти, а потом и... Ладно, ты пока шарик вынь, да в руках погрей, а я налью в бутылку елею.

Старуха подошла к иконостасу, отлила из пузырька, что прятался за иконой, бесцветного масла во флакон, а сами иконы накрыла ситцевой занавеской.

— Знаете, Макаровна, я тоже теперь очень хочу стать ведьмой, даже больше, чем контрразведчицей и чилийской коммунисткой! А можно я вашу жабу Тереху покажу?

— Тьфу! Ты как чего-нибудь скажешь, Катя, так хоть стой, хоть сразу падай! Немножко-то думать надо, перед тем, как рот раскроешь! Ставь пробку во флакон! Ну, и дура! Гляди в шарик, пионерка!

— А что вы ругаетесь все время! Ой, там смотрит кто-то на меня!

— Ага! Ну-ка, вынь пробку и уши елеем смажь, может, услышишь чего...

— Не буду я этим уши мазать, мне на пробку-то смотреть страшно! А кто это? Как в тумане все, но я ведь знаю его...

Катя машинально достала хрустальный шарик из флакона, сняла капельку елея с его основания и замедленным сонным движением провела по ушным раковинам, а потом, смежив глаза, и по верхним векам. Тихая комнатка Макаровны наполнилась шепотами, вздохами, голосами. Все расплывалось у Кати перед глазами, но в круглом матовом окошечке все стало удивительно ясным, четким, почти осязаемым, и тихий, смутно знакомый голос того, кто смотрел на нее из дымчатой глубины, трижды с мольбой позвал ее: «Катя, Катенька, Катя-я...»

Она приходила в себя от звука своего голоса, от собственных громких рыданий, от того, что Макаровна, оказавшаяся в действительности очень сильной, пыталась утихомирить ее руки, которые тянули на себя скатерть и пытались сбросить все со стола на пол. Катя утирала залитое слезами лицо и уже ничего не помнила из того, что видела во флаконе, кроме своих последних криков: «Это неправда! Не надо мне так! Я не хочу так!».

Лежать на кровати, утопая в пуховой перине, и слушать тиканье жестяных ходиков с нарисованными на них тремя медведями в лесу, смотреть на колеблющееся пламя свечи, поставленной перед ней Макаровой, можно было долго-долго. Главное, молчать, не говорить ни слова, чтобы мир вокруг опять не взорвался слезами и горем. Старуха поставила перед ней кружку с терпким пахучим травяным чаем, после которого сразу стало легче. Катя встала с кровати и стала собираться домой, грустная Макаровна не удерживала ее.

* * *

После этого случая Катя все не могла заставить себя пойти в соседний дом навестить Макаровну. Ей и так хватало с лишком того, что она теперь видела и слышала и днем, и ночью. Катя знала, что скоро это пройдет, но тянулось это недели две, не меньше. Сквозь лицо классной руководительницы, которая ругала ее за ошибки в неправильных дробях, проступал мертвецки бледный лик с сомкнутыми веками. И Катя знала, что до конца учебного года их учительница, имевшая двух детей, не доживет. Что у ее детей уже в мае будет новая мама, к которой и сейчас ходит их отец, когда Ирина Леонидовна занимается с отстающими по алгебре.

Просто замечательно! Вместо того чтобы наколдовать себе хотя бы пятерку по геометрии, Катя теперь видела сквозь стены, как физрук прижимает к старому расстроенному пианино молодую учительницу музыки и обещает на ней жениться! Как будто ей первой он это обещает! И от этого первое время было совершенно некуда деться, но потом голоса стали затихать, внутреннее зрение затянулось туманом, и Катя перестала бояться смотреть в лица своих одноклассников. Как хорошо, как крепко забывается все в детстве! И она твердо решала, что к старухе больше не пойдет, не надо ей такого колдовства! Сами толком колдовать не умеют, а еще жаб мучают! Но потом она вспоминала, что у Макаровны иногда не бывает денег на хлеб, поэтому зайти все же придется. Рано или поздно.

И перед тем, как окончательно затихли в ней все голоса, приснился Катьке сон. Вокруг было темно, поэтому Катя поняла, что это поздняя-поздняя осень. Снег еще не выпал. И она тряслась в набитом автобусе, но, вроде, не по городу, потому что в окне мутная Луна выхватывала скудные голые перелески. Она думала только о том, как же ей будет холодно выходит из душной влаги автобуса в этом легком светлом пальто. Другие тяжелые навязчивые мысли она прогоняла от себя. Не будет она об этом думать, не будет и все! И вдруг рядом с нею оказалась Макаровна. Катя знала, что такого не может быть, что

не должно ее быть здесь. А Макаровна, хоть бы хны, устроилась рядом, согнав с сиденья какого-то нефтяника. Интересно, а кто такие нефтяники? Такие смеющиеся грязные мужики, с которыми можно ездить в таких поганных автобусах. Подонки общества. И почему-то сразу стало ясно, что едут они с Макаровой теперь вовсе не на какую-то лесную поляну, а в деревню варить самогон. По этому случаю в руках у старухи была здоровая клеенчатая кошелка. Потом они вышли из автобуса, и им действительно было холодно, так холодно, что даже сердце замерзло. И по дороге в деревню они собирали какие-то травы, чтобы потом долго сушить их на чердаке, потом почему-то кушали сонных жаб, чтобы из сердца исчезла тоска. В неспешном разговоре, который Катька так и не запомнила, Макаровна рассказывала ей про Ленку, Но совсем про другую, не про свою, про Тереха и, конечно, про Валеру. Да как тут запомнишь, если она все обрывала себя на полуслове, глядя на Катю молодыми насмешливыми глазами. Да, это смешно, конечно, но до деревни они так и не дошли, они все сидели в кустах на какой-то поляне, не решаясь тронуться с места. В кошелке у Макаровны вместо сахара вдруг оказался большой кусок сырого мяса, и Катя со страхом поняла, что это свинина. Замерзающим языком она все-таки спросила тогда, кому же Макаровна его везет из деревни, маячившей за пригорком, хотя прекрасно знала и сама кому именно. Тогда она со слезами стала просить Макаровну сделать так, чтобы тетя Дуся не умирала именно сейчас. Она понимала, как жестока ее просьба. В этом сне почему-то можно было получить все, но надо было только заплатить таким же товаром. Катька знала, что она могла попросить даже любовь, но ей было жалко отдавать за нее свою — глупую и страшно ненужную любовь. А у Макаровны она не постеснялась попросить такое, хотя знала, что именно сейчас той платить абсолютно нечем. Макаровна только закивала головой, ободряюще потрепав ее по плечу. Она даже пообещала проследить, чтобы Катька потом ушла с той поляны живой. И, перед тем как проститься с Катей навсегда, она на миг вдруг стала молодой и красивой, как тетя Дуся в том давнем сне...

Проснувшись, Катя почти ничего уже не помнила. Только по мокрой подушке под щекой она поняла, что плакала всю ночь.

11. Шестерка пик

Поздняя дорожка называется... При фигурах — потеря. Кака у нас фигура-то последней выпадала? Вот, пиковая дама. Значит, уйдет она навсегда своею позднюю дорожкой. И при других пиках было бы с этой картой веселье. Неумное, пьяное наше русское веселье с долгим похмельем. Но тrefы, что раньше выпали, говорят, что всем фигурам пасьянса лежит неудачная несчастливая дорога, перемена дома. Мать в пасьянсе поменяться должна. Вот если бубны потом пойдут, так эта дорога выйдет за деньгами. Не дорога, погоня. Любит наш народ за деньгой гоняться. Самая бесполезная дорога в жизни. Но опять-таки черви здесь говорят, что и дорога короля к тебе еще не заказана. Вот только дойдет ли он до тебя?

* * *

У родителей в то же самое время на работе опять случился какой-то большой аврал перед приездом какого-то хмыря из Москвы. И сейчас это было очень некстати. Катя почти неделю не видела ни папу, ни маму. Приходили они поздно ночью, усталые. Кушали холодные щи, не разогревая, и падали спать. Поэтому вечера Катя всю неделю проводила с Терехом возле титана в их ванной. Если папка у него тоже был на работе, то Танька приводила домой своих подружек, и Катя с Терехом вынуждены были сидеть на подоконнике в подъезде, а там уже было совсем холодно. Не любили они ее подружек, которые все хихикали над ними и со смехом лезли к ним в ванну. А когда

Таньки не было, то и пьяный папка Терехов не мешал им рассматривать журналы с картинками. Про Макаровну Катя ему в общих чертах рассказала почти все, не сказала только про гадание на шарике, про Кролика и, почему-то, про жабу. Но Терех, оказывается, и сам заранее знал, что Макаровна — ведьма старая. А в Катькиной квартире они оба чувствовали себя неудобно, будто там прятался кто-то чужой и страшный. Поэтому Терех, уложив Катьку спать, отправлялся к себе домой, оставляя для подружки свет в коридоре.

И ночью в пятницу, Катя неожиданно проснулась от резкого толчка в грудь. Она медленно отходила от тяжкого, мутного сновидения и со страхом вглядывалась в полоску лунного света на стене. В серебристой пыли, напротив прикрытой двери в спальню родителей, стояла девушка. И почему-то, может быть из-за того хрустального шарика, Катя знала, что именно ее когда-то звали Маргаритой, а иногда просто Маргариткой. Она была молодой и красивой, совершенно непохожей на ту Макаровну, которую при жизни знала Катя. Сначала она была расплывчатой и прозрачной, но постепенно краски проявлялись на ней, последними засверкали стеклянные пуговицы на груди, а на губах появилась грустная улыбка.

— Прощай, Катя! Я умерла... Так и не стала ты ведьмой, наверно, теперь будешь контрразведчицей, — с тихим смехом прошептала она. Она прошла по комнате, тонкими хрупкими пальцами прикоснулась к фарфоровым слоникам, стоявшим по росту на деревянной спинке дивана, шурша длинным пышным подолом платья, покружилась в лунных бликах.

— Маргарита Макаровна...

— Марго! Я теперь просто — Марго!

— А как же я? Я тоже так хочу, и платье такое же!

— Всему свое время. Живи своей жизнью, а в моей — это было единственное дамское платье, да и то очень недолго. Мы его на фунт меда выменяли с Анастасией, когда хотели спасти ее сына, а все равно не спасли, он умер от испанки... А потом мы стали обычными старухами, старыми ведьмами, потому что в контрразведчицы нас по социальным корням не приняли! А теперь это платье опять мое! Ах, какая длинная, несуразная получилась жизнь! Марго кружилась, смеялась переливчатым нежным смехом, каким смеются только девушки, уверенные, что в жизни их ожидает только счастье.

— Марго! Остановись! Ты мне хотя бы флакон свой принесла, — мрачно сказала Катя. Она видела, что становится совершенно безразлична танцующей красавице.

— Захочешь еще погадать, обратиться к Анастасии! Да что гадать напрасно! Жизнь все равно повернет по-своему.

Видение растаяло. Этой разодетой эгоистической барышне, которой оказалась Маргарита Макаровна, было совершенно плевать на трудную Катину жизнь, на ее стремления, переживания. Когда захотела — померла! А Катя, втайне от Тереха, так на нее рассчитывала! Она толком даже не узнала про свою судьбу! То, что Катя увидела в шарике, ее совсем не устраивало, совсем!

До утра она так и не заснула, а с будильником встала злой, раздраженной на всех, которые сначала обещают сделать ведьмами, а потом нарушают свои обещания и еще перед носом в таких платьях скачут, что от зависти помереть можно!

Утром Катя вышла из подъезда, размышляя над тем, как неправильно строители делают в домах подъезды. Идешь в школу, куда идти-то и так мало приятного, а тебе еще при выходе из подъезда ветер прямо в морду шибает. К соседнему дому шли несколько старух в заношенных драповых пальто с большими хозяйственными сумками. Впереди топала высокая мрачная бабка с топором в авоське. Катя с враз опустившимся куда-то сердцем поняла, что это и есть Анастасия. Та махнула старушкам рукой, чтобы они шли пока без нее, а сама подошла к замершей у подъезда Кате.

— Это ты — Катя, подружка Маргошина? Говорят, в шарик видеть можешь?

— Я самая, только я уже ничего не вижу!

— Врешь! Да, ладно... Мы к Марго пошли, обмыть надо, по-людски проводить. Участкового уже предупредили, он каку-то бумажку сделает, чтобы ее на кладбище зарыли. Вот жизнь, без бумажки и в землю не зарюют! Попик к обеду отпевать придет. Надо скорее ее схоронить. Ленку ждать не будем, все равно не приедет, крапивно семя. Когда на кладбище у нее будем, здесь такое начнется! Все пьянчуги заводские грабить Маргошку сбегутся, сейчас из-за этой комсомольской стройки столько отребья в город понаехало... Ты домой раньше восьми не ходи, не надо тебе это видеть.

Из подъезда Макаровны вышла сухонькая старушка и крикнула: «Настя! Нам без тебя не отпереть! Колуном надо замок отжать, иди скорее!».

— Щас! Куды спешить-то? Чай, Маргарита не сбежит! Я живу у «Крестика» в доме желтом двухэтажном, старух на лавке спросишь — укажут. Сама приходи, звать не буду! Много чести такой сопле!

— А я не приду!

— Не зарекайся! Иначе, дорога будет тяжелой. Ладно, Катюша, просто я из-за Марго расстроилась. Как это она так? Никого не предупредила, главное! Мы-то в таком возрасте это уж заранее узнаем. Это вы, пока молодые, смерти не чувствуете.

— Она мне говорила... Ну, что Бог есть, и что помрет скоро. Беспокоилась о домовине...

— Совсем тогда непонятно, сдвинулась она, что ли, на старости лет? У меня сон был нехороший, соседке ее позвонила, а та достучаться не смогла... Вот мы и двинули.

Анастасия повернулась к Кате спиной и, бормоча что-то себе под нос, побрела крушить дверь у Маргариты Макаровны.

На занятия Катя не пошла. Она подкараулила Тереха у школьного титана, на этаж старших классов ее уже нарочно не пускали.

— Здорово, Катюха! — сказал запыхавшийся Терех, наливая в алюминиевую кружку воду. Он был вес красный, и Катя подумала, что он, наверно, опять кого-то бил в туалете.

— Терех, я это... Не могу сегодня одна, в класс тоже не могу... Макаровна-то померла ночью, а перед этим... Ты смеяться не будешь?

— Да я вроде с утра дебиллом не был. Может, правда, ты чего скажешь, так стану.

— Она приходила сегодня ночью ко мне молодая и красивая. Представляешь, наяву! Мне бы у нее вещи надо кое-какие забрать, но раньше восьми туда нельзя идти, там бичи со комсомольской стройки мародерствовать будут. А темнеет сейчас рано.

— Слушай, я туда не пойду и тебя не пущу! А если на душе из-за этого всего погано, то давай, вали в гардероб. Уборщице скажи, что тетрадку дома забыла, а то пальто не отдаст. Я тебя за углом встречу, и пойдем, пошляемся!

— Нет, я на улицу не хочу, там ветер, погода еще поганей, чем на душе. Пошли на чердак?

— Ладно, я только за пончиками в буфет схожу, там Танька классом дежурит — она отоварит.

Весь день они валялись на тюках пакли на школьном чердаке. После дежурства в столовой к ним пришла Танька, а с физики сбежали еще его одноклассники — Бобка и Кузька. Жили они в соседнем подъезде их дома, поэтому частенько играли с Катей и Терехом во дворе.

Под чердаком были квартиры двух уборщиц и учителя рисования, поэтому они вели себя тихо. У них один раз уже вышла история, когда Терех и Кузька курили, а папиросы плохо затушили, и пакля начала тлеть. Дым повалил через деревянные перекрытия в эти самые квартирки, на чердак сбежался народ. Ребята, сняв с себя пиджаки, лупили ими по пакле. Кузька тогда показал себя у директора героем, он сказал, что курил один, а Терех на его крик тушить прибежал. Иначе Тереха бы точно выгнали из школы, а Кузьку отстоял отец, пригнавший на школьный двор свой бульдозер заровнять спортивную площадку. На чердачную дверь навесили огромный амбарный замок, к которому Терех сразу же подобрал ключ.

Под самый вечер они все пошли домой. За весь день Терех при всех ни словом не помянул причину их повального чердачного разгула. Да и Катя избегала говорить об этом. Танька целиком была поглощена своей почти взрослой жизнью. Она без умолку болтала о каких-то парнях из их класса, которые были ей совершенно безразличны. Просто она поражалась их глупости, смешному поведению на уроках и их запискам. Еще ее очень раздражала одноклассница Зелька, которая из вредности лезла ко всем парням, писавшим Татьяне записки.

А Кузька и Бобка рассказывали анекдоты, но Терех обрывал их, когда они переходили границы приличий и начинали поматериваться.

Бобка неожиданно для их компании стал лучшим барабанщиком их дружины. Катя завидовала ему со страшной силой. Ее почему-то не продвигали никуда по пионерской части, в тимуровцах она себя, по мнению вожатой, не проявила. А в барабанщики запросто попадали самые отпетые двоечники и хулиганы, как Бобка. У них это здорово получалось — барабанить! Они шли впереди дружины, гордые, строгие, в белых перчатках! И вся дружина равнялась только на них, выбивавших упругую ритмичную дробь. Несправедливость с этими барабанщиками была просто ужасной. Каждая дружина гордилась своими барабанщиками, они получали путевки в лучшие пионерские лагеря, они ходили в городской Дом пионеров, где с ними проводили барабанные занятия и показывали кино про контразведчиков. А потом они из этого Дома пионеров выбегали всей барабанщиковской толпой с визгом, барабанами наперевес и без шапок. Тут такое начиналось! Потому что сколько хулигану кино не показывай, белые перчатки и палочки клиновые не навяливай, он все равно так и останется дворовой шпаной.

С чердака они спустились по одному. После Тани пошла Катя, домой она бежала сломя голову, начинало стремительно смеркаться. В небе уже висел бледный тоненький месяц.

* * *

Очень плохо, что Терех с ней не пошел. Катя не знала куда себя деть, но чувствовала, что бессонница ей обеспечена. В половине десятого вечера она не выдержала и отправилась к Марго одна.

Катя со страхом вошла в подъезд с вывернутой лампочкой, в темноте она по памяти нашарила незапертую дверь Макаровны. В крошечной прихожей она без особой надежды нажала на кнопку старого выключателя, но тусклый свет загорелся. Правда, в других местах старухиной каморки света не было, потому что висевшие там абажуры были срезаны с кусками проводов. Неверный лунный свет освещал разоренную квартиру Маргариты Макаровны. Большой дубовый шифоньер не удалось сдвинуть с места никому, поэтому у него просто сорвали зеркальные узорчатые дверцы. Все остальное поддалось транспортировке.

Уносили скарб впопыхах, на стене остались клочки от коврика с романтической сценой, пришипленные крепкими гвоздиками. Было совершенно пусто, с пола Катя подобрала маленькую дорожную иконку и осколки блюда с синей розой, из которого покойница так любила пить чай. Лучик электрического света из коридора выхватывал кусок внутренней

кедровой обивки шкафа, и Катя поняла, что одна из панелей — съемная. Она подошла, отодвинула ее, сунула руку в образованную между шкафом и стеной нишу и достала увесистый докторский саквояж. Потом она прошла на кухню и чуть не упала там, поскользнувшись на раздавленной жабе. Все было побито, порушено, оставаться здесь Катя больше не могла.

У самого выключателя за наружную проводку была заткнута старая пожелтевшая фотка с узорчатыми краями, на которую не польстился никто из мародеров. Катя с дрогнувшим сердцем вынула фото на твердом старинном картоне. С него, прямо ей в душу глянула молодая красивая Маргарита в шелковом дамском демисезоне с пушистой горжеткой и кокетливой шляпке с райскими перьями. Катя сунула снимок за пазуху, к занывшему болью сердцу. Она погасила свет и вышла в темноту подъезда, но теперь, после этого фото, она уже ничего не боялась.

Идти с саквояжем можно было только к Тереховым. Только бы Таньки не было дома! Пусть ее не будет дома! Она ведь не много просит, тем более, что все в жизни идет не так, как надо, поэтому пусть сейчас не будет дома этой Таньки. Ей открыл Терех.

— Таньки дома нет?

— Нет, к подружкам умелась. Зато папаша вот лежит, пьяный в дупель.

— Слушай, мне надо вещи куда-то спрятать, а перед этим надо посмотреть, что я нашла. Там, наверно, альбомы фотографические. Едва приволокла! Картону раньше на это дело не жалели!

— Кать, я спрячу, никто не найдет, даже ты. Но давай бросать это дело, не смотри ты туда, а? Это ты ведь от Макаровны приволокла? Кать, ты ненормальной с этим всем станешь! И я — с тобой в придачу! Мне уже снился сон, что все вокруг — враги, одни мы с тобой самые умные. Первая стадия шизы, между прочим. У меня папка сколько раз в белой горячке в заводской больничке лежал, у него всегда с этого самого и начиналось. Чо в эти карточки смотреть, если наперед знаешь, что после их всех самое малое — раскулачат раза два, а то и расход пустят!

— Да мне сейчас и самой не хочется лезть в этот чемодан, мы с тобой потом вместе все посмотрим, ладно?

— По мне бы, сразу все это в колодец переулка Широкого кинуть!

— Ты чо? А вдруг людей потравим? А ты блюдце склеить можешь?

— Ладно, попробую, давай! Ты в воскресенье в кино пойдешь?

— Ой, Терех! Какое кино! Совсем забыла тебе сказать, что моим родителям за эти авралы квартиру новую дали. Они мне записку оставили, что мы же

переезжаем в воскресенье! Прямо, как снег на голову! У самого завода жить будем, чтоб на авралы ходить недалеко было. А там такой дом, что даже двора нет, одна улица и магазины. Зато трамвай рядом.

— Ты вправду говоришь? Не врешь? Ну, и дела! Все, значит, конец нашему двору.

— Терех, ты к нам на помощь приходи, у нас после переезда там новоселье будет. Отец сказал, что там телефон уже стоит, я тебе номер на бумажку запишу. А другие воскресенья так ведь воскресеньями и останутся!

— Да, Кать, только вечеров не будет! Смешно, но в этом сне так и говорилось, что вместе нам побыть не дадут. Какую-то бабу во сне видал, и, главное, плясала всю ночь, представляешь? Ну, счастливо тебе!

— И тебе тоже, Терех!

Ночью в комнате снова кружилась Марго. Катя засыпала, потом просыпалась, а она все танцевала, танцевала... Она стала возникать в зыбкой дорожке лунного света каждую ночь. Облокотившись головой на согнутую руку, Катя смотрела на нее и не понимала, как эта воздушная женщина помещалась раньше в старой пьющей Макаровне.

— Остановись, Марго! Мы уезжаем завтра отсюда! Навсегда!

— Потом, все потом, — смеялась Марго и снова уплывала от нее дивной вальсирующей походкой.

Днем Катя несколько раз пыталась повторить эти движения, ей даже снилось, что она танцует так же, как Маргарита, но то, что с такой легкостью давалось во сне, никак не получалось днем. Почему же их учили не танцам, а дурацким прыжкам ножницами через палку? Помрешь вдруг, и будешь до девятого дня ножницами скакать с барабаном! Катя перед сном часто смотрела на старое Маргаритино фото, она давно уже не встречала таких красивых особенных лиц. Такие лица могли быть только у женщин, которые никогда в жизни не маршировали с барабаном...

*Маргарита, Маргарита...
Шелк, струящийся волнами.
Словно танго «Рио-рита»
Проплыла ты между нами.
Затихает твоя песня,
Чистый звук без тени фальши.
День, когда мы были вместе,
Уплывает дальше, дальше...*

* * *

В воскресенье утром папа ушел за машиной, его не было очень долго. Мама и Катя заканчивали связку тюков, им помогали Танька и тетя Галя, потому что тетя Дуся со старшим Терехом поехала в деревню за продуктами. А на двух табуретах уже сидели новые жильцы, которые ждали от них ключи, чтобы

самим не врезать новые замки. Они следили, чтобы Савины не вывернули дверные ручки и оставили после снятых люстр патроны «папа-мама». С праздным любопытством они рассматривали чужой, вывернутый из шкафов и комодов, упаковываемый скарб. Терех тоже заглянул к ним в квартиру, увидев въезжающих вместо Катьки крохоборов, досадливо сплюнул. Наконец, подъехала машина, все стали ее загружать, наверху вещи принимали Кузька и Терех. Бобку поставили следить за новоселами, уже стянувшими двух фарфоровых слонов. Первым делом, чтобы не забыть, мама выдернула из-под них табуреты.

К новому дому, кроме Савиных, в машине отправились Терех, Кузька и Бобка. С собой захватили кошку покойницы Макаровны, которая теперь проживала бездомно у них в подъезде, отираясь на коврик у бывшей квартиры Савиных. В новую квартиру запустили впереди всех кошку, которая сразу же устроилась у кухонной батареи.

После того, как они разгрузились и отпустили машину, мама поставила чай, а папа сбегал в соседний гастроном за бисквитным тортом. Ребята сидели грустные, что-то безвозвратно уходило с переездом мелкой Катьки в эту современную, шумную часть города. Терех переживал больше за саму Катьку, он видел, что в рядах этих белых одинаковых пятиэтажных домов, у которых на торцах номера были написаны ровно и мелко, Катьке совершенно не за что зацепиться душой, что она здесь все время будет путаться и теряться. Она показала глазами ему на дверь, парни тут же засобирались домой. Катя пошла их провожать.

— Ты не переживай, Катька, я все как надо спрятал, в любой момент придешь и получишь свой чемодан. А если Макаровна ночью явится, так тоже — пусть пляшет, я аквариумы отодвину к стене — и на здоровье!

— Я знаю, я о другом... Письма к тете Гале приходят иногда, она раньше мне читала, а сейчас туда к вам не доедешь так просто. Ты приезжай сам, а то я тут совсем заскучаю. И, если тетя Галя разрешит, то привози иногда какое-нибудь Валеркино письмо почитать, а?

— Да без проблем, старуха!

— Ты, Терех, самый клевый чувак!

12. Дама трэф

Дама эта солидного возраста. У той цыганки, о которой я тебе рассказывала, эта карта наоборот ребенка означала незаконного. Да кто тогда законных-то рожал? Время такое тогда началось беззаконное. Без суда и следствия называется. Но вот при мирной жизни это вполне нормальная дама без особых вывихов. Некоторые, конечно, в пасьянсе в головах и сбоку по две карты кладут, но это неправильно. Надо в первом круге всегда по три карты класть. Иначе кворума не будет. Даже коммунисты ведь без кворума собраний не проводят. А тут такое надо установить... Так чо нам эта карта скажет? Вот ведь как она легла? Ага! Она точно приятельница дамы пик, трефы всегда приятельскую склонность в себе несут, и в тебе я эту склонность вижу, поэтому во взрослом пасьянсе ты, милая, точно трефой будешь. Вот-вот, с девяткой треф она означает, что к тебе эта дама со всем своим расположением будет. Не бойся ее. Но вообще-то — это карта предвестница дурных перемен в жизни. По-хорошему тебя предупреждают, заметь! Только когда ты добрых советов-то слушала, а?

* * *

До революции в их сравнительно небольшом городке было одиннадцать храмов, не считая многочисленных мелких церквушек и часовен. В тридцатые годы их крушили, взрывали, иконы вывозили в лес, сваливали в большие

живописные нагромождения, обливали керосином и сжигали. Некоторые церкви все-таки сохранили и приспособили в мирских целях. В одних, снеся колокольню, устраивали кинотеатры, в других — дома предварительного заключения. Колокольня там была очень кстати — готовая сторожевая вышка. Поминальную кладбищенскую часовню уже при Катьке превратили в пожарный пост, хотя дореволюционная пожарная вышка была тоже еще хоть куда. Но с началом комсомольского строительства в городе стало намного больше пьяных пожаров.

А ту церквушку — «Крестик», которую имела в виду Анастасия, переоборудовали в домовую кухню с торговлей спиртным на разлив. У круглых высоких столов там теперь все время стояли небритые дядьки и ждали одиннадцати часов, когда к пирожку с рисом можно было прикупить сто грамм водки. Часов у них не было, поэтому они внимательно прислушивались к орущему из подсобки радио. Когда пикало одиннадцать, они рвались к прилавку без очереди, расталкивая старух, с криками, что они тут давно занимали. Репутация из-за всего этого у заведения была еще та. Поэтому кухню и звали просто «Крестиком» или «У попа».

Рядом с этим Крестиком стоял красивый когда-то, густо населенный двухэтажный желтый дом. На втором этаже, очевидно, была раньше ампирная балюстрада, да и много еще чего было раньше. Все это нелепо проглядывало сквозь новейшие трубопроводные усовершенствования, набитые на окна фанерные посылочные ящики и заставляло с тоской думать о людях, которые здесь когда-то жили основательно налаженным бытом. Конечно, парадное крыльцо с коваными витыми вензелями было заколочено и замечено снегом. И, конечно, новые жильцы ходили с бывшего черного хода. А парадное — будто молчаливо ждало прежних законных владельцев...

Старухи, сидевшие на скамейке возле подъезда, подозрительно оглядывали девочку в пальто с цигейковым воротником, смотревшую с открытым ртом на лепнину над окнами второго этажа их дома.

— Здравствуйте! А в какой квартире тут бабка Анастасия проживает?

— А ты ей кем будешь?

— Знакомой.

— Соплива еще.

— Вот сейчас заору, она услышит меня, так и без вас найду!

— Ори сразу у семнадцатой квартиры на чердачном этаже. Привет передавай. Если приболела она, то из окна крикни чего надо. Она с нами поссорилась, второй день молчит.

— Дык вы, наверно, сами и виноваты! Сидите тут, всех прохожих задираете!
— Ты иди, милая, пока мы тебя костылями не пожаловали!

Катя забралась по шаткой лестнице к квартирке Анастасии на самую верхатуру. Это был когда-то роскошный мезонин. В бликах солнечного света, лившегося через полукруг загаженного итальянского окна, можно еще было различить немецкие обои с крупными выцветшими розами. Любил раньше купчина на Руси роскошный стиль бидермейер. Анастасия открыла дверь сразу же, будто ждала. Катя устало поздоровалась, разделась у старого деревянного поставца и прошла в небольшую светлую комнатку.

— Снилось мне, что ты придешь. Еще приснилось, что ты на новое место переехала, правда?

— Да.

— Ну, и как же тебе на новом месте приживается?

— Вот именно, что приживается! Пойду в булочную, а дорогу домой найти не могу, все дома одинаковые, деревьев даже нет, ни одной знакомой рожи...

— Да, строят нынче, не то, что раньше. По дешевке, как гроб березовый. И надолго ли эти ваши дома? Вот родят еще одного ребенка люди и уже в квартирке не помещаются. А мой папа вот этот дом строил сразу из расчета, что я замуж из своего дома пойду, а два брата мои жен сюда приведут, места на всех бы хватило. Сейчас тут двадцать семь квартир нагорожено! Все стены трубами исколочены, а дому еще сто лет ничего не будет!

— А чего вам-то одну комнатку только здесь дали?

— Им и этого жалко было, у меня тут четырнадцать метров, а по их подсчетам, мне только девять квадратов положено. Ладно, мы люди не гордые, скоро нам и гораздо меньшего хватит. Я чаек тут собрала, с утра пирожки для тебя пекла, сон мне был, что ты ко мне соберешься. Чай попей, я сахарок уберу, муравьев тут нищелроды эти развели. А пирожки оставлю в кастрюльке, ты не спеши, кушай!

Убрав чайную сервировку, Анастасия выложила перед Катей огромный кожаный альбом для фотографических открыток. Старые фото с узорчатыми краями на твердом картоне были совсем такие же, как и фотографии Магариты Макаровны. В основном, на них были запечатлены молодые Марго и Настя, красивая обстановка, как в фильмах про Тургенева, и разные, совершенно чуждые сегодняшнему времени девушки в длинных платьях. Они были так же нереальны, как и тургеневские барышни. Казалось, что Катя смотрела длинный красивый сон и заранее знала плохой его конец.

— Это нас с подружками кузен мой фотографировал, раньше это было великое искусство. Надо было учесть множество нюансов, как-то сложно высчитать расстояние и освещение, у него негативы были на стеклянных пластинках. Все это побилось потом, конечно. Теперь вот ни людей, ни негативов, одни чудные фото и память, но я уйду, и память моя уйдет вместе со мною. И, по-моему, у них с Марго начинался настоящий роман! Они тогда только стали смотреть друг на друга как-то по-особому, он приглашал нас на святки, вот его дом. В шестнадцатом году его, слава Богу, убили, и он никогда не узнал, во что превратила жизнь его Маргариту.

— Тут же больница теперь кожно-венерическая, у вас там что, и сифилиса не было?

— Может, и был. Но, знаешь, я в твои годы даже слова такого не знала. Да и какой тебе сифилис, если у нас тут семинария в городе была, резиденция владыки, а за городом — монастырь женский! У нас ни одного публичного дома не было! Все девки смирно при господах жили, на улицу-то выйти не смели! Сифилис! Гонорейки, правда, случались, врать не стану. Это, в основном, когда за границу человек по делам выезжал или на воды. Но доктор Резнов это тихо, по-домашнему излечивал. Даже повелось так, приедет кто из Москвы или Германии, сразу к доктору Резнову посылает, а потом к исповеди идет, на этом все венерические истории и заканчивались. Смирно жили, Бога боялись. Правда, скучным это все казалось, а вот посмотришь на фотки теперь и думаешь, что лучше бы так жизнь прожить... Ты лучше пирожок кушай, не расстраивайся. В Крестике тесто приличное ставят, а на весы много масла растительного льют. Я покупаю кило за два раза, а потом на масле, в аккурат, и экономлю. Только с алкашами долго толкаться приходится, на купольную роспись из-за них иногда перекреститься даже не успеваю, и слово может нехорошее вырваться, а там все-таки Николин храм был...

— Да-а, вы хоть с Марго малость пожили, вон платья какие!

— Какая же ты смешная, Катюша! Будто счастье в платьях и богатстве заключено. Я горюю об укладе жизненном. С таким трудом эту жизнь наши деды налаживали, а мы, только заелись чуть-чуть, так позволили ее порушить, не удержали. Вернется все это, попомни мое слово, вернется! Но с такими муками уже для вас, с таким трудом! И ведь никому не объяснишь заранее, что и хорошее и плохое в материальном плане никакого отношения к счастью не имеет.

— А Вы про счастье знаете, да? Вот скажите мне, счастье у меня будет?

— Будет, как у всякого бывает. Только эта штука в руках долго не держится. Да и стоит слишком дорого, главное, что не своим за нее платишь. Ну, что ты глазами хлопаешь? Ясно, что не поймешь!

— Я все равно хочу быть счастливой! А я буду такая же богатая, как вы были?

— Будешь, Катя, еще богаче будешь! Будут еще тебя денежки искушать, как же без этого! И никто из живых пальцем ткнуть не посмеет, осудить, все рабы головы пригнут. Я тут перед тобою картишки раскидывала — все сходится!

Катя ела пирожки, рассматривала открытки, а Анастасия что-то говорила свое, очень глупое. Про малиновые колесницы, ночи страсти греховной, про то, что Катя все время будет спешить, не дожидаясь настоящего зова сердца. А ведь вся премудрость в жизни и заключается в умении ждать... В дверь кто-то робко постучал, прервав бессвязный старухин монолог. Анастасия приоткрыла дверь и насупилась. На пороге стояла одна из давешних старушек.

— Настя! Ты нас прости, мы ведь по глупости, по простоте душевной! Два дня уже маемся!

— Простота — хуже воровства! Они, значит, чистенькие, а мы с Марго — грязные, от нас, значит, надо святой водой брызгать и круги мелом рисовать! Вы бы нас на кострах пожгли, только вот вам коммунисты, которым на все насрать, не дают! Как болячки заговаривать, так вы к Марго бежали, а теперь так вы от ее души неприкаянной отрещиваетесь! Ходит она, остановиться не может, потому как срок ей не вышел! Сколько лет ее знаю, поэтому точно скажу, что за кого-то она не свою очередь пошла! Свечи еще жгли на нее, как на ведьму, а какая Маргаритка — ведьма?

— Настя, не будем больше! Вот тебе крест, не будем! За грехи наши нам такое! Только очень уж больно глядеть на нее, а вчера она романсы по-французски пела всю ночь, потом долго говорила что-то, а я давно французский забыла. Какой нынче французский! У меня сосед — слесарь жилуправления, с ним только и говорить по-французски. Как-то надо Маргошу усмирить, мы, может, и не так что сделали, но ходить ей к нам — только души бередить, пустое дело!

— Да вы и при жизни все ее усмирить пытались! Смотри, сама, как помрешь, не шастай! Не будет она к вам больше ходить, скоро срок ее выйдет. Ладно, шушеры старые, вечером заходите на пирожки.

Старушка ушла, а Катя стала собираться домой.

— Пойду я, а то темнеет.

— Ты заходи иногда, мне так без Марго одиноко. На вот, на память ее последнюю предвоенную фотографию, здесь она еще похожа на Марго.

— И все-таки я понять не могу... — запинаясь, сказала Катя, разглядывая фото красивой женщины в потерявшей форму черной шляпке и мешковатом, не раз перелицованном пальто. — Нет, наверно, это все глупо...

— Так ведь и мы, Катерина, не от великого ума. Спрашивай, не стесняйся!

— Я не могу понять, как из Марго получилась Макаровна.

— Это, душа моя, надо жизнь прожить, да не легкую, а такую, чтобы ухватить ее суть. Но можно сказать и по-другому: надо без сожалений войти в любой женский возраст, который случится тебе встретить, и в каждое время, в котором тебе доведется жить. В жизни женщины так резко, без полутонов меняются возраста, а в нашей с Марго жизни таким поразительным контрастом отличались друг от друга времена! Чем в твоей жизни различались пятница и четверг? Да ничем особенным! А у нас...

— Ну, у меня с того времени, как Валеркин отец умер, меняться все стало...

— Это-то еще ничего! Но ты уже взобралась на качели, скоро начнется, поверь. И в этом полете надо успеть увидеть главное. Впрочем, от кого ты это слышишь? И кто, уходя из этого мира, может сказать: «Я теперь знаю главное, самую суть!» Немногие... Ладно, Кать, ты сразу на остановку выходи, да в трамвае, смотри, ни с кем не разговаривай! Не город стал с этим социалистическим строительством, а канава сточная! Всякой твари по паре, никакой благодати! До свидания!

Катя шла домой и, вспоминая Анастасию, все думала и думала, кого же она ей напоминает? Ну, точно! Тонкий профиль Анастасии был неуловимо похож на трэфовую даму из потрепанной колоды Макаровны! Ах, как это должно быть замечательно — родиться такой красивой! И лишь Марго все улыбалась со старого снимка грустной всезнающей улыбкой, будто говорила, что совершенно нет никакой разницы, с каким лицом отбывать свой пожизненный срок...

* * *

В новой школе Катя никак не могла приспособиться. Она теперь очень редко встречалась с Терехом, а других ребят из двора не встречала вообще. Терех советовал ей найти какую-нибудь подружку, но Катя совсем не знала о чем говорить с девочками из их класса, которые ходили в школу через ее двор. Они привыкли, что Катя молча идет за ними, не вмешиваясь в их веселое бездумное щебетание. Плохо, что она не знала этих девочек с первого класса, не понимала их разговорных намеков на те события, которые случились у них в классе задолго до того, как к ним пришла Катя. В прежней школе дети

относились к ней с подчеркнутой доброжелательностью, так как все знали, что она из одного подъезда с Терехом. Тогда Кате даже приходилось отвергать назойливо предлагаемую дружбу, и она еще не знала, что постороннее равнодушие куда неприятнее простодушной навязчивости.

Но дело еще осложнялось и тем, что события последнего года отдалили ее от беззаботных сверстниц. Странно, но даже призрачная Маргарита, которая не имела никакого отношения к ее старой няне Макаровне, и эта красивая даже в старости Анастасия — были гораздо ближе и понятнее Кате, чем веселые девочки с мышинными хвостиками на затылках. Наверно, дело заключалось в том, что девочки имели своих собственных бабушек, а она — нет. Они нормально, пришли в садик из дома или из ясель, а она — из-под стола, где так и этак прикидывала на картах судьбу на пару с дворовым хулиганом.

Она теперь особенно радовалась воскресеньям, потому что Терех приходил с билетами на четырнадцать десять, и они могли еще погулять перед кино и скушать по пирожному, на которые Кате теперь по воскресеньям давали сорок копеек.

В одно из воскресений Терех, по ее просьбе, с ворчанием принес саквояж. И Катя его тут же при нем открыла. Кроме хорошо знакомых альбомов фотографий, там оказался флакон, полный елеса и старая потрепанная колода карт. Дама трэф лежала сверху.

* * *

— Здравствуйте, тетя Анастасия!

— Заходи, я знала, что придешь, сон я видала. Пирожков вот тебе напекла. У нас в Крестике тесто приличное ставят и масла много на весы льют...

— Ага, я знаю.

— Ты про Маргаритку все узнать хочешь?

— Да. И про Вас, если можно.

— А как потом жить будешь?

— Не знаю... Как все живут.

— Это правильно.

— Я очень скучаю, и по Макаровне, и по Марго.

— А я всегда видала в Макаровне только Марго, красивую и вечно молодую.

— Она приходит к Вам?

— Нет, теперь уже нет, сороковой день ушел, теперь она напоследок в годину вернется, а там уж ей не до нас будет. Я тоже скоро к ней уйду и, слава Богу! Зажилась!

Катя кушала пирожки с капустой, тесто действительно было очень приличным, немного сладковатым и пушистым. Анастасия тут же за столом раскладывала на больших непонятных картах многоярусный пасьянс.

— Охо-хо-хо, значит и мне скоро в долгий путь. Ну, что же, долгая разлука — скорые проводы. Ладно, дева, слушай! Может быть, что-то и поймешь...

* * *

Перемены в нашей жизни случились, можно сказать, в один день. Страшные перемены. Вот прикинь их на себя! Были мы приятными всем барышнями, дочерьми уважаемых в городе нашем людей. И вдруг раз! Стали непонятно кем! Мы ведь даже в тюрьме сидели, да не в такой, как нынче! Нас там... Дурно с нами обошлись, одним словом. Потом приехал какой-то комиссар молодой. Выпустил нас с Марго, сказал, что это перегибы с нами случились, потому что мы за своих пап были как бы не ответчицы. Если бы он приехал на сутки позже, то нас бы уже расстреляли, как до этого расстреляли наших родителей. Мы в гимназии на французов все удивлялись, когда про ужасы их революции читали. Но чтобы такое могло произойти прямо перед нашим наследственным выпасом, в нашем родном городишке! В каком кошмаре это можно было вообразить?

Однажды ты узнаешь, что такое — потерять все, потерять свой мир, но ты — женщина и должна всегда, как брошенная кошка, приземлиться на все четыре лапы. Ты — земное существо, что в своих снах слушает шаги мужчины, что грезит наяву этим несбыточным счастьем... Ну, что же... Бог в помощь! По мне, так лучше сразу ощутить полное одиночество и покой, да разве ты мне поверишь? Не верь! Живи надеждой, девочка! И без сожаления иди навстречу к тому, кто позовет тебя трижды...

Был у меня когда-то дядя непутевый, мамин брат. Он в столице проживал вместе с двумя девушками стриженными. Знаешь, в семье не без уроды. И как-то появляется он в нашем доме еще до переворота, в сочельник,- в длинной рубахе без ремешка с бантом у ворота. Пьяный, конечно. А профиль у него такой тонкий, как у Мефистофеля... Не знаешь, кто такой? Вот и хорошо, что не знаешь пока. Потом узнаешь, непременно. И в тот приезд папенька его как всегда быстро выставил, дав денег по маминой просьбе, он успел подарить мне книжку «Саломея» с иллюстрациями Обри Бердслея. Знаешь, будто в душу мне тогда проник сладкий яд... Я тогда, плаваясь свечой, вдруг почувствовала себя всю-всю... Я поняла, что на самом деле я такая же, что я даже хочу вот

так же, обнаженной... у семи свечей, сбрасывая с себя семь тонких прозрачных покрывала... Ох, Господи прости, грех-то какой! Папа сжег эту книжку, а меня за косы волоком тогда на исповедь отвел. И самое страшное, что исповедываться мне было еще не в чем, а душа уже насквозь была пропитана грехом... Я даже не могла сказать батюшке ни одной греховной мысли! Никаких мыслей греховных, вот тебе крест, не было! У меня тогда поменялся только *образ мыслей, способ рассуждать.*

Но ни в чем это внешне, конечно, не проявлялось. Попробуй раньше чего прояви! Да даже мои кудри маслом конопляным пропитывали, перед тем, как в косу затянуть, чтобы голова была ровной, без греховных кудряшек. Благолепия придерживались. Я тоже старалась, поверь! Но сам русский модерн — стиль, возникший тогда, шептал мне в душу иное. Папаша даже не понимал, что, покупая, к примеру, понравившийся шифоньер с деревянной лепниной, он подталкивал меня к чему-то, от чего я старалась удержаться изо всех сил. А какая мода дамская появилась вдруг! И нам с Марго пошили дамские платья из шелка, греховно ласкавшего кожу...

Вышли мы из тюрьмы с Марго совершенно в другую жизнь. Что-то вокруг нас тогда стало твориться трудно объяснимое, к чему мы были совершенно не подготовлены. У покойного папы Марго был маленький летний домик в вишневом саду на окраине города, только на него и не позарились новые начальники. А вот особняк моего папы пережил много разного. Но из этой маленькой комнатки, бывшей каморки моей няни, меня почему-то не гнали. И

нас даже на работу поначалу приняли телефонистками, потому что в тюрьме наши насильники выдали нам справку о перегибах.

Начальником на коммутаторе был у нас совсем молодой человек. Тонкий профиль, ломкие руки, такие сильные в любви! И еще год назад меня бы никто не смог убедить в том, что я стану без брака жить с мужчиной на третий день знакомства.

Но, может быть, я знала его давным-давно, может, именно его я ждала каждую ночь своей юности, звала в своих снах и свернула бы горы, чтобы приблизить нашу встречу. Нет, я бы не смогла выйти замуж за красивого юношу из порядочной семьи, жившей по соседству с нами, хотя с самого детства нас называли женихом и невестой. В тебе я тоже вижу эту слепую силу, способную изменить, изувечить все в размеренной обыденной жизни ради тихого зова, в котором ты надеешься угадать любовь.

Мир отторг нас, он признал нас не просто чужими, все мы по-своему чужие здесь, он назвал нас чужими потому, что у нас были родители, и была прекрасная жизнь до него. И этому миру было все равно, что каждую ночь я отдавалась ему душой и телом, предавая всю свою прошлую жизнь и оскверняя память моих дорогих близких.

... Он был членом партии, и в минуты любви мне даже казалось, что я навсегда приняла этот страшный жизненный поворот, что ради моей любви и происходил этот кошмар вокруг, что только моя любовь служит всему этому оправданием.

Потом и к нам на телеграф пришел приказ о чистке социально чуждых элементов. Я была на пятом месяце беременности, когда мой любимый при всех сказал, что нас с Марго надо гнать поганой метлой, и еще он нас назвал «пережитками». А Марго сказала ему: «Да, мы пережитки! Но только потому, что переживем всех вас!»

Мы ушли в слезах. Я была сердита на Марго, поскольку полагала, что мы совершенно беззащитны перед этими людьми, поэтому нам негоже себя лишней раз распалать, а надо лишь быть готовыми к своей участи. А вот Марго...

Она, видишь ли, большей частью воспитывалась у тетушки в деревне. Представь себе, вот эти Тереховы, что в вашем бывшем доме живут, были их ближайшими сродственниками. И до всех этих социалистических переворотов были они людьми основательными и порядочными. Папаша Марго был ведь из самых простых, но очень работающих людей. Вон, какой домина для

Первомайского исполкома за свой счет выстроил! А из деревни он ушел потому, что третьим сыном был в семействе, ему из самых благородных разумных побуждений хозяйство дробить не хотелось... Сколько потом все их родственники крови пролили за это огромное налаженное хозяйство...

И, оказывается, Марго моя узнала от тетушки много такого, чего благовоспитанной барышне знать никак не положено. А я-то так после «Саломеи» страдала! Чувствовала такой себя духовно грязной перед Марго, не зная, что она хранит за своими смеющимися глазками!

После того, как нас выгнали с телеграфа, домой я не пошла. Я боялась возвращаться в свою комнату, где были все мои оставшиеся вещи, а наша подружка с коммутатора тайком сказала мне, что мой прежний возлюбленный привел туда, прямо в комнату моей няни, другую женщину. Марго взяла меня к себе жить, хотя это было крайне неразумно. Вместе нас было удобнее взять обратно в тюрьму. Я пережидала с ней время в ее домике в вишневом саду, жить нам было совсем не на что, и каждую ночь мы ждали громкого стука в дверь. Ты даже не представляешь, как это страшно следить за тем, как садится солнце и сгущаются сумерки... Почему, почему они всегда приходили ночью? Утром с облегчением понимаешь, что и этот день тебе доведется прожить до самых сумерек. Но ночь всегда приходила в свой срок, а с нею раздавался где-то на улице громкий стук, и, слушая чужой плач и бессвязную речь, я ужасалась своей радости, что на этот раз пришли не за мной.

А Марго собирала лягушек и пауков, накупив церковных свечек, копала и сушила коренья, она готовилась на свой лад дать бой этому новому миру. И вот однажды ночью она с радостно блестящими глазами сказала мне, что она всех их обязательно победит, прямо сейчас!

И началась вокруг нас кровавая карусель! О, только тогда, оказывается, началось самое страшное! Мы пережили с ней ужасные, нелепые в своем кошмаре времена. Только полное разочарование в этой новой жизни уберегло нас от множества простых человеческих ошибок, совершаемых людьми под влиянием вечной, неистребимой надежды о счастье. У нас же этой надежды уже не было. Что заставляло нас жить? Только глубокая вера, внушенная нам в детстве, что мы должны идти своей дорогой до самого конца. Разумная вера. Рядом теряли веру сотни людей, и лишь наша вера осталась непоколебимой. Мимо нас неслись кровавые колесницы слепых героев с красными звездами, они смеялись, глядя на нас, а мы уже видели на их левом плече костлявую цепкую руку.

Людей тогда охватывало новое неизведанное чувство собственной незначимой ничтожности. Их души уже не стремились слиться в общую соборность, их охватывало общее нетерпеливое чувство близкого конца, желания немедленной жертвенной смерти ради высокого идейного смысла существования для других. Так на закате всех языческих религий, имевших в основе мысль об убогости и несовершенстве человеческой природы, среди людей, покоренных этими верованиями, прокатывалась волна кровавых самопожертвований.

Утром мы, казалось бы, случайно оказались у коммутатора, откуда выводили моего бледного героя и его новую жену. Что-то не то и не так они там сделали, наверно. В тот же день меня приняли назад на работу, а уже вечером я вернулась к себе в комнату. Правда, моих вещей там уже не было, кроме этого альбома. Смешно, но мой безродный герой показывал его всем, как свой собственный. Он действительно был немножко похож на моего брата. Скажи, зачем красному командиру, большевику вдруг рассказывать сказки таким же нищтрепам про то, что ты — «из бывших»? Плебейство какое. Вот только благодаря тому, что отдалась плебею, у меня остался этот альбом.

Мебель-то раньше здесь в комнатке скромная стояла, няня моя была женщиной глубоко верующей, роскоши и излишеств не терпела. Папенька сколько раз ей предлагал обстановку поменять, трюмо поставить, а она наотрез отказывалась. Раньше эта комнатка самой нищей была, поэтому меня сюда и впустили. А теперь вот, видишь, что кругом? Вот этот ореховый комод — управляющего банком, а трюмо-Помпадур, говорят, стояло раньше в прихожей известной в нашем городе девицы, секретер этот владыке нашему принадлежал... С миру по нитке! А гардины у меня парчовые — это же бывшие занавеси царских врат из Крестика, пожертвованные храму купцом третьей гильдии Семяшкиным. Прости, Господи, душу грешную! И вот никогда раньше не было в нашем доме и этого пейзажа живописца Шишкина. Откуда мой любимый его приволок? Кого он пустил в расход перед этим?

Смешно, но я действительно пережила всех, кто участвовал в том собрании. Кто-то погиб на войне, кто-то раньше, а кое-кто позже... А я, ты знаешь, проработала на телеграфе до самой пенсии! Вот только мой сын... Бесплодные отношения, грустная любовь, голодное настоящее, что могут породить они? Слабый отблеск моей страсти, потухший при первом же дуновении холодного ветра... Мой сын умер совсем крошечным от испанки, а с ним, кажется, умерла и я...

И лишь Марго больше не стала устраиваться ни на какую работу. У нее после змеек и пауков совершенно поменялись принципы и вкусы. Может, это произошло несколько раньше, только я не заметила? Не знаю. К ней в ее домик протоптали дорожку одинокие женщины, отчаявшиеся души, любопытные, словом, все жаждущие узнать и по возможности несколько изменить свою судьбу. Потом ей, как я помню, и это надоело. Или, может быть, у нее опять поменялись вкусы? Весь наш полоумный городишко ахнул, узнав, что Марго взяла на вокзале к себе жить старуху с орущей грудной внучкой. А я-то как расстроилась, узнав в нищенке Ларочку Миловидову... И совсем не то получилось у Маргаритки с этой Леночкой, дочкой покойной Ларочки. Плебейская кровь, как ее не разбавляй...

Да и сама Марго как удила закусил! Ничего ведь не боялась! Решила, что сама теперь, как нас прежде, может казнить и миловать! Хотя это ведь с ней случилось, наверно, из-за материализма этого... как его... коммунистического, что ли?

Мир сложнее всякого материализма! Всего, до чего только может додуматься человек! А Маргоша этот материализм как оправдание использовала. Видишь, говорит, я вот иголкой сюда тычу, но ведь не в человека же, а в бумажку. Просто фантазирую, что в него попадает. А если его в это время скорая увозит, так при чем же тут я? Нет на нас коммунистических законов, говорит, и быть не может! А то, что на каждую ведьму закон Божий предусмотрен, так это мимо дум! Как мне душу-то ее отмолить? Успею ли?

Вот, Катюша, и вся наша история... Интересно, какой будет твоя история? Ведь скоро она начнется, твоя история... Мне этого уже не узнать.

* * *

Катя не могла ни переварить, ни понять всего услышанного в тот вечер от Анастасии. Спала она в ту ночь совсем плохо. До утра она видела старух из желтого дома, носившихся по комнате с красным знаменем, с которого сочилась кровь. Они радостно кричали на мотив известного армейского марша странные слова:

*Мы проклятые ведьмы, и про нас
Былинники речистые сложили сказ!
Не прикасайся к пламени
И не зови — обманем мы,
И каждый вздох в тумане, он о нас!*

13. Трефовый валет

Вот как падает первым трефовый валет — гадание верное. Означает, что знакомые твои могут оказаться военными. Ну, такими военными... Ниже офицерского чина. Приятеля означает, друга, заступника. А другой валет появится, значит будущее станет беспокойным и безрадостным. Хлопоты одни. С пиками — никто тебе не поможет, нет заступника при пиках. Отступничество одно. Да, при пиках и трефы не в масть.

* * *

День шел за днем. А поскольку времена не менялись, то и различия в этих днях Катя не различала. Она ходила в школу, к которой постепенно притерпелась, а еще она посещала музыкальную школу и кружок иностранного языка. Она чувствовала, что многое упускает из того, чему когда-то учили девушек в их городе в Первомайском исполкоме. Поэтому она усердно разучивала вальсы, польки, гавоты и отрабатывала произношение английских и немецких слов. Черда дней сливалась в сплошную шелковую бахрому, и Кате иногда казалось, что она не живет, а только все так же наблюдает из-под стола за жизнью, не понимая ее сути до конца, потому что видит не лица, а лишь заношенные стоптанные башмаки. Время тикало и тикало внутри старенького будильника. К Крестику Катя больше ни разу не ходила, не довелось. Ночью, спустя неделю после ее последнего похода, появилась Анастасия и сдержанно

попрощалась навсегда. И когда оборвалась эта последняя ниточка, время ускорило свой ход, дни слились в неразличимые недели и ничем не примечательные четверти, и года полетели как птицы. Вот только вчера пошла она в пятый класс, но оглянуться не успела, как оказалась в восьмом.

Терех приходил теперь совсем редко, как-то он сквозь зубы сказал, что близнецы поступили в суворовское училище и уехали из дому, чтобы маме было легче их поднимать. Катя расстроилась и долго плакала, потому что он даже не позвал ее на проводы. Но Терех сказал, что проводов не было, у тети Гали денег в обрез хватило сразу двум на билеты. Он почему-то перестал ей смотреть в глаза, в кино уже не звал, но частенько звонил по телефону, ничего не говоря, и только дышал в трубку. Катя знала, что это звонит он, потому что никому больше свой номер не давала. Да ее об этом, в общем-то, никто и не просил.

В один из таких серых зимних дней, Катя, как всегда одна, медленно возвращалась из школы по замеченным снегом дворам. Шла себе, шла и глазела на просвечивающие уже звезды и катившийся следом бледный рожок месяца. Печаль почему-то щемила сердце, а душу — слезливая девичья грусть непонятно о чем. Заходить в дом совсем не хотелось, да больше и идти-то было некуда.

В подъезде было опять накурено. Поднимаясь по лестнице к двери своей квартиры, она услышала с площадки этажом выше, у почтовых ящиков, висевших на стене, тихий голос, позвавший ее: «Катя! Катенька! Поднимись сюда!». Через перила к ней перегнулся худой мужчина с запавшими скулами, затравленным взглядом и совсем седой головой, в нем Катя с трудом узнала мальчика, которого не видела шесть лет. Бросив портфель у двери, она, перепрыгивая через ступеньки, побежала к своему товарищу детства, он стоял перед нею в пальто с каракулевым воротником, побитом молью. На это пальто его мама сбилась перед тем самым страшным вечером, когда его забрали на долгие-долгие годы.

— Валерка! Валерка, милый! Тебя когда выпустили?

— Я месяц уже в городе. Не хотел к тебе приходиться в таком виде. Знаешь, ты единственная меня узнала... Никто даже разговаривать не хочет, на работу не берут, прописаться у матери не могу. Вышлют меня, наверно, за тунеядство, — выпалил он, срываясь, сквозь истерическое рыдание.

— А Терех? Он что, тоже не узнал?

— Да причем тут Терех-то, как Терех-то не узнает? Но чем он может помочь? Его самого-то от детской комнаты на работу пристроили. В армию его заберут весной.

— Нет, осенью. У него день рождения в сентябре.

— А ты откуда знаешь?

— Я же к нему каждый год хожу, он за неделю зовет. Таньке, правда, не нравится. Она все на меня шипит: «Сопля, липучка!».

— Сама-то!

Валерий сел на ступеньки, закурил еще одну папиросу.

— Валер, ты есть хочешь? Не бойся, у меня дома никого нет! Ты как адрес-то наш узнал?

— У матери. Твои ей все это время помогали, окна она у вас мыла, помнишь? Я к тебе лучше не пойду, вдруг родители твои придут. Меня сейчас никуда не пускают. К Бобке пришел, у него семья уже, одной дуре из общаги ребенка сделал, так он меня даже в коридор не пустил.

— Пойдем-пойдем! А то соседки подслушают, еще хуже будет! Ты приходи вот так же днем, никого, кроме меня, дома и не будет. А я — не Бобка, в коридоре держать не буду. У нас борщ наварен, пожрем сейчас, пошли, Валет!

Валерий с жадностью ел вторую тарелку жирного наваристого борща. Катя сидела напротив, жалостно подперев рукой щеку.

— Ты школу-то хоть закончил?

— Не-а, меня из колонии в лагерь быстро турнули, не успел. Да и числилось за мной в колонии слишком много.

— Терех и то сейчас вечернюю школу заканчивает. Но после этой комнаты милиции ему одна дорога — в армию. Из-за Таньки туда на учет попал, две драки в школе с ее ухажерами учинил. Как тебя забрали в тюрьму, он какой-то стал вспыльчивый, рассеянный. Чуть что не так — сразу в морду! На дневное отделение тебя никуда не возьмут, там анкеты строгие, даже, если пройдешь, потом вышибут.

— А на вечернее или заочное тоже не примут, меня ведь на работу не берут. Вот если бы...

— Да, я все понимаю, о чем ты, Валет! Я сама об этом думаю. Я, конечно, попробую. Деньги твоей матери кто из моих носил?

— Мама твоя, она и окна мыть за деньги приглашала. Но, конечно, вечером ходила, чтобы никто не видал.

— Ну, тогда еще можно попробовать. А то у меня папик без верховного указа пальцем не пошевелит. Не боись, пробьемся! Жри давай, я тебе чаю налью.

- Мне бы хоть какой-то техникум закончить, мне так, Катюха, не подняться!
- Ты только мне пообещай...
- Ничего никому я нынче не обещаю! Но я постараюсь удержаться и думаю, что с этим у меня — концы! Больше я в тюрьму не хочу.
- Валерка, Валерка-а! Что же вы наделали тогда...
- Лучше молчи об этом, Кать... Я тебя с трудом узнал! Надо было очень, вот и узнал. А так, как тебя узнаешь? Ты ведь тогда совсем соплюшкой была... Знаешь, из нашей команды ты единственная оказалась мужиком!
- Ладно, Валет, иди! Ты мне пару дней дай на разгон, а потом — позвони.
- Нет уж, я лучше приду! А то ты по телефону попросишь еще через денек перезвонить...
- Да не бойсь ты! Что ты меня не знаешь?
- Я, Катя, оказывается, никого не знал раньше! И осталась у меня единственная надежда на Катьку-соплю, если я и эту надежду потеряю, я, Катя, жить с вами не останусь! Ну, вас всех на хрен! — выговорил Валерий с рыданием, давясь булкой.
- Ну, ты, Валет, даешь! Ты не каркай раньше, а то все сглазишь! Иди, давай! Мне надо все обмозговать, да еще случай выждать. Ждать и догонять — это, конечно, самое последнее занятие, но тебе, Валера сейчас это и придется делать. Так что наберись терпения, я не продам.

Валерий прекрасно понимал, что в такой ситуации бывшему тюремщику в их сравнительно небольшом городе мог помочь только Катин отец, который стал уже начальником цеха. Как-то надо было обустроить свою жизнь, тянуть младших, которым надо было что-то и в казарму из харчей послать. А ведь ему уже стукнуло двадцать два... Если бы только его приняли на работу! Там бы уже можно было подумать обо всем остальном. Только бы Катька сдержала слово!

И Катя его сдержала. Какой уж там случай ей представился, но уже тем же вечером к Кондратьевым в дверь постучалась ее мама.

- Здравствуй, Галина!
- Здравствуйте, Валентина Петровна!
- Ты что же мне не сказала, что у тебя старший вернулся?
- Да как-то так все...
- Где он?
- Да в спальне... Лер! Выйди-ка сюда! Катина мама зашла!

Из большой темной комнаты, превращенной стараниями Галины еще в одну спальню, вышел заспанный помятый Валерий. Он был в старой отцовской майке и спортивных штанах с вытянутыми коленками. Наколок на нем не было.

— Здрасьте!

— Тебе, Валерий, паспорт-то дали?

— Нет, без устройства на работу не дают. Прописки у меня нет, Валентина Петровна, без прописки на работу не берут, а без работы у матери не прописывают.

— Известное дело, сказка про белого бычка. Ты оденься, проводи меня по темени, а то, не ровен час, шарахнет какой-нибудь такой же варнак.

— Ладно, я сейчас.

Когда Валерий вышел из комнаты, Катина мама украдкой сунула четвертную Галине: «Отдашь, когда сможешь! Бери-бери, тебе сейчас этого лба чем-то кормить надо!»

Они шли по темному переулку, с которым у Валентины Петровны было связано столько всего разного, в этом доме столько пережито, передумано. Вот окна их бывшей квартиры, там и Катька родилась. Господи, что с этой Катькой делать?

— Ты, Валерий, завтра в отдел кадров в заводоуправление иди, мы с Василием посоветовались, он решил тебя на работу взять. В бригаду передовую пойдешь, вкалывать будешь, как бедный йорик.

— А кто такой — йорик?

— А я откуда знаю? Говорят так. Потом они там как-то поручаться за тебя, и ты паспорт получишь. Если ты эту круговерть не пройдешь, сорвешься там, напьешься, то и будет тебе — век свободы не видать!

— Спасибо, Валентина Петровна! Я не сорвусь!

— И вот что еще. К Катке больше клинья не подбивай! Не порти девке жизнь! У нее совсем другое будет, не твоего она поля ягодка. Не забывай, кто ты есть!

— Да помню я все, Валентина Петровна! Катя ведь не моей ягодкой стала еще до тюрьмы, как отец умер. Мы тогда перестали к вам в гости ходить, а как мать ушла с вашего участка бутылки мыть на пивзавод, так она Галей стала, а Вы — Валентиной Петровной! А ведь она Вас на пять лет старше! Вы не обижайтесь, это я об том, что нас с Катей давно жизнь развела, я Вам за все очень обязан. Не на Вас я, на жизнь в обиде!

— Валера, я очень прошу тебя, не тронь ты Катку! Может, я, что не то говорю, но я тебя за Катю со свету сживу!

— Да что Вы так? Я же ничего такого не делал, просто встретились случайно...

— Да не ври ты! Что я, Катку или тебя не знаю?

— А помните, Валентина Петровна, Вы выкатили колясочку в наш двор, Вам на почту идти было с коляской не с руки. Вы меня позвали и сказали: «Покатай, Валерик, там невеста твоя спит!».

— Да это когда было-то, ну, сказала в шутку!

— Это было летом, мне было тогда шесть лет, и отец мой был живой, они с Вашим мужем были мастерами, дружили. Но я Вам обещаю, ничего с Каткой плохого не будет, я обещаю.

— Ой, смотри мне, — и Катина мама сунула маленький кулак Валерию под нос.

Обратно Валерий возвращался пружинистым, бодрым шагом. Вот, молодец Катка! Тут же родителей своих настропалила! Он даже не мог мечтать, что все в его жизни так быстро перевернется. Работать он умеет, а там он сам определит, где и чья ягодка.

Но потом он остановился у фонарного столба, и рыдания мелкой дрожью сотрясли его плечи. Он сердился на себя, но ничего не мог поделать. После тюрьмы, на воле, он иногда не мог совладать со своими совсем расшалившимися нервами. С этими походами по старым знакомым, по

объявлениям «Требуется...» и в паспортный стол он совершенно дошел до ручки. Сегодняшний визит к Катьке совсем его доконал. Стыд и горечь мучили его. Хотя все прошло так, как он и рассчитал. Катькин отец примет его на работу. Терех давно советовал ему пойти к ней, но что-то все удерживало его, может быть остатки гордости, не выбитые в тюрьме вместе с зубами?

Он вспомнил сегодняшнюю Катьку. Какой же красавицей она стала! И все та же: «Валерка, милый!». Глаза сияли, смеялась все также и, если бы он только поманил пальцем, кинулась бы ему на шею. Как же ему теперь заставить себя отказаться от нее? Если он еще раз сунется к Катерине, то на будущем можно поставить жирный крест. Да, ладно, ничего в ней и не было такого, чего не было бы у других. Все в норме, он поднимется, он еще такую бабу себе найдет, не чета этой Катьке! Ах, не его она поля ягода! Она еще пожалеет, в ногах валяться будет. А у него других ягодок будет полный кузовок!

* * *

Радость ожидания стала уступать горечи, отчаянию. На третью неделю бесполезного ожидания Катя поняла, что Валера к ней больше не придет. Она перестала кидаться каждый раз к телефону, на каждый звонок в дверь. В сердце возникла пустота, которую нельзя было заполнить ни чем, кроме Валерки. Хуже всего, что после того прихода Валеры сразу же перестал приходить и даже звонить Терех. И Катя осталась совсем одна. Никто ничем ей не мог помочь, она даже карты в руки не брала. Какой смысл знать свою судьбу заранее? И надо было еще ходить в школу, следить, как за огромными окнами класса проходит жизнь: утро сменяется блеклым днем с трамвайными звонками и автомобильными гудками, потом день угасает, зажигаются фонари и неоновые вывески ядовитых, как маринованные жуки, цветов.

14. С песней по жизни

С приходом Валерки из тюрьмы жизнь в семье Тереховых несколько оживилась. Возобновились вечерние посиделки, правда, Валерий приходил на них измотанный, усталый. Подтянулись и Кузька с Бобкой-женатиком. Спрос с них и раньше был никакой, все уже повзрослели, поэтому их просто приняли обратно, Терех даже не стал бить Бобика за Валета. Ничего крепче пива они не пили, они там все под гитару пели и резались в карты. Валет здорово научился играть на гитаре на пересылках, не говоря уж о картах. Однажды он, под гитарный перебор и унылую песню об окурочке с красной помадой заговорил с Терехом о будущем.

— Слушай, Терех, у тебя ведь Танька в техникуме секретаршей работает... Может она поговорит с преподавателями, чтобы меня туда взяли, а?

— Нет, она сама-то поступить не может, там директор дурной, он даже преподавательницу одну за кураторство выгнал.

— Терех, мне этот год терять нельзя! Мне надо непременно этот набор не упустить.

— Хочешь честно, Валет? Без Катьки тебе туда не поступить. Она единственная из нас головой варит. Там все письменно сдавать надо. Танька в приемной комиссии сидит, она скажет, в какой аудитории сдача, мы бы туда Катьку с ночи подсадили. Подумаешь, две ночи дома не поспит!

— Да я у Катьки после того раза-то и не был! Откуда я знаю, что у нее на уме? А потом ведь она еще школу не кончила, может она и не знает, чего в техникуме спрашивают.

— Знать-то она должна, там ведь экзамены за восьмой класс, а она — в девятом, но вот то, что ты у нее не был с тех пор ни разу, это уже сложнее. Я-то думал, что у вас все ладом, сейчас и не угадаешь... Ладно, сам схожу, выясню.

— Я бы и сам попробовал все повторить, выучить, не дурак же я, в самом деле, но после того, как наши йорики решили по дополнительной машине бетона принимать в счет помощи молодой кубинской революции, я только до дома доползаю. Меня вчера в трамвае чуть не оштрафовали, я руки из карманов сам достать не мог, а проездной в кармане лежал. Даже в лагере так не вкалывал!

А срываться нельзя, иначе характеристику не дадут. К Катьке я идти не могу, я ее матери обещал.

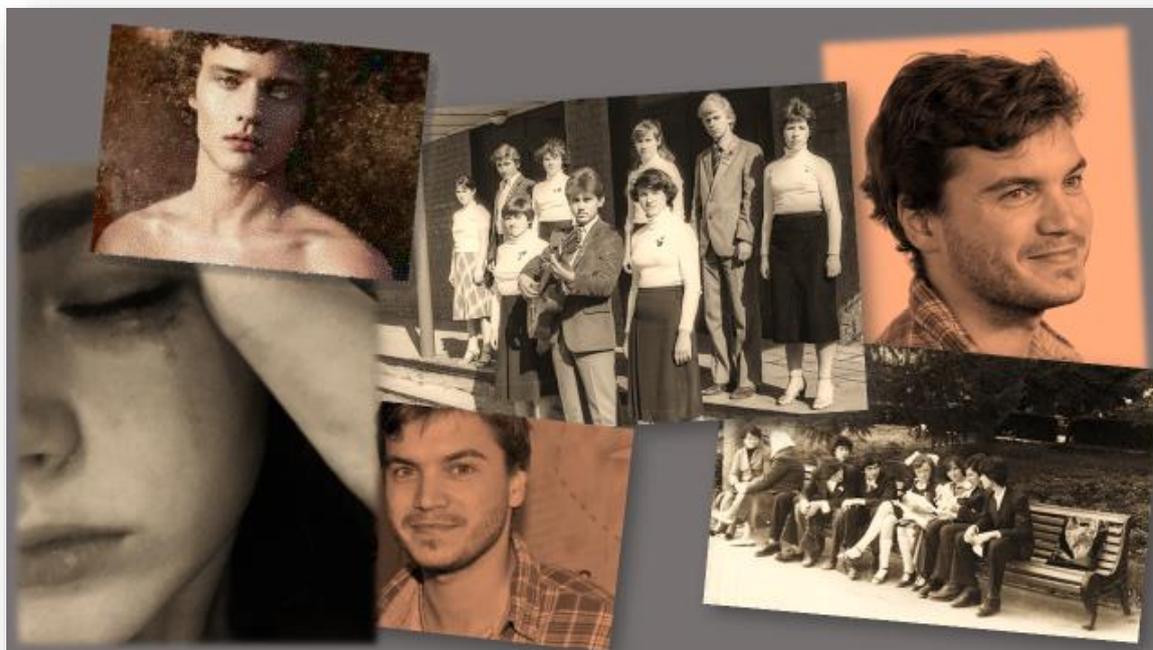
— Ну, не знаю даже... Послать Катька теперь нас может запросто. И я еще не звонил, думал, что вдруг вам помешаю. Ну, ты, между нами, тоже того... Да кончай ты тренькать! Ни спасибо, ни насрать! Вот как теперь к ней соваться? Хотя девка она сознательная, должна понять стремление тюремной молодежи к образованию.

— На скамье подсуди-и-мых... — завопил Валет порядком надоевшую песню про всем известную прокурорскую дочку.

— Заткнись! — резко оборвал его Терех.

— Знаешь, Терех, вообще-то и мать ее, конечно, ни при чем. Надоело мне это все. С Катькой я должен о чем-то жалеть, что-то помнить, каяться, а я не хочу. Пусть будет другая жизнь, все другое! А бегать за Катькой-соплей и слушать то, что ее мама скажет — ну их! Все, проехали! Мне выучиться надо, не стоять же оставшуюся жизнь на лопате. А Катька не взрослеет, все такая же. Да не смотри ты на меня так! Бедный я мальчоночка, да в красной рубашончке, хорошенький такой! Понадобится, так пальцем поманем — и побежит!

— Ага, побежит, но только в другую сторону!

Терех стоял у старого клена, который рос как раз напротив выхода их Катькиной школы с надписью «Агитпункт». Тополя уже распустили свои клейкие пахучие листочки, а с клена на Тереха сыпалась какая-то липкая

ботаническая пакость. Уроки закончились, народ повалил по домам, медленно вышла и Катька. Когда Терех увидел ее скорбное, равнодушное ко всему, кроме какой-то внутренней мысли, личико, ему опять захотелось вмазать Валету промеж глаз. Он решил ни о чем не говорить с ней, пусть этот гад-мальчоночка сам с ней поразбирается. Но когда она таким знакомым движением откинула назад каштановые волосы, поправила светлый берет, он тут же закричал: «Кать! Катька! Поди сюда!».

— Здорово, Терех! Что надо?

— Тебе Валет привет передает.

— Нужны мне его приветы! Пусть свои приветы куда надо засунет. И сам иди отсюда!

— Кать, тут ведь дело-то вот какое. Нам твой совет нужен. А мама твоя с Валета слово взяла, что он к тебе больше не придет, если его с работы турнут, он куда пойдет? У него и так вся жизнь поломатая...

— Ага! Сейчас я зарыдаю, жди! Пошли вы все со своими жизнями поломатыми туда, где вам всем место! Я, что ли, вам жизнь ломала? Как водку с Кроликом пить, так этот у меня советов не спрашивал!

— Ты вспомни, сколь тебе лет-то тогда было, советчица! А сейчас вот действительно нам с Валетом позарез нужен твой совет, ты же такая умная, Катерина! Ну, помоги ты, ведь старается человек, не пьет, вкалывает, как твоя мама ему прописала.

— Что надо-то?

— В техникум его надо заочный пропихнуть, где Танька моя работает. Там два экзамена — сочинение и математика, все письменно. Мы тебя с ночи туда подсадим, там столы ярусами, тебя сразу не найдут, ты бы Валету все написала и выползла тихонько.

— У Таньки такие случаи уже были?

— Нет, это мы сами придумали.

— Не пойдет. Если письменный экзамен, то будут ходить по рядам, меня обнаружат под столом скорее всего, и вышибут вместе с Валетом. За стол я сесть не смогу, там по головам всех считают, мне ребята рассказывали.

— Я что-то не думал об этом так, мне казалось, что нам только тебя в аудиторию надо подсадить.

— Нет, так мы Валерку точно завалим. Знаешь, я после восьмого класса в училище педагогическое хотела идти, мне свидетельство и характеристику на руки выдали. Вот если вы шапку в характеристике исправите с педагогического училища на этот ваш техникум, а мне удастся у отцовской

секретарши справку о том, что я техничкой у них работаю выпросить, то я могла бы как бы вместе с ним поступать. Первый экзамен мы бы прошли, а второй бы я завалила. А кто узнает, куда я днем-то в каникулы хожу? Матери я скажу, что в школе отрабатываю. А вот если я ночку вне дома проведу, да еще меня в техникуме с Валетом поймают, то придется Валерке лыжи из города вострить. Моя мать тогда ему пропишет хрен с редькой!

— Слушай, Катя! Я, конечно, приплел тут про твои советы, может, краски сгустил, но ты — действительно, голова! Танька вроде взрослая, а совсем башкой не варит. Если бы мы так пошли, то точно бы всех завалили! Спасибо, Катя! А характеристику твою мы мигом выправим, я таких мастеров знаю! Ты-то как живешь?

— Никак.

— Ну, не грусти, Катерина, наплюй на нас! Мы, блин, мальчоночки в рубашоночках, нас только могилка исправит!

* * *

Валерий пришел в день экзаменов чисто выбритый, в отглаженном отцовском костюме. Тюремная пыль за то время, пока она его не видела, уже повыветрилась. Из-за короткой стрижки седина была почти не видна, да и выбитый передний зуб он умудрился уже вставить. Так что выглядел Валет почти роскошно. Катя пробилась к нему сквозь толпу абитуриентов и сухо поздоровалась. Танька оформила их документы по идущим друг за другом номерам, поэтому в аудиторию они вошли вместе и сели рядом. Получив задание, Валет беспомощно посмотрел на Катю, экзаменатор хищно высматривал малейшее шевеление, а еще одна баба шастала у них за спинами по рядам. То, что предлагали раньше Терех с Танькой, было действительно невозможно даже теоретически. Катя проинструктировала Валета перед экзаменом, и он сосредоточенно что-то писал в черновике. Быстро решив свои примеры, Катя ловко заменила их задания. Преподаватели уже стали уставать, терять бдительность, кроме того, некоторые уникамы пошли сдавать выполненные задания, в аудитории началось хождение, поэтому все остальные полезли за шпорами. Пока женщина придиралась к какому-то побагровевшему парню, требуя отдать ей шпаргалку, Катя передала готовое задание Валерке, которое он стал быстро переписывать. На них, сидевших без разговоров и общения, не шарящих с выпученными глазами и напускным равнодушием по карманам, внимания никто не обращал. Сдав свои работы, Катя и Валера вышли из аудитории.

— Кать, спасибо тебе!

— Пожалуйста.

— Да погоди ты! Давай хоть поговорим!

— Мне некогда, еще к сочинению надо готовиться.

— Кать, ну, не обижайся, не мог я прийти. Да и что бы мы с тобой делали? По дворам бы со свистульками бегать стали? Я уж староват для этого, да и ты выросла уже, у тебя все теперь другое должно быть.

— Почему?

— Потому что все всегда кончается.

— Ну и ладно. Бывай!

Сочинение Валету Катя написала по драме Грибоедова «Горе от ума». Валерка понял, что сделала она это нарочно. Речь там шла о какой-то девке, которую парень бросил и в загранку укатил. А когда обратно приехал, то эта Софья уже по ночам с другим мужиком хороводилась. Саму Катьку выгнала с экзамена толстая баба с красным лицом тогда, когда она, противно шурша на весь класс, вытащила из кармана огромную шпаргалку по своей тезке Катерине из темного царства. Поэтому Валерий уже не смог переговорить с ней после того, как вышел с экзамена.

На следующий день Татьяна рассказывала, что Катька сразу же забрала документы. Преподаватели громко возмущались ее наглым поведением и очень хвалили Валеркино сочинение. Как тонко он описал душевное состояние Софьи! Некоторые фразы даже были построены так, будто пишет не парень, а сама Софья. Полное перевоплощение! Из этого рассказа Терех понял, что Валет передрал Катькину писанину один к одному, даже не поменяв пол Катькиной лирической героини.

В техникум Валет, конечно, поступил и тут же залег на Тереховом диване с гитарой в руках. Терех только морщился, когда он на радостях орал и давнишние блатные песни из Кроликова подвала. И его совсем не волновало, что с Катькой надо было что-то решать. Терех терялся в догадках, как этот баритон без нее собрался техникум заканчивать. Поэтому он собрал на счет Катьки большой совет, пригласив Кузьму, Бобку и даже Таньку.

Сначала они придумали позвать ее в кафе-мороженое, но решили, что она либо опять прилипнет намертво к их компании, либо мама ее все узнает, и что-нибудь с Валетом учудит. Танька, как самая опытная, посоветовала подарить ей духи, да не пузырек, а целую коробку! Духи пошли выбирать вчетвером: к

Валету, Тереху и Таньке пристал Кузьма. Выбор парфюмерии в центральном универмаге был слабенький, вернее, никакой. Тогда Кузьма блеснул своим хамоватым обаянием, он стал томно клеить молоденькую продавщицу, сказав ей, что страстно любит свою мамочку, потому что любить ему пока некого, некому дарить духи и другие ценные подарки, а вот маме надо срочно что-то всучить, желательно «Рижскую сирень». Но под прилавком в тот день были только терпкий «Красный мак» с шелковой кисточкой на коробке, «Красная Москва» с двумя флаконами в виде кремлевских башенок и какой-то непонятный «Лель» с пастухом на крышке, причем на морду этот пастух с дудочкой был удивительно похож на Валета.

Танька стояла за «Красный мак», но Терех заявил, что Катька может обидеться на кисточку. Он знал, что маленькая Катька была бы до соплей рада башенкам из мутного стекла. Но кто мог знать, чему теперь радуется большая непонятная Катька? Поэтому он настоял на приобретении вполне нейтрального «Леля». Его же обязали отнести подарок Катьке, да он и не отпирался, зная, что другие из их компании могут отнестись к этому делу менее ответственно, и добытые с бою духи у них могут запросто провалиться полгода, а то и дольше.

Духи он отдал Кате молча. Просто отдал, повернулся и пошел прочь. В отделе парфюмерии и косметики для покупателей стояло круглое зеркало в никелированном ободке, и Терех там впервые, как бы со стороны, увидел свою несуразную рожу. Мимоходом он про себя твердо решил, что с такой рожей

он, конечно, Катке не пара. А еще он заметил, что продавщица выкладывала все из-под прилавка вовсе не ради Кузьмы. Он видел, видел эти робкие покорные взгляды, которые она кидала на повернувшегося к прилавку спиной, равнодушного ко всему Валета. Терех тогда подумал, что равнодушие это напускное, он слишком хорошо знал Валерку. Он не ошибся, потому что перед уходом Валет одарил продавщицу таким взглядом, что она вся покраснела. В сущности, поэтому Терех и посоветовал купить им скромный флакончик без башенок, чтобы глупая Катка напрасно губу не раскатывала.

Никому из них не пришло в голову, что Катя всю ночь рыдала над черной картонной коробкой с тонким рисунком палехского живописца. Изображенный им юноша со свирелью был вовсе не пастухом, как по простоте душевной заметил Терех, а древним славянским богом любви...

16. Ночной разговор

Засыпай, касатка, не думай ни об чем! Я тебе песенку пропою, ты такой песенки никогда и не слыхала. Мне ее нянька пела давным-давно. И придет к тебе сон без сновидений, и наступит день без радости. Засыпай, мила дочь, забывай обо всем, живи, как живется. И о нас забудь крепко-накрепко.

Все было когда-то, и все повторится вновь... Много видел свет, еще больше увидит. И есть еще на свете тоненькая неприметная травка. По-простому она присуха называется, а как по латыни — забыла. И ведь даже в гербарии гимназическом она у меня была, хотя, конечно, я тогда о силе ее и не

догадывалась. Это ведь потом все понимаешь, когда слышать начинаешь. Даже слышишь, как травы растут и зовут умелую руку, и каждая перед тобой своей силой похваляется.

Рвут присуху обычно в середине мая, перед самым цветением. Она, знаешь ли, даже как-то там цветет, но тогда она уже замолкает, вся отдается мелкому невзрачному цветку. А что толку срывать умолкшую, ушедшую в себя травку? Странно, другие в тот момент наоборот стараются, к себе зазывают, а эта — только цветет не поймешь чем, ее разглядеть-то трудно, так бедный стебелек все соки своему цветку отдает.

Сушить лучше всего в амбаре. Там всегда воздух подвижный. Солнца стебель не держит нисколько, силу сразу теряет. Я помню, у тетки моей пучки присухи всегда висели до августа под стрехой на ярких сатиновых тряпочках. Потом она убирала их в марлевые мешки. Иранская марля у нас тогда была в наличии. Смешно было видеть, как тонкий, словно нитка, стебель хранил на себе потемневшие вздувшиеся цветочные почки. Ради этих почек и заваривали травку декабрьскими вечерами. Трава-то под снегом не спит, силу к весне собирает, поэтому силу присухи можно было использовать только до той поры, как новая поросль не подготовится к весне. Так ведь и с озимой рожью бывает. Хлеб-то изо ржицы пекут белый, пушистый, но только до созревания пшеницы. Как уж там ржаная мучица узнает, что начался обмолот пшеницы, только Бог ведает, но с того времени хлеб из нее получается уже черный, с клейким кисловатым привкусом.

Нет, присухой вовсе не присушивали зазноб, как ты подумала, грехом это считалось великим. Любовь — дар Божеский, он на свободной воле как на травах настоен. Кто на это руку поднимет, того никакой пергамент не спасет, и белый свет не удержит. Да только и любовь-то могла несчастьем обернуться, разные ведь житейские обстоятельства могли приключиться. Вот присухой и глушили тоску по своей несбывшейся любви. Жизнь такая была, что не до любви иногда было. Ни к чему она была иной раз, любовь-то эта. И ведь не такое уж это чувство ласковое бывает, зла она бывает без меры, а стрелы ее, как в старину говорили, — стрелы огненные. Вот и пили присуху, чтобы не сжег душу изнутри пламень любовной страсти. Берегли душу-то в старину.

А к чему тебе говорить, где искать ту траву? Хотела бы найти, давно нашла бы, как кошка. Нет в тебе смирения, девка! Страха Божьего на мизинец нету! Раньше страсти-то боялись, знали, чай, что страсти-то с человеком делают. Слаб человек, жизнь в нем — как огонек на ветру, зачем ему только дано такое

сильное сердце? Зачем все живет в нем тоска по мимолетной улыбке и взгляду, брошенному прямо в твою душу, словно зерно ядовитого цветка с цепкими жесткими корнями. И что же остается от твоей души, когда увядает тот цветок? А сердце все стучит, и стучит, и стучит... Чем же ему успокоиться, бедному сердцу?..

17. Дальняя дорога

На проводы Тереха в армию Катя пришла с двумя книжками: «Три товарища» и «Черный обелиск» Ремарка. Терех растроганно поблагодарил, зная, что Катерине пришлось стоять в очереди за этими книжками с номерком полгода, отмечаясь каждую неделю у них в книжном магазине. Танька, конечно, засмеялась, что Тереху в армии и почитать дадут и прикурить заодно.

Катя сидела молча, глядя в тарелку. Терех, остриженный под нуль, был очень смешной, у него неожиданно появились большие серые глаза, которые были раньше скрыты густой прибрятенной челкой. Он грустно улыбался Катьке, когда она робко глядела в его сторону. На Валерку она не смотрела, он сидел напротив и не особо обращал на нее внимания. Салат, правда, два раза ей передал и налил шампанского. Отец Тереха, одетый в пиджак и душивший его галстук, мужественно держался без водки, он провозглашал тосты за Тереха, Советскую армию и командиров, которым все всегда виднее, и закусывал кутьей, выложенной по тарелкам.

Проводы совпали с сороковым днем по тете Дусе. Мамы у Тереха больше уже не было.

Хоронили ее всем цехом. Мама очень плакала, а куда деваться? Жизнь Дусе Тереховой досталась не сахарная, зато и смерть была легкой. Странно, но именно последние, относительно сытые времена почему-то совершенно выбили ее из колеи. Умирая, она очень сожалела, что ей так мало довелось пожить теперь, когда хлеб продается без карточек, без очередей и блата, свободно, за сущие копейки...

Но безвылазно сидевшая с ней перед самой кончиной в больнице Танька, провожая мать, без слез сказала Тереху, что так будет лучше для всех. Да Терех и сам это прекрасно понимал. Мама его все-таки умерла в больнице, на чистых простынях. Почти с год она перебиралась из больницы в больницу, а врачи даже не знали, чем ей помочь. Бедное ее сердце вынесло все: и работу в войну, и мужа алкаша, который, когда у них смены совпадали, еще и прикладывал к ней руку. И, если честно, то у мамки ихней не все в порядке было с головой. Терех, как мог, скрывал это даже от Катьки. А в последнее время мамке становилось все тяжелее и тяжелее жить дальше. А голова у нее болела так, что у Тереха даже слезы наворачивались, когда мамка жаловалась, что ей даже на белый свет глядеть больно.

Мамку у них, вместе с молодежью из ихней деревни мобилизовали под конец войны на взрывные работы, мины и снаряды обезвреживать. Две ее подружки остались инвалидками на всю жизнь, одного парня прямо там, у дороги схоронили, собирать было нечего. И, если честно, то мамка ведь всю дорогу кричала по ночам и даже сикалась, а спать нормально при развитом социализме могла только днем. Поэтому она всегда брала ночные смены и повышенные социалистические обязательства, зачастую подменяя и тетю Галю, пока та еще на пивзавод не перешла. Тяжелые житейские заботы, песни папы Тереха под трофейный аккордеон и борьба за кусок хлеба раньше все же отвлекали как-то ее от тех кошмаров. А вот в больничке, да еще на трехразовом дармовом питании с котлеткой ее вновь и вновь убивала взорвавшаяся за спиной граната, которая на самом деле ее почти и не тронула, навсегда искалечив двух ее подружек.

Катька тоже тогда провожала Терехову маму. Она поняла, что почти не знала тетю Дусю в лицо, потому что днем она обычно отсыпалась после ночной смены носом в стенку, либо что-то делала по дому тоже лицом вниз. Да Катька

ее и видела только раза три в лицо, но тогда у нее были синяки из-за Терехова папы. Ее ботинки она помнила гораздо лучше, чем лицо. В гробу она, собственно, и увидела впервые тетю Дусю не с ботинок, и удивилась, какое чистое и светлое было у мамы Тереха лицо, наполненное нездешней радостью.

Вместе с Терехом перед девятым днем они даже ездили к ней на могилку. Стояла поздняя осень, и Катька все ловила себя на мысли, что уже видела какой-то сон, смутно напоминавший эти низкие свинцовые облака и тихий мелкий дождичек.

Особой необходимости в их посещении последнего приюта тети Дуси не было, потому что на могилке жены прочно обосновался Терехов папа. Он в рекордные стахановские сроки выстроил там оградку с шариками и цепями, скамейку со столиком и памятник с бронзовыми орлами. Он ведь был не только алкаш, но и лучший литейщик завода. В кладбищенской сторожке у него все были друзья, поэтому он иногда оставался на кладбище с ночевой.

На проводах Тереха, когда все уже помянули тетю Дусю, папа его только ковырялся вилкой в золотых зубах и грустно щурился на люстру. Катя поняла, что он забыл свой аккордеон на кладбище.

И пока мама их лежала по больницам, но помирать еще не собиралась, по Танькиной милости на их квартире воцарился прямо притон какой-то. Это еще до выхода Валета произошло. Из-за обострения маминой болезни Танька так никуда поступать не стала, а пошла в секретарши. На машинке печатать она научилась довольно быстро, в коллективе ее приняли хорошо. Жить бы, вроде и жить. Но что такое для крепкой девки печатная машинка? После школы Танька к бабке ездить в деревню наотрез отказалась, хотя картошку и сало трескала за здоров живешь. А папа Терехов вдруг, как мамка болеть стала, каким-то слезливым сделался. Он все Тереху ныл песни про то, что раз Танька — баба, то все равно жизнь у нее будет тяжелая, поэтому им лучше ее сейчас пожалеть, раньше времени не укатывать. А до преж дал бы ей в ухо, и весь разговор!

И потащились к беспризорной Таньке кавалеры. Терех их бил-бил, бил-бил, а их все больше становилось. И еще Зелька эта, шалопутая, тут же вертелась. Ладно, что с приходом Валета с гитарой этот кошмар в их квартире закончился, но опять Танька что-то тишком кроить стала. И Терех с негодованием думал, что кавалеров она теперь к Зельке водит.

Вот и теперь за столом на его проводах в армию, на поминках, блин, по сороковому дню родной матери, без стыда сидел новый Танькин хахаль! Этот мозгляк все время хватал ее за колени под скатертью, и у Тереха уже играли желваки. У Кузьмы не было жены с ребенком как у Бобки, поэтому его отсрочка от армии уже заканчивалась, он пытался надраться шампанским и зло подглядывал на Катьку, из-за которой Терех не купил водки. Бобка пришел, конечно, со своей женой — крашеной, легкомысленной блондинкой, тут же клюнувшей на безучастного ко всему Валета. Она призывно смотрела на Валерку, оживленно просила его что-то ей подать, подлить и громко смеялась, сука. Бобка, как и его отец, работал экскаваторщиком, пришел он на провода после работы. К вечеру он уже наморозил сопли в своей жестяной кабинке. От шампанского он сразу осовел и откровенно клевал носом в салат. Поэтому, глянув на Тереха, конца застолья Катерина разумно решила не дожидаться, всякое там еще могло произойти. Провожать ее пошел Терех, которого никто не посмел остановить.

Шли пешком, молча. У ее подъезда они остановились, и Терех посмотрел ей прямо в глаза. Странно, но Катя будто впервые его увидела. В глазах Тереха почему-то стояли слезы, и ей самой тут же страшно захотелось плакать.

— Ты пиши мне иногда, Кать!

— Хорошо.

— Катя, помоги Валету учиться, а? Вышибут ведь его без тебя. Я Таньке накажу, она будет тебе его задания передавать.

— Ладно.

— Ну, не грусти ты, Кать, а то я сам по-волчьи завою!

— Нет-нет, все нормально! Ты только сразу напиши, что там и как. Мне так будет трудно без тебя! Почему, почему ты уезжаешь именно сейчас!

— Я скоро вернусь, Катя! Тебе сейчас будет не до меня. Ты закончишь школу, поступишь в институт, поучишься там немножко, и я уже приеду... Ну, не плачь! Эх, Катя-Катерина...

У ее подъезда Терех повернул ее к себе за плечи и неловко поцеловал в щеку. Катя даже не успела сообразить, что же это было, а он уже быстро шагал по направлению к остановке.

18. Туз бубен

Здравствуй!

Я получила твое письмо, я рада, что у тебя там все хорошо. Ты только не бей там солдат, а особенно командиров. Ну, и что, что они — мудаки! Кстати, кто такие -«мудаки»? Я послала тебе конфет и блок сигарет «Родопи», ты там за посылкой проследи. У нас выкидывали в гастрономе сигареты, я с мужиками долго в очереди за ними стояла, меня ребята из класса видели. Теперь все просят закурить, поэтому больше я тебе сигарет покупать не буду, извини. Подворотнички я тебе сшила, отдала Таньке, когда она заносила задания Валета.

Вот только как он экзамены сдавать будет — не знаю, но Танька говорит, что он очень старается, а некоторые контрольные уже делал сам. Он перевелся на участок к электрикам, поэтому теперь у него много свободного времени на работе. Если он не сохнет, то закончит техникум как раз к твоему дембелю. Кстати, что такое «дембельнуться»?

Ты спрашивал про моих мальчиков просто так или с воспитательной целью? Я уже из твоих советов и указок выросла! И писать девушке, что если она будет с кем-то целоваться в губы, то ее все шалашовкой считать будут, просто как-то нелепо. Можешь там не переживать, ни с кем в губы я не целуюсь! Почему-то не выходит у меня никакая любовь. Почему, Терех, а?

Вот сколько мне еще ждать, как ты думаешь? Может, до девятнадцати? Но ведь я тогда буду уже совсем старая.

Мама говорит, что мне надо поступать на экономический. Там учатся одни девочки, там уж точно меня никто целовать не будет. А потом я буду работать на заводе в планово-финансовом отделе, пить чай с толстыми тетками, кофты вязать, требовать с цеховых мастеров показатели, а они меня будут материть за глаза.

Хотя считать и подсчитывать — это единственное, что у меня получается. Ну, ты знаешь.

Ты меня извини, что я тебя все забывала поздравить с присягой, я сразу ничего у тебя из письма не поняла ни про учебку, ни про сержантскую школу. Ты бы как-то над подчеркиком поработал, Терех. Но то, что теперь ты уже даже сержант — это, наверно, просто здорово! Я все равно тобой горжусь!

Почему у тебя сменился номер почты? Хотя это, конечно, военная тайна, но ведь это, Терех, не Китай? Я почему-то очень китайцев боюсь.

Катя.

Терех!

Как некстати тебя взяли в армию! Я конечно, знаю, что с тобой ничего не случится, я ведь регулярно на тебя пасьянс раскладываю. Но когда только и разговоров, что о цинковых гробах, то поневоле начинаешь беспокоиться. У девочки с нашего потока в институте тоже одного парня прислали в цинковом гробу, у нее, конечно, был другой парень про запас, но ведь у матерей запасных сыновей не бывает. Со двора Бобки и Кузьки в гробу прислали Мишку-маленького. Помнишь, он еще в таких дурацких зеленых валенках к нам на катушку приходил? Господи, как жалко Мишку! И, знаешь, совсем не помню его большим, а вот маленьким — помню. Но почему-то, в основном, с валенок.

Я каждый день думаю, что это просто здорово, что тебя из-за хулиганства в свое время заставили сдать все нормы ГТО. А еще ты на своего военрука ругался, когда он вас заставлял с деревянными автоматами по азимуту ходить! Помнишь? Танька сказала, что он помер недавно с перепоею, я ему

свечку ходила потихоньку в храм с тете Галей ставить за тебя, что драл тебя, как Сидорову козу. Я думаю, что это тебе поможет, я так верю в это! Я все только учусь, учусь. Разницы большой между институтом и школой почти не различаю. Из нашего двора почти никого не вижу. Таньку только твою часто встречаю в булочной. Совсем мне грустно, что и Татьяна замуж вышла без тебя. Они квартиру снимают недалеко от нашего дома. Теперь, когда она стала Горбунковой, все ее мужа зовут Горбунком, а саму Таньку — Горбушкой. Ох, и будешь же ты его бить! Вид у нашей царевны замотанный, нездоровый. Ребенка носит, а видно ходит с ним совсем голодная. Я давеча видела, как она булку прямо в очереди к кассе кушала. А муж ее все в нашей газете стихи про любовь печатает. Я заходила к ней с твоим письмом, занесла варенья да по мелочи чего. Там у нее в буфете — шаром покати! Буду теперь к ней ходить как тимуровка, хотя она и одни гадости мне про Валета говорит, будто он ни одну юбку не пропускает. Мне-то, какое дело до его юбок? Будь здоров, Тереха!

Катя.

Здравствуй, Терех!

У нас на потоке мальчик есть один, комсорг нашего потока, Володя Карташов. Вот он меня, кажется, давно хочет поцеловать. Но я с ним еще не целовалась, я с тобой хочу посоветоваться. А когда уже ты приедешь?

А недавно я встретила Валета. Он почему-то ждал меня у подъезда, он хотел разобраться с заданием по математике. Какие у него джинсы и кроссовки! Просто, отпад! Даже не скажешь с виду, что он шесть лет сидел в тюрьме и на поселении. Он все надо мною подшучивал, в кино приглашал. А потом почему-то полез целоваться. Мы с ним договорились в субботу встретиться, опять позаниматься, но он даже не позвонил. Как всегда. Видно, сам уже с физикой разобрался, без меня. Вот единственный раз за два года меня и пытался кто-то поцеловать, да и тот — Валет.

Терех, когда ты приедешь, то очень расстроишься. Танька в булочной сказала, что все твои рыбы передохли, потому что твой папа их почти не кормил, а жил на кладбище. А потом он два раза пил из аквариума, и они из-за этого отравились. Танька теперь с мужем к вам в квартиру переехала, раз

твоего папы там все равно не бывает. Она говорит, что если ты в институт поступишь, то тебе все равно общежитие дадут.

Знаешь, я вообще твоих советов ждать не буду. У нас в группе все девочки целуются. И если кто-то меня захочет поцеловать, то лично мне не жалко.

Катя.

* * *

После этого Катькиного письма, за три месяца до своего дембеля, сильно рискуя, Терех вышел один против хохлов. Что-то они ему сказали наглое, и он, после этого письма, отломил от кровати стальной прут и изметелил шестерых хохлов. Ну, если честно, то ему, конечно, немного армяне помогли, но ни Терех, ни хохлы предпочли тогда об армянах не распространяться.

Конечно, хохлы давно задирались, они с весны в дупель обнаглели. Им стало мало азеров, они еще и на его узбеков хавку разинули. Сколько раз он их предупреждал по-хорошему, что узбеки — под его рукой. А тут ребят из Красноярского края весной дембельнули, так они решили, что сейчас им от Тереха отломится.

Конечно, узбеки — лакомый кусок. Народ исключительно полезный, не чета этим хохлам. Работают много, жрут мало, а из дома им все время урюк и кишмиш посылают. А хохлам — только прогорклое сало и сухофрукты. Над ними даже молдаване животы надрывают.

Вообще-то хохлы никогда особым умом не блистали. Братья-славяне, эти ихнюю мать! Уж на что белорусы забитая нация, но хоть место свое знают. А эти — рожи красные, чуть зенки зальют, так начинают права качать. Худшая нация во всем Союзе! Хуже таджиков, блин! Вот армяне, к примеру. Ссориться с ними нельзя, обязательно ночью прутьями забьют. Но зато днем всегда договориться можно, причем, по-русски. Не говоря уже о грузинах. Грузины — больше братья, чем эти суки! Кому скажи, ведь не поверит! Потому как два года с ними в одной казарме не отирался! Квакают непонятно как, нормальный язык, блин, только уродуют, и чо-то свое, хохлятское, которое хорошо рифмуется со словом на букву «б», при этом замышляют. Сортир после этих сук не отмоешь. Нарочно обосрали, зная, что ему говенных шаров за ихние рожи накачают.

Потом, среди хохлятского говна, Тереху стало так муторно, так плохо, что он сел на крайний вымытый стульчак и завыл по-волчьи, обхватив голову руками. Там его и нашли верные узбеки. Они все утро за него переживали. Хохлы к

ним не прикалывались, потому что четверо у них вообще в больничке киповались. Просто, узбеки переживали по-человечески. Армяне знаками объяснили им, что Терех, перед тем как хохлов того самого, письмо какое-то из дома получил. Это, уж понятно, какое письмо, многие из них разные письма получали, кроме узбеков, конечно. Даже эстонцы получали. Неразумно все-таки у Тереха дома жизнь налажена. Чего, казалось бы, проще — заплати за девуку заранее, и успокойся! За нею теперь отец с братьями так следить будут, что потом сам не отвертишься! А сортир отмыть — раз плюнуть, главное ведь, чтобы душа за дом не болела!

19. О разведении слонов в Белоруссии

Причем, ведь Терех сам настоятельно требовал сообщать ему все подробности довольно скучной Каткиной жизни. И, что характерно, самое главное, что произошло с ней за время его пребывания в армии, она ему так и не написала, по-своему жалея его, считая, что это ему совсем не надо знать. Он уже год был в армии, когда у Кати умер отец, папа Вася. Просто пришел с работы после вечернего заседания партактива, где его много ругали за что-то и грозили отнять партбилет, лег и заснул навсегда. Катя и Валентина Петровна остались одни.

Вот тут-то Валентина Петровна и стала просто Валею. С похоронной суетой, с установкой памятника она поначалу этого не заметила. Начальники цехов, товарищи ее мужа по работе, в этот период озабоченно предлагали помощь, но не ручкались, а с силой хлопали по плечу. Валентине Петровне казалось,

что с уходом Васи они все вдруг вспомнили их молодые годы, совместные комсомольские и партийные посиделки, поэтому, из сочувствия к ее горю, они временно сменили подчеркнуто уважительный, даже заискивающий тон и официальное обращение, к которым она привыкла за последние годы, на товарищескую вольность. Она отнеслась к этому с благодарностью, полагая, что в сутолоке рабочих будней все со временем придет в норму. Но прошло несколько дней, и все руководство завода, выше сменного мастера так и встречали ее словами: «Здравствуй, Валя! Привет, Валя!», а еще через пару недель — просто кивками головы. Была она Валентиной Петровной уже чуть не двадцать лет, а тут вдруг стала Валею даже для молоденьких девиц из бухгалтерии. А потом Валентине Петровне напомнили, что с образованием у нее неувязка получается, и перевели из технического отдела, куда ее еще Вася устроил, в диспетчерскую. А там уже никто и не вспоминал, что была она когда-то Валентиной Петровной и работала в техническом отделе.

И если на поминки в заводскую столовую пол завода пришло и все руководство, то на девятый день только пять кадровых рабочих и зашли-то к ним на квартиру помянуть Васю. А на заводе в тот день уж и не вспомнил о Васе никто, хотя столько он там отпахал. Даже премию квартальную не начислили, а зря ведь наехали на него тогда, дал Васин цех план и обязательства дал. А все начальники премию за Васину работу получили, а то, что у нее почти все сбережения на поминки ушли, где все они нажрались до сопель, так это они и не вспомнили. И на девятый день Валентине Петровне так тяжело на сердце было, весь день она ждала, что хоть кто-то скажет теплое слово о Васе, да напрасно, все без толку. Был человек, и нет человека.

Без Гали Кондратьевой трудненько бы в тот день пришлось. Хотя студень и блины они с Катей приготовили с вечера, да только для застолья сделать еще много оставалось. Но, вернувшись с работы, Валентина Петровна и не готовила ничего, Галя, пришедшая раньше ее с первой смены с пивзавода, уже все приготовила. Она и в церковь ходила, панихиду по Васе заказала и какую-то службу. Сорокоуст заказывать было нельзя, потому что Васю закопали не отпетого. Но сама-то Валентина Петровна и этого сделать не могла, как партийная. Сколько они на парткоме разбирали да позором клеймили коммунистов, которые вдруг венчаться или детей крестить решались. А Галя ей молчком из церкви несколько иконок заглавных принесла и утешительных молитв. И Валентина Петровна, втайне от Кати, стала молиться. Ей было легче думать, что Бог есть, что Ленин со Сталиным его не отменили, и что когда-

нибудь они снова встретятся с Васей, но тогда уж никаких авралов она не допустит, и у них будет много времени, чтобы хотя бы по-людски поговорить, а не шепотом на парткоме.

И хоть никого не было этих с завода, но так в тот вечер хорошо посидели! Терехов с кладбища зашел с аккордеоном, и они спели все любимые Васины песни. На тебе сошелся клином белый свет! Сошелся, Вась, да весь разошелся...

Только вот Катя весь вечер в своей комнатухе просидела, два раза только к ним ненадолго вышла. Какая-то неловкость ощущалась теперь и в обычные дни в отношениях между матерью и дочерью. Нет, как вести себя с дочерью в качестве Валентины Петровны раньше было понятно, но вот теперь, в качестве Вали... Жаль, конечно, что Катенька одна у них с Васей росла, так уж получилось. Дуся-то Терехова, покойница, и Галя Кондратьева все-таки уже по семнадцати годков имели, когда они в войну круглые сутки в мерзлой земле окопы рыли. А ей-то тогда едва двенадцать стукнуло! У нее, может, месячных после тех окопов до девятнадцати лет не было! Она, может, и эту Катьку-то едва выносила, так-то!

Если бы они остались в своей деревне с Васей, а не поперлись бы на эту стройку, то, конечно, не осталась бы она куковать свой век одна. А уж поминки бы в их деревне как у людей были бы, да, главное, среди своих. Васю-то в деревне все любили. Да без таких парнишечков-недоростков, как Вася, на которых всю войну пахали, все бы бабы в деревнях передохли. Все-таки работа больше, конечно, на мужика рассчитана. А потом вообще такое время наступило, что из деревни надо было бежать. Мать так и сказала, сунув им ночью паспорта, выкупленные у председателя за две бутылки первача: «Тикайте, детки, пока целы!» Вот и знай тогда, чего лучше было бы. Верно, говорят, что от себя не убежишь.

И никто бы не попрекал ее в деревне образованием, а Васю не заставлял бы заканчивать ускоренным образом институт. Сколько ведь не ускорять то образование, надо же скидку делать человеку, который с семи лет как мужик по шестнадцать часов в колхозе вкалывал. Ускорили образование, называется! Еще и поиздевались над человеком напоследок, что запятые Васенька не знает, где ставить. Английский заставили сдавать! А, может, у них в деревне только немецкому учили! Они, может, ни чо с Васей и не знали, кроме «Хенде хох!» да «Гитлер капут!»

Вот и Галя Кондратьева — своя, деревенская, зла не помнила. Заходить стала чаще, а то прямо хоть вой! И все «Валентиной Петровной» честь по чести навеличивала, пока сама Валентина Петровна ей как-то не сказала: «Кончай, Галя, никакая я теперь не Валентина Петровна, а такая же Валя, как и ты — Галя»

О Валерке речь у них ни разу не заходила, обе женщины старались деликатно избегать этой темы. Катю они на два голоса гнали на танцы и уговаривали завести себе какого-нибудь парня. И Кате было особенно невыносимо слышать это от мамы Валерия.

Терехов тоже стал частенько приходить с бутылочкой. Самим-то вдовам неудобно как-то было в очередях за водкой в гастрономе давиться, еще разговоры бы пошли, город-то у них не Париж все-таки, а большая деревня, народ только злее, завистливей. Телевизор включали редко, только когда фильм про войну показывали. А так они, собственно, и тянули весь вечер три рюмочки — за Васю, Мишу Кондратьева, да за Дусю.

Нет, поначалу все-таки этого Терехова тоже как-то неловко было, так и хотелось ему промеж глаз вмазать. Сколько ведь Дусю-покойницу от него отнимали, сколько она до милиции по чужим квартирам сидела! Но возмущало до глубины души и новое кладбищенское руководство, которое потихоньку стало выживать Терехова с кладбища. Будто никто в городе не знал, как они цветы с могил на базар продавать носят и пироги заместо птичек жрут! Да и конфликт у них с Тереховым только из-за этих бронзовых орлов получился, сперли ведь у Дуси одного орла, а за второго — Терехов с металлическим прутком стал. Ну, и побили его, конечно, он едва дополз к ним с кладбища-то. Орел, правда, целенький остался, но симметрия уже была нарушена. Галя и Валя всю ночь Терехова от этих иродов одеколоном оттирали, потом сидели с ним до самого утра, водкой отпаивали, конечно, чтобы нутро прополоскать.

Катька в то утро еще с ними вообще не разговаривала, надулась, да и на работу Валентина Петровна пришла совершенно разбитая, с опухшим лицом. И тогда ей окончательно перестали даже кивать начальники цехов, но вот работяги и мастера почему-то наоборот стали уважительно обращаться к ней по отчеству — «Петровна».

А Галя Кондратьева все уговаривала Валентину Петровну потихоньку в церковь ходить, не дожидаясь «пенсии». Потому как Валентина Петровна объяснила ей, что ходить в церковь сможет, только выйдя на пенсию. Совсем

эта Галя не понимала, что у Катьки только одна мать и осталась. И если эту мать в психушку упекут, то и постоять, в случае чего, за девку некому будет. Конечно, Галине просто было рассуждать, она все-таки всю жизнь беспартийной лямку тянула, а ей-то какого? Два раза у них уже в цехе психотерапевт выступал с лекциями о вреде религиозного дурмана. На цифрах статистики он доказывал, что шизофрения и параноидальная депрессия у его пациентов всегда начинались, казалось бы, с совершенно безобидной вещи — чтения Библии. А все шизики в его отделении, начитавшись Библии, в один голос начинают пугать врачей третьим Армагеддоном, что в развитом социализме только шизик в голову и может стукнуть. Вывод отсюда следовал один — без Бога жить, конечно, очень тяжело, но надо все-таки держаться до пенсии. Если она еще и о сорокоусте, да о церкви в цехе заикнется, то ее, после этих лекций, и из диспетчеров турнут, а двести пятьдесят рубликов в их нынешнем с Катькой положении явно не лишние.

Терехов, как-то незаметно для себя, окончательно прибил к их вдовой компании. На работе начались разговоры, что к Петровне Терехов из литейного ходит, но совсем они не правы были. В сущности, не к Вале, а к Гале принялся Терехов клинья подбивать... Все-таки с Галей они были значительно ближе друг другу даже по возрасту. Да и Миша Кондратьев давно уже помер, Галя за столько лет успела уже без мужика соскучиться.

В квартире Тереховской Танька с мужем жила, ребеночка они ждали. Вернее, ждала одна Танька, и мужик ее, кузнечик своего счастья, все по бабам скакал. Галя с Валей с далеким прицелом лишний раз удерживали по вечерам Терехова с аккордеоном, чтобы смертоубийства не допустить. Да и чо ему дома делать, если Танька сама к ним заходила с какими-то тетрадками, все у Кати в комнатке сидела. Женщины думали, что, может, Танька за ум взялась и после декрета выучиться на человека решила.

У Терехова в деревне дом от матери оставался, они даже туда раза три все вместе в баню ездили, в ванне-то разве отмоешься. Хороший был у него дом, и сарай не соломой, а тесом крытые. Вообще у этого Терехова руки-то были золотые, его вот даже никто на трофейном аккордеоне играть не учил, а ведь любую песню на слух подбирал! Огород был запущен основательно с тех пор, как Дуся перестала сажать тут картошку. Терехов приезжал сюда только рыбачить, да подлатать в дому чего по плотницкому делу.

В городе Терехова держала только Дусина могилка. А Галя в деревне надышаться не могла, да и Валентину Петровну земля тянула. И глядя, как

Галя, садясь в автобус, в раз грустнееет и замыкается в себе, Валентина Петровна начинала размышлять, что лучше бы оставить подругу у Терехова в деревне, может быть, он бы даже ее и бить бы не стал. Все-таки после Дусиной кончины у него самого-то репа варить начала. А к Дусе и Мише она бы за них ходила, они недалеко от Васи лежат, в аккурат на главной аллейке.

Но кино по телику с Галей смотреть невозможно было. Тут деревня в ней, конечно, во всей красе сказывалась. Как говорится, можно вышибить петуха из деревни, да деревню из петуха не вышибешь. Она все время переспрашивала, честно стараясь вникнуть в действие. Пряма, хуже маленькой Катьки, когда они ее в детстве в кино водили. Так же вот: «А это чо? А он-то чо?» Чокнуться с ней можно было. Нет, главное, в жизни все вроде схватывает, а в кино ни чо понять не может! Даже Терехов с матом просил ее заткнуться. Из-за нее Терехов и Валентина Петровна не смогли даже толком досмотреть «Вечный зов» по второй программе. «Угрюм-реку» эту и «Сердце Бонивура» они и сами, если честно, до конца не ухватили. Но тут-то тема, вроде, знакомая, чо не понять-то? Стога, правда, в той деревне так сметывать и не научились. И тут еще этой Галине каждый раз приходилось пересказывать содержание всех десяти первых серий. Ничего эта Галя запомнить не могла! Как-то Терехов ей даже в сердцах сказал: «Ну, ты, Галина, прямо Дуська моя! Заездили вас смолоду, так ни чо ведь репа не варит!» Галя обиделась, конечно, но виду не подала, кротко глядя перед собой со слезой.

И чтобы больше она не обижалась, телевизор они включали только на старых фильмах про войну, которые Галя глядела еще молодухой в деревенском клубе. На этих фильмах она молчала, вздыхала и плакала в тему. Ей, видно, объяснили их содержание еще раньше, в деревне. Тогда фильмы все-таки были понятные простому народу, да и чего про войну не понять — горе горькое, можно сразу с надписей плакать начинать, не промахнешься. Поэтому они, в основном, и смотрели «Жди меня», «Девочка ищет отца», посмеиваясь только на «Небесном тихоходе».

И еще был такой фильм про то, как зоопарк в Берлине в войну разбомбили, вот название этого кино сразу не упомнить, хотя простое такое название, что-то про слона. Так в этом зоопарке слон был советский. И как-то это батальон наш советский все же определил. Вроде как это было написано где-то у слона на боку или на ошейнике... Что-то сейчас это уже и не припомнить. Но, короче, решили этого слона из-под бомбежки обратно домой отправить, а в сопровождение к нему дать солдата. И вот как они идут под обстрелами, да по

разоренной земле, так сердце переворачивается, деревня родная вспоминается сразу, война... Там, конечно, слезы помимо слона этого льются. И, главное, тоже сразу на ум приходит, как про этого же слона в своей деревне в силосном складе этот фильм глядели. У них тогда почти у каждого двора по две-три похоронки на руках было, забот не впрокорот, и вроде бы совершенно никакого им дела не было до этого слона. Но там был такой момент жутко жалкий, когда слону этому в нищей Белоруссии никто пожрать ничего не дает. А он как давай им представления устраивать, ножку бедное животное давай поднимать, головенкой кивать! Всякому понятно, что животинка жрать хочет. Тут они обычно всей деревней в голос выть начинали, даже и теперь, как вспомнишь, слеза прокатывалась...

И Белоруссию эту тоже было так жалко, так жалко! Самой жрать нечего, от домов — одни трубы торчат, а тут еще слона кормить заставили...

Эх, разучились нынче хорошие фильмы ставить, только на «Зите и Гите» и можно было как следует пореветь.

20. Танцы-шманцы

Ситуация, конечно, сложилась та еще. Скажи кому, так ведь проблюется от умиления! Нет, приползти из армии, и — ни дома толком, ни нормального уклада, блин! Хоть обратно не вали в казарму. К хохлам.

В квартире ихней теперь жила Танька с крошечным племянником. Как увидела брата родного, заревела, дура, стала просить какого-то Горбунка не убивать.

Папаша с аккордеоном, оказывается, всю дорогу аккомпанирует дружному хору тети Гали и тети Вали. У Катьки больше нет отца, а ему она даже ничего не написала. И он тогда еще писать бросил, после ее диковинного письмишка про поцелуи. И чо он тогда в бутылку-то полез? Ни чо ведь, главное, у этой Катьки даже не было ни с кем. Ходит, блин, теперь ни на кого не смотрит. И хорошо, что его тогда все-таки армяне от хохлов отбили, а то бы, блин, братья-славяне точно бы ему кое-что оторвали. Как-то надо бы сдерживаться в другой раз. И, главное, к Катьке теперь никак не подкатишь на буланой. Даже не разговаривает, блин.

Но самое отвратительное, что папаша перебрался жить к тете Гале. Так под ручку с аккордеоном от тети Вали к тете Гале и переползает ежедневно. Как там Катька от них с ума не сдвинется? А тетя Галя еще и Таньке с пацаненком водиться помогает. Это у него хохлы чувство реального все-таки отбили, или они все тут без него шизанулись?

Два раза Терех спал дома, в коридоре. Пока прямо к нему домой не появился какой-то пьяный Горбунок. Танька повисла на нем, обхватив его ноги, поэтому эту сволочь, которую Терех в первый раз в своей жизни увидел, он бить в тот раз не стал. Просто ушел. Долго сидел на лестничной площадке, потом к нему вышел Валет, угостил сигаретой. Ему тоже ситуация эта самая уже под кадыком стояла. Но чо с ними сделаешь? И, главное, больше всего Катьку было жалко. Она после смерти отца вообще ни с кем не разговаривала. А как эти с аккордеоном ее достали, можно было только догадываться. Танька рассказывала, что Катька занимается, надев на голову перовую подушку. Вот, суки, блин!

Валет сказал, что Тереху теперь надо к ним перебираться на старый топчан близнецов. В принципе, сам Валет был не против. Даже рад, между прочим. Хотя папаше Тереху врезать все же не мешало. Вот, может, они по-братски объединятся, да отметелят его по первое число, а? Момент, вроде, в целом, удачный... Ведь даже бабу теперь не приведешь, пока мать во второй смене!

И сейчас Терех мог только с нервным смешком вспоминать свой дикий вой в стройбатовском сортире. И впрямь, смешно! Знать бы, что ждет в будущем, так можно было бы и не надрываться. Дурак, блин.

* * *

Пару раз на огонек вместе с отцом к компании присоединялся и Терех, пришедший из армии. Но Катя тогда вообще в ванной запиралась, поэтому

Терех старался не засиживаться. На втором году своей службы, когда он неожиданно перестал ей писать, она так переживала, что же она могла написать ему такое? А потом она на него обиделась. Поэтому, когда он уже дембельнулся, и целых три дня ей даже ни разу не позвонил, Катя вообще решила больше с ним не разговаривать. А потом к ней в ванну мама стучалась и нетрезвым голосом говорила, что как-то так неудобно, раз человек в дом пришел. Ну, она тогда вышла, попыталась с ним поговорить ради вежливости, что-то из общих тем спросила, вроде как про Валерку, ну, как у него дела с учебой. Они ведь раньше хотели вместе на вечерний или там заочный поступать. Планы-то, вроде, такие у них были. Так у Тереха сразу вообще как-то лицо дернулось. Что-то пробурчал в ответ, а потом стал вообще как-то все нехорошо ухмыляться и напряженно смотреть в сторону, будто ждал свистка со двора. Катя совсем не знала, как себя вести с таким повзрослевшим Терехом, который все больше походил на своего придурка-отца. Он после этого их разговора опять приходить перестал.

И только из застольных разговоров Катя узнала, что Терех с Валеркой вместе поступили на заочное отделение машиностроительного факультета института, где училась и она. Номер его группы Катя знала, она могла бы его найти и так, но зачем? Да и на Валерия там можно наткнуться...

Ребята, конечно, не потянули бы на дневном, а на заочном у них сложилась крепкая дружная группа, которая брала учебу если не умом, то общим натиском. После машиностроительного факультета у Тереха и Валеры был один путь — электромеханический завод, где производили бы какую-то очень важную оборонную технику. Оклады там были высокие, квартиры давали хорошо. Поэтому мама Валерки со слезами радовалась успехам старшенького, который все-таки выправился в жизни. А Тереху, как он только на работу туда устроился, комнату в общежитии дали. Правда, еще там инженера поселили, молодого специалиста, но живут они вообще хорошо, Терех его еще даже ни разу не бил, потому что этот инженер его по сопромату консультирует. Катина мама воспринимала эти новости, конечно, с одобрением, думая, однако про себя, что некоторых только могилка исправит.

Кате надо было еще очень долго, целых три года учиться, а потом еще как-то жить. Ее сокурсницы усиленно подыскивали себе подходящие партии, не забывая голову себе всякими бреднями о детских увлечениях. Они старались поскорее выскочить замуж. Где же после института парней-то найдешь?

Будешь потом ударно вкалывать в плановом отделе среди старых баб и на вечера «Двадцать пять плюс-минус пять» изредка наведываться!

Азартом юных охотниц время от времени невольно проникалась и Катя. Она с интересом слушала завистливый шепот девчонок о новой пассии Володьки Карташова, единственного парня на их девичьем экономическом факультете. Девочки считали его очень красивым, и каждая хотела бы быть его подружкой. А раз так считали все, то, значит, так оно и было. Значит, не надо было его отпихивать, когда он после дня первокурсника полез целоваться. Вот считаешь, что парень просто развязный субъект, готовый увязаться за ближней юбкой, а он, оказывается, самый желанный, престижный вариант. Ничего, оказывается, Катя не понимала в парнях, но ей так хотелось быть не хуже однокурсниц!

Поэтому иногда, пересилив какое-то внутренне чувство неприятия большого скопления людей, она выходила и на танцы в городском Дворце культуры. Были у нее и романтические девичьи мечты о каком-то совершенно новом, незнакомом парне. Слишком много душевных сил было вложено в Валерку, слишком долго она его знала, в сущности, всю жизнь, которую она видела не из-под стола. И, наверно, пришла пора поставить на этом точку.

А Терех... Что Терех? Никакого Тереха никогда, на самом деле, и не было. Да, друг детства. А сам потом бросил ее в юности, из армии не писал. Она даже плакала. И теперь вот нужна она этому Тереху, как кобыле пятая нога... Ни одного раза из тех отчаянных случаев, когда он был так нужен, его не было рядом. И как можно было простить то, что они с ней сделали тогда с Валетом только для того, чтобы этот тюремщик в техникум поступил? Катя не знала, почему же так получалось каждый раз в ее жизни, когда что-то, что было гораздо сильнее ее, тянуло ее за сердце прямо к Тереху, он вдруг бросал ее еще хуже Валерки. И тогда она с горечью думала, что это все потому, что она — неудачница. Но, скорее всего, она просто некрасивая, поэтому так у нее все складывается. Вот и Вовка Карташов, как только она ему отказала тогда, вообще теперь к ней не подходит. Конечно, другие девочки его не толкают...

И на танцах ей почему-то совсем не везло. Тетя Галя и мама наперебой рассказывали, какие у них в молодости были танцы, как все их на вальс и танго приглашали. Как они шли в клуб не только потанцевать, но и поговорить с новым кавалером. Они искренне пытались дать Кате какие-то добрые советы на тот случай, если надо будет пошутить с партнером, или, если ее сразу двое

пригласят, например, на румбу или фокстрот, то надо с одним пойти, а другого подружке передать или попросить ее на вальс пригласить.

Катя пыталась найти хотя бы какую-то опору в этих давно устаревших советах, как-то использовать их, но почему-то эти советы были совершенно бесполезны на тех танцевальных вечерах, куда она иногда приходила. Изменились времена, поменялись и танцы.

Теперь Катя с подружками просто стояли у стенки в темном зале, где никто не видел лиц партнеров. Оглушительно ревели колонки, и по толпе прокатывались цветные лучи юпитеров. В моду вошла импровизация, танцам учиться уже не было нужды вовсе. Каждый танцевал, как мог, надо было только чувствовать себя раскованно, не обращая внимания на собравшуюся в зале толпу. Редко у кого при этом получалось красиво, и, похоже, сами танцоры это понимали, поэтому смотрели на окружающих не с интересом, а с вызовом. И Катя окончательно терялась в толпе. Нет, ни с кем тут она так и не смогла познакомиться, потому что у всех на лицах было написано высокомерное отчуждение. Конечно, если бы она пришла сюда в душевной компании или со своим парнем, то есть в том случае, когда посторонние люди либо не нужны вовсе, либо нужны только на определенной дистанции, ей было бы здесь хорошо. Но никакого парня у нее не было, а искать здесь кого-то...

И так каждый раз мама и тетя Галя, совершенно не представлявшие специфики современных танцев, будили в ней дремавшую надежду, забыть, наконец, прошлое и найти опору в будущем. И она шла с этой горькой надеждой, пытаясь не растерять ее до этих танцев, чтобы сохранить в себе какой-то кураж, чтобы стоять у стены хотя бы с равнодушной улыбкой. И каждый танцевальный вечер чужими нечищеными ботинками растаптывал в ней эту слабую, нелепую надежду... Кого здесь можно было найти одной? Ее редко приглашали на танец. Она все искала глазами хотя бы одно знакомое лицо, но на эти вечера приходили все разные, незнакомые люди.

Катя удивилась бы, узнав, что Валера с Терехом тоже бывали на этих танцах. И еще более удивительно, что, когда они замечали ее, то почему-то прятались от нее за колоннами зала, а потом обязательно крепко напивались в буфете. Да, очень изменились танцы. Их деревенским родителям таких танцев и не вообразить головой-то. А туда же, с советами...

Танцы у Кати закончились навсегда в декабре на третьем курсе. Ее тогда вдруг пригласил на медленный танец высокий симпатичный парень со старшего

курса. Он был, как и все, немного навеселе, но Кате было очень плохо стоять у стенки одной, поэтому она пошла с ним. Да она уже ничего особенного и не видела в подвыпивших парнях, зная, что и девочки с их курса обязательно перед танцами распивают бутылку водки в туалете. Они приглашали выпить и Катю, удивляясь, как она может ходить на танцы совсем трезвая. Катя внутренне соглашалась, что на их дискотеках надо было бы быть подшофе, но вкус водки ей не нравился. Да и пить ее в туалете было как-то негигиенично.

Она почувствовала недоброе, когда ее партнер слишком крепко обнял ее, с силой прижал к ее ягодицы себе. Он почти не двигался и тяжело со свистом дышал ей прямо в лицо. Катя пыталась вырваться, но он держал ее очень крепко, прижимая к своим брюкам. Музыка закончилась, но он ее не отпускал, стараясь прямо среди зала расстегнуть ее юбку. К ним подошли комсомольцы-дружинники и с трудом разлепили их объятия. Катя в этот момент ничего не видела вокруг себя, ей хотелось только умереть. Она не помнила, как дошла домой. Если бы в тот момент хотя кто-нибудь подошел к ней, утешил и помог добраться до дома, ей было бы не так страшно. Но друзья ее детства, как всегда, прятались за колонной. Нет, конечно, если бы Терех был один, без Валерия, то он бы такого не допустил, Ведь кроме Катки все сразу поняли, что этому гаду от нее надо. Но рядом стоял Валет и жадно глядел на Каткины муки, презрительно скривив губы. Да и, честно говоря, Терех тоже был несколько зол на Катю, а кроме того, он почему-то считал, что при Валете он не имел права бросаться ей на выручку. Какие-то у него были на этот счет предрассудки.

Потом они увидели Катю уже тогда, когда она сквозь толпу пробиралась к выходу. Она прошла рядом с ними, пытаясь трясущимися руками попасть в рукава пальто. Валерию пришлось даже немного потесниться, давая ей дорогу. Она бы, конечно, заметила их, но ее глаза застилали слезы.

Валерий после этого минуту-другую не мог двинуться с места, у него все оборвалось внутри, когда он так близко, почти вплотную увидел плачущую Катку. Хотя она только выть в таких случаях и может, а где не надо, так она очень смелая... В принципе, их участия уже не требовалось, парень этот куда-то сбежал, но старший оперотрядовец, посоветовавшись с кем-то по телефону, уже послал двух парней отыскать его для составления протокола о нарушении общественного порядка. Валерий знал, что после протокола паренек навсегда покинет стены вуза.

Вдруг он обнаружил, что Тереха уже рядом с ним нет, а в конце коридора позади него затеялась какая-то возня. Туда же неохотно потянулись и дружинники. Валет успел на место раньше их. Там Терех уже ногами добивал парня, танцевавшего с Катькой, а тот, из последних сил, пытался руками прикрыть голову. Валерка оттащил красного, с бешеными глазами Тереха, и они быстро ретировались на второй этаж Дворца культуры.

21. Ягодок — полный кузовок!

Сопромат сдал — женись! Очень правильный наказ дали всем студикам-технарям опытные, матерые сдавалы. Поэтому, сдав сопромат, Валерий на домашней студенческой вечеринке, устроенной по этому поводу, совсем по иному уже смотрел на девушек, которые учились с ним в одной группе. Под конец он здорово выпил, и девушки, обнимавшие его перед обязательной в таких случаях фотокамерой, казались ему удивительно красивыми и желанными. Он хотел их всех! Но особенно ему нравилась Наина — с тонкой талией и густыми шелковыми бровями. На ней были облегающие джинсы и черная водолазка с несколькими ниточками бус. Он уже несколько раз приглашал ее на танец. Свет в комнате при медленных парных танцах гасили, и Валера сходил с ума от запаха длинных распущенных волос девушки, в которые он зарывался лицом. Наина и сама прижималась к нему всем телом, и Валера не мог сдержать шедшую изнутри его дрожь.

Он провожал ее до дому тихим зимним вечером по дороге, освещенной Луной и оранжевыми фонарями. Наина была молчалива, она загадочно улыбалась, и сердце Валерия таяло, когда он глядел на девичий профиль Наины и чувствовал этот запах ее волос, ее тела.

Они поженились ранней весной, вместе сдав сессию. Все как-то здорово получалось у них вместе! Близнецы Ваня и Саша к тому времени уже закончили военное училище. Ваня служил в Казахстане, а Саша — в Прибалтике. Саша даже успел уже жениться. Терех практически сразу переехал в общежитие, а мать, за месяц до свадьбы, свалила, наконец, в деревню с новым папочкой, который теперь был у него на пару с Терехом.

* * *

Когда Галина Кондратьева окончательно договорилась со старшим Тереховым переехать к нему в деревню, чтобы не мешать Валеркиному счастью, они, конечно, отметили это событие очередным застольем. Мама грустила, она уже привыкла к ежевечерним посиделкам с аккордеоном. Даже не знала, как же ей теперь обходиться без тех, кого она до Васиной смерти искренне считала подонками общества.

Катя немного переживала за маму, но она так устала за то время, которое старшее поколение посвятило пению хором, что уже с трудом терпела последние дни их пребывания в их квартире. Не девочек к себе пригласить позаниматься, ни день рождения отметить... Кошмар какой-то! Ну, как позвать девочек и ребят с приборостроительного, которые стали приходить к ним в группу, к себе, если знаешь, что при этом папаша этого Тереха будет уговаривать всех спеть под его аккордеон? Так ведь даже в туалет стыдно при них выйти. Почему так дома устраивают, что в туалет надо обязательно проходить сквозь застолье в большой комнате?

В эти последние дни хор ветеранов о чем-то усиленно шептался. Она никак не могла расслышать, о чем же они там говорят. А это тетя Галя после рюмочки со слезой рассказывала всем, что Валера был у нее самым любимым и горьким ребенком! И Наина, которую он выбрал в жены, была так хороша! Ее радовало и то, что Наина была родом из пригородного поселка. Значит, с детства приучена к работе, да и родня новая, которой Галина втайне очень боялась, не слишком будет докучать молодым. Как ни посмотри, а все складывается к лучшему! Вот и у Валерочки, которому и так в жизни досталось, теперь с

первого дня будет своя двухкомнатная квартира. У нее прямо сердце радовалось, а Валя все шикала на нее, чтобы радовалась она как-то потише.

* * *

Свидетелем на свадьбе у Валерия был, конечно, Терех. Он почти не пил и гасил в зародыше все обычные пьяные свадебные потасовки. Поэтому свадьба, которая была как у людей в кафе, прошла очень хорошо! Назойливая свидетельница Наины пыталась привлечь Тереха к выполнению ритуального похищения невесты, но он уклонился. Его место было рядом с Валерием. В конце вечера они выпили вместе, и, захмелев, Терех полез с пьяными объятиями к Валерию. Он шептал ему на ухо, что он очень рад, что у него так все хорошо, что Наина — самая красивая невеста, которую только он, Терех, видел в своей жизни. Где он только на невест насмотрелся, никто не знал. Валера, ласково похлопывая Тереха по спине, передал друга Татьяне и ее почти трезвому мужу.

Иногда на Валерия накатывали волны бессонницы. Тогда он долго курил на крошечном балкончике над бывшими Катькиными окнами и думал, что когда-нибудь и для него наступит время, его время.

Они все еще очень пожалеют о том, что его детство было таким убогим, что вся молодость его прошла в тени одной беспамятной ночи, когда ему, конечно же, просто сунули в карман чужой нож... Все должны были в будущем горько пожалеть и о том, что и в институте, и на работе его за глаза называют «тюремщиком».

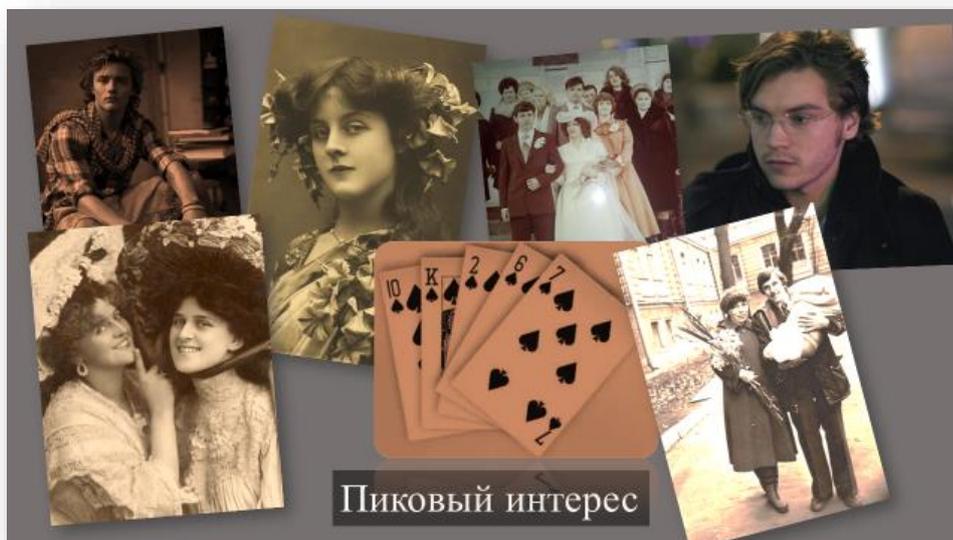
Этот паршивый город будет лежать у его ног, а женщина, которая спит сейчас рядом, вдруг поймет, что, выйдя за него замуж может быть только из-за городской прописки, она совершила в своей жизни единственно верный поступок.

Он никогда не додумывал эту заветную мысль до конца, иначе вспомнил бы и давнюю детскую обиду и свой обиженный вопль: «Все мамка! Вот я сейчас умру, так ты пожалеешь! Будешь тогда знать, как мокрым полотенцем стегаться! А я нарочно не оживу!»

22. Пиковый интерес

- Терех, ты только скажи, это правда?
- Да.
- Тетя Галя маме моей хвалилась, а я не верила... Мне, знаешь, надо ему в глаза посмотреть, я тогда все пойму.
- Катя, он очень любит жену. У них все хорошо! Не надо тебе глядеть ему в глаза! Не увидит он тебя этими глазами.
- А почему он меня не увидит? Вот же я! Почему он... Он даже на свадьбу не позвал...
- Кать, ты пореви, ну, всякое бывает, ты поплачь, не сиди ты так!
- Уйди!
- Нет, я не уйду. Давай тихонько домой пойдем, я тебя отведу. Опять у тебя шея голая, когда ты научишься шарфы носить?
- Я домой не пойду.
- А мы сразу домой не пойдем, мы вначале в кафе зайдем.
- Нет, не хочу никого видеть, тогда уж лучше домой. Приду и помирать лягу.
- Вот ты ляг, а там, может, сразу и не помрешь, может еще все очень хорошо будет, еще лучше. Давай, Кать, пойдем потихоньку!

* * *

Валентина Петровна с растущей тревогой ожидала Катькиной реакции на сообщение Галины Кондратьевой о Валеркиной свадьбе. Валила бы сразу в деревню! Молчком! Так ведь нет, взяла же верх деревенская порода! Надо было Катьке прямо в глаза вылепить. Что ей Катька сделала? Ну, не выходила

к ним все два с лишним года, что она у нее же в доме Терехова окручивала! Так на что там смотреть?

Нет, сама она виновата, сама. Привадила подонков общества! Господи, хоть бы Вася был жив! Что делать? Но и с Валетом этим надо было тоже как-то приканчивать. Интересно, как эта Катерина могла себе жизнь с тюремщиком представлять, если у нее от голоса предполагаемой свекрови под аккомпанемент предполагаемого свекра зубы ломило? И что, в сущности, такого сказала ей Галя? Правду! А чего она ждала? Разве это же ей раньше родная мать не говорила? Может, скрывала что от нее? Ну, конечно, так бы в лом бить не стала, пожалела бы... Где Гале это понять, у нее ведь пацаны были, она и не понимает, что с девчонкой-то так было нельзя.

Она знала, что Катя обязательно станет искать этого урку, чтобы узнать все от него. Вот пусть и узнает, раз матери не верит! Но что-то у нее долго с этим Терехом срывалось, тому все было некогда, он все оттягивал встречу. Валентине Петровне хотелось, чтобы Катя узнала сама все как можно скорее, с этой дурью и ночными слезами необходимо было расстаться немедленно. Чего этот Терех тянет? Пришел бы и вмазал бы промеж глаз правду-матку, как его новая мамка. Так нет, всю неделю ведь жилы вытягивал!

Но когда Терех привел домой бледную Катю с перекошенным лицом, Валентине Петровне захотелось солгать, закрыть собой дочь от этой непостижимой для нее правды. Она уже, не помня своей тайной радости по поводу Валеркиной женитьбы, подхватывая от Тереха Катю в полуобморочном состоянии, все никак не могла понять, как же Валерий мог сделать такое?

* * *

На «кашу» Валеркиному сыну Терех принес потрясающей роскоши бегунки. Они были складные, с большим столом, перламутровыми счетами, мягкими пластиковыми шарнирами. Таковую красоту можно было купить только у барыги или фарцы. Наина и Валерий просто рты раскрыли! Ничего такого они себе представить не могли! Даже у маленькой Катки когда-то были бегунки просто треногой из тонких дюралевых трубок, окрашенных зеленой масляной краской. Сатиновые подгузники ей Валентина Петровна сшила для них сама, а Каткина мама только языком в парткоме могла хорошо работать, поэтому на эти сатиновые шаровары было страшно смотреть, когда она вытаскивала маленькую Катку гулять во двор. А вот в подарке Тереха был даже запасной

подгузник! Валеркин сын теперь не будет сидеть в них, как Катька, вечно обсиканный!

На «кашу» пришли, как всегда, Бобка с женой и Кузька, отслуживший к тому времени в армии в стройбате. На минутку по-соседски заскакивала и Танька. Но сидеть она там долго не могла, потому что была со вторым ребенком на сносях. Она теперь с семьей так и жила как раз над квартирой Кондратьевых, а Терех теперь ушел из общаги, снимая угол где-то в центре.

После горячего и горячительного Валерий и Терех вышли на площадку покурить. Валерий был очень рад другу, он беспрерывно что-то говорил и громко смеялся своим шуткам. Терех, напротив, был молчалив, даже несколько мрачен. Не докурив сигарету, он стал тушить ее о подоконник, сломал и, чертыхаясь, выкинул в форточку.

— Катька замуж вышла!

— Самый короткий анекдот, что ли? — засмеялся Валерий.

— Я на регистрации только был, на вечер не пошел. Хотя она звала, рада была очень. Но там все были такие, ну, шибко культурные. Сидел бы я с ними, как лошадь поповская, Катерину бы в глазах молодого мужа ронял. Он и так на меня сычом смотрел.

— А где она его подцепила?

— Да в институте, на факультете своем. Нормальный с виду парень, очень симпатичный, экономист! Мы с тобой с ним рядом как коровы будем оседланные. Свадьба у них там такая, комсомольская.

— Ну и хрен с ней!

— Да я тоже ей сказал: «Молодец, Катька! Будь счастлива!» Улыбается, смешная такая! Она не в фате, в шляпе была, сейчас мода такая для невест. Самая красивая там была. Я еще на вечер, поэтому еще не пошел. Глянул на всех, а глаз-то положить не на кого.

Они вернулись в квартиру, сели за стол и выпили по полной рюмке, не закусывая. Больше о Катьке не говорили, они вообще потом уже только пили и ни о чем не разговаривали. Валеркина мать, приехавшая из деревни поводить с внуком на период студенческой сессии, решила, что они на площадке подрались ненароком...

